

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

2003

***

Квоты на добычу животных должны выдаваться по результатам учета численности, а не по произволу чиновников

***

Пятнистые олени концентрируются в местах постоянной подкормки, где их удобнее сохранять и вести селекционный отстрел. В 2002 г. на охрану и воспроизводство ресурсов Росохотрыболовсоюз вложил 150 миллионов рублей.

Фото А. Севастьянова

Пути развития

А. УЛИТИН

Тяжелый период переживает Россия: новые экономические отношения, связанные с формированием рынка, отрицательно сказались на охотничьем хозяйстве. Налицо тенденция его развала. Кризисное состояние отрасли характеризуется:

1. Снижением качества охотничьих угодий и ростом не закрепленных за охотпользователями беспризорных территорий (так называемого госрезервфонда);

2. Падением численности основных видов ценных зверей и птиц, особенно копытных;

3. Развитием черного рынка на ценную пушнину и лекарственное сырье, получаемое от добычи диких животных. Это делает невозможным возврат хотя бы части средств на развитие охотничьего хозяйства, охрану угодий и промысловых ресурсов;

4. Отсутствием механизмов экономической заинтересованности охотпользователей. При налогообложении не учитывается сезонный характер отрасли, вложения пользователями собственных средств на охрану и воспроизводство фауны, а также их затраты на заготовку и переработку охотничьей продукции;

5. Отсутствием надлежащего финансирования со стороны государства органов госнадзора, что вынуждает их в целях обеспечения собственного выживания заботиться о получении дополнительных средств, в частности посредством введения единого государственного охотничьего билета. В результате не члены обществ охотников оказываются освобожденными от материальных вложений (членские взносы) и обязанности заниматься учетом животных, охраной угодий, подкормкой зверей и птиц, борьбой с волком и другими хищниками.

Еще одним источником средств для охотуправлений стало расширение территории госрезервфонда в целях продажи разрешений на охоту (свободным охотникам), добычи и отлова животных, в том числе для продажи и проведения коммерческих охот, хотя заниматься хозяйственной и коммерческой деятельностью этим органам запрещает закон.

Мешает охотпользователям ежегодная выдача не в полном объеме квот (лимитов) на добычу животных, хотя квоты должны выдаваться по результатам учета численности зверей и птиц, на который пользователи тратят значительные средства. Это приводит к упущенной выгоде.

Получение дополнительных средств госохоторганы обеспечивают и за счет необоснованного расширения списка объектов охоты (социально значимые объекты охоты), добыча которых теперь осуществляется только по платным лицензиям, хотя до сих пор не утвержден порядок поступления и использования платежей, как того требует налоговое законодательство и Федеральный закон «О животном мире».

«Росохотрыболовсоюз», как основной охотпользователь, направлял Президенту РФ, в Правительство РФ, в Государственную Думу РФ аналитические письма и предложения (более 20 поручений) по устранению перечисленных негативных явлений.

Однако XI съезд Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» (ноябрь 2001 г.) вновь отметил, что большинство этих поручений не исполняются. Вводимые механизмы ведомственного управления, дополнительные платежи противоречат закону, нарушают юридические и экономические права охотпользователей. По исполнению ряда поручений не проводились межведомственные совещания, многие из них проведены без участия «Росохотрыболовсоюза». Мнение специалистов и широкой общественности не учитывается. Решения по многим поднятым проблемам недопустимо затягиваются, а отрасль идет к краху. Доля продукта в ВВП снижается, количество рабочих мест сокращается, численность организованных охотников с 3 млн. уменьшилась до 2 млн. человек. Ценное сырье из России уходит за рубеж и возвращается на наш рынок в виде дорогого товара.

Трудно согласиться с теми государственными чиновниками, которые утверждают, что умело справляются с управлением и контролем в сфере охотничьего хозяйства, что не нужны организованные охотпользователи (а многие общества охотников и рыболовов справили уже свои столетние юбилеи), что свободная охота — это конституционное право (ст. 19) гражданина. Но в Конституции РФ (ст. 58) кроме прав есть и обязанности гражданина. Общества всегда объединяли охотников для благородных целей. За ними и сейчас закреплено 15 % от общей площади охотугодий России, да и показатели работы, по данным статистичности, у них выше. Только в 2002 г. в охрану и воспроизводство фауны было вложено около 150 млн. руб., налогов внесено более 30 млн. рублей. Доходов же в условиях сезонности охоты и природоохранной направленнос-

ти деятельности получено всего около 80 млн. рублей. Окупаемости затрат и прибыли нет, в то же время налоговое бремя растет. При налогообложении и установлении платежей не учитываются затраты обществ на охранные мероприятия. Это ставит охотников в неравное положение: и те, которые не работают в охотугодьях, а только охотятся, и те, кто несут значительные затраты, как налогоплательщики находятся в одинаковом положении.

Кроме затрат, направляемых на охрану и воспроизводство животного мира, ведение охотничьего хозяйства, общественные объединения охотников и рыболовов на собственные деньги развивают охотничий стрелковый спорт, спортивное рыболовство, охотничье собаководство, трофейное дело, культурную и просветительскую деятельность, особенно среди молодежи. Все это помогает отвлекать граждан от наркомании, алкоголизма и других вредных проявлений.

Правительство РФ еще в 1998 г. дало поручение МСХ РФ сформировать Координационный совет по проблемам охотничьего хозяйства России, состоящий из ученых и специалистов, но он до сих пор не создан, а возникающие проблемы Департамент МСХ РФ пытается решать в одиночку и для поддержания ведомственных интересов. Яркими примерами такого пренебрежения мнением организованных охотпользователей являются:

1. Попытка Департамента МСХ РФ в одностороннем порядке разрешить через Правительство РФ введение единого государственного билета в качестве удостоверения на право охоты, для получения средств от оформления такого права. Анализ, подготовленный ассоциацией «Росохотрыболовсоюз», показывает нецелесообразность такого шага.

2. Внесение в одностороннем порядке в проект гл. 31 части второй Налогового кодекса РФ предложения устанавливать сборы за право пользования объектами животного мира в 3—4 раза больше размеров платежей, действующих по постановлению Правительства РФ № 1 от 4 января 2000 г.

Включение расширенного списка объектов охоты, легальная добыча которых без лицензии невозможна.

Представителям коренных малочисленных народов, проживающим в районах, где охота и рыболовство считаются основой существования, предоставлено право пользоваться объектами животного мира бесплатно. Таким

же правом должны пользоваться все жители тех же районов.

В проекте отсутствует норма, позволяющая при определении размера сбора учитывать затраты охотпользователей, направленные на охрану и воспроизводство животного мира.

Рассмотрим коротко замечания и обоснования к упомянутому проекту, подготовленные Центральным правлением ассоциации «Росохотрыболовсоюз», и оценим целесообразность таких поправок.

Плательщиками сбора за право пользования объектами животного мира (кроме животных, обитающих в воде) в соответствии с законодательством Российской Федерации должны признаваться не только организации, но и индивидуальные предприниматели, получившие в установленном порядке право на долгосрочное охотпользование, а также физические лица, получившие специальное разрешение (именную разовую лицензию) на охотпользование. Поэтому в ст. 1 проекта нами включены «индивидуальные предприниматели» в качестве потенциальных пользователей, а также более точно показано положение физических лиц, плательщиков сбора за право добычи животных на территории госрезервфонда.

Учет охотпользователей — организаций и индивидуальных предпринимателей приведет к тому, что налоговые органы будут иметь ограниченный круг плательщиков. Это позволит осуществлять более эффективный контроль за долгосрочными пользователями, а не за миллионами граждан. Взимание сбора только с пользователей в значительной мере снимет социальную напряженность и недовольство граждан. Охотник будет платить через охотпользователя, который приобретет бланки лицензий и будет выдавать их на основании ст. 37 и 40 ФЗ «О животном мире» для охоты на закрепленной территории. Только на территориях, не представленных в пользование, непосредственными плательщиками сбора будут физические лица (граждане).

При этом надо учитывать, что, если сбор будет осуществляться в основном через организации (юридических лиц), это и будет служить гарантией государству поступления средств в бюджет и сделает в меньшей мере возможным незаконную добычу объектов охоты.

Исходя из норм статьи 35 ФЗ «О животном мире», объектом обложения не может признаваться сбор за право пользования объектами животного мира, если пользование ими не связано с получением разрешения (лицензии). Эта поправка внесена на основании данной нормы законодательства в ст. 2.

В нарушение ст. 3 НК РФ предусмотренные в проекте ставки сбора не имеют экономического обоснования и установлены, как уже отмечалось группой депутатов и специалистами ассоциации «Росохотрыболовсоюз», произвольно, в 3—4 раза выше действующих

в настоящее время ставок, установленных постановлением Правительства РФ от 04.01.00 № 1.

Предлагается увеличить размеры ставок на 30—40 % против средних ставок, установленных указанным выше постановлением Правительства РФ. Эти увеличения учитывают произошедшие за предыдущие два года рост среднего уровня цен и прогнозируемый уровень инфляции в РФ. Предлагаемые ставки сбора учитывают реальное состояние охотничьего хозяйства страны и платежеспособность основных плательщиков (организаций и физических лиц) и направлены на обеспечение максимальной легализации изъятия охотничьих животных и вовлечение в легальный оборот продукции охоты.

При этом учитывается, что основные затраты по ведению охотничьего хозяйства несут хозяйствующие субъекты, а не госорганы, именно в интересах развития первых должен быть установлен реальный экономический механизм.

Что же показала практика увлечения платежами? Несмотря на неоднократное повышение стоимости именных разовых лицензий (с 1991 г. — 6 раз), численность лося постоянно снижалась в течение всего периода (1991—2002 гг.) и в целом сократилась на 35 %. При этом легальная добыча уменьшилась в 6 раз, хотя минимальные расчеты показывают, что лось изымается в 3 раза больше установленных государственным органом лимитов и, в первую очередь, за счет истребления браконьерами и волками. Аналогичная ситуация складывается с кабаном, численность которого сократилась на 44 %. В связи с этим государственный бюджет потерял доходы, которые можно было бы ожидать при условии сохранения и рационального использования указанных животных на уровне 1991 г. Введение платы за изъятие всех видов пушных зверей привело к тому, что фактическая их добыча превысила легальную, как минимум, в 4—5 раз (В. И. Гревцев, 2001).

Более того, удельный вес платежей в цене пушнины, в случае введения ставок, предусматриваемых Департаментом МСХ РФ в проекте НК РФ (по В. И. Гревцеву, зачет 45—64 %), составит от 16 % по рыси до 200 % по сурку, что, в свою очередь, послужит дальнейшему сокращению реальной добычи и соответственно увеличению нелегальной реализации продукции охоты. Предлагаемая в проекте Федерального закона ставка сбора за изъятие соболя составляет 120 рублей, при этом не учтено, что общие затраты на добычу превышают его реализационную цену, которая составляет в среднем по России 250 рублей.

Исключение подпунктов 10 и 11 из пункта 11 статьи 3 законопроекта основано на том, что ФЗ «О животном мире» не требует изъятия практически всех охотничьих животных на основании лицензий. В ст. 34 указанного выше закона предусмотрено только

определение перечня объектов животного мира, изъятие которых из среды обитания без лицензии запрещено, а в ст. 35 прямо сказано, что пользование объектами животного мира, не включенными в перечень, может осуществляться бесплатно. Более того, установление ставок сбора за целую группу животных на один год охоты противоречит норме статьи 1 ФЗ «О животном мире», предусматривающей, что именная разовая лицензия является специальным разрешением на однократное использование определенных объектов животного мира, с указанием места и срока его действия, а также количества допустимых к использованию животных. Таким образом, установление сбора за разрешение (лицензию) на целую группу животных на один год охоты можно рассматривать как произвольное, на которое отсутствует обоснование, что прямо противоречит норме п. 3 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации, требующего финансового и экономического обоснования ставок. Кроме того, мелкие малоценные пушные виды и пернатая дичь являются социально значимыми объектами охоты для основной массы охотников, как ресурс государством не учитывается, а численность этих видов определяется непосредственно охотпользователями. Добычу этих видов целесообразно осуществлять по согласованному с государством квотам без лицензий (непосредственно силами охотпользователей).

В настоящее время не лицензируется только добыча волков, шакалов, ласок, сусликов, кротов, бурундуков, хомяков, водяной полевки.

Определение суммы сбора органом, выдающим разрешение (лицензию), противоречит ст. 52 Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающей, что налогоплательщик самостоятельно исчисляет сумму налога. На основании вышеизложенного требования законодательства внесены соответствующие изменения в ст. 4, 5 и 6 рассматриваемого проекта.

Доходы федерального бюджета от платы за право пользования объектами животного мира и водными биологическими ресурсами в 2000 г. составили 13,4 млн. руб., или 0,001 % от общих доходов бюджета (приложение 1 к ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2000 г.»), в 2001 г. — 38,6 млн. руб. в федеральный бюджет, а всего в консолидированный бюджет — 97,5 млн. руб. (данные МЧС России). В этих суммах плата за право пользования только объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, составила незначительную долю. В то же время от косвенных и других налогов с доходов от деятельности, связанной с предоставлением охоты, только по ассоциации «Росохотрыболовсоюз» государство за последние 3 года недополучило в бюджет порядка 122 млн. руб.

Сумма сбора за право пользования объектами животного мира должна

уменьшиться на сумму, затраченную охотпользователем на охрану, учет численности дичи, проведение биотехнических мероприятий, направленных на сохранение, воспроизводство и расселение охотничьих животных. В настоящее время охотничьи хозяйства, по расчетам ассоциации «Росохотрыболовсоюз», несут чистый убыток в размере 8 рублей за каждый человеко-день охоты.

Проектом гл. 31 части второй НК РФ не разрешен порядок оплаты сбора. Проект предполагает, что плательщики, получающие право на пользование объектами животного мира, уплачивают сумму сбора при получении лицензии (разрешения). Предложения же, поданные в Государственную Думу РФ ассоциацией «Росохотрыболовсоюз» в целях защиты интересов и других пользователей, сводятся к следующему:

Плательщики, получающие право на пользование объектами животного мира, сумму сбора уплачивают в виде разового и регулярного взносов.

Сумма разового взноса должна определяться как доля в размере 10 % от исчисленной суммы сбора за изъятое животное.

Уплата разового взноса производится при получении лицензии (разрешения) на пользование объектами животного мира.

Оставшаяся сумма сбора после добычи объекта охоты должна будет определяться как разность между исчисляемой суммой сбора в целях изъятия объекта и суммой разового взноса и уплачивается охотпользователями равными долями в виде регулярных взносов в течение всего срока действия лицензии (разрешения) ежемесячно не позднее 20-го числа.

Это усилит контроль со стороны государства за поступлением платежей за добытые объекты. Предлагаемый же механизм предусматривает оплату налога, по сути, в виде аванса за наме-

рение добыть дичь. Это все равно что заплатить за вход в магазин, в котором нечего купить. А охотник предполагает, что он должен стать собственником реально добытой продукции. Кроме того, надо учитывать, что полная уплата суммы сбора при получении лицензии (разрешения) слишком обременительна, так как разовый платеж должен учитывать значительное на сегодня видовое разнообразие объектов лицензированной охоты (около 100 видов) и необходимость оплаты всего установленного лимита изъятия (по отдельным видам он варьирует от 10 до 1000 голов). Наконец, использование лицензии ограничено сроками разрешенной охоты и зависит от природных и иных условий (пожары, отсутствие снега, закрытие охоты на отдельные виды животных и т. п.).

В связи с этим норму, действующую для плательщиков, осуществляющих пользование водными биологическими ресурсами, следует распространить и на плательщиков сбора за право пользования объектами охоты.

Необходимо ст. 53 ФЗ «О животном мире» привести в соответствие с ч. I НК РФ на основании ст. 7 ФЗ «О введении в действие ч. I НК РФ».

После введения в 1999 г. в действие части I НК РФ норма ст. 53 ФЗ «О животном мире» потеряла смысл. Статьей 13 части I НК РФ введен сбор за право пользования объектами животного мира и водными биологическими ресурсами. Статья 8 НК РФ определяет понятие сбора как обязательного взноса, взимаемого с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственным органом, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление прав или выдачу разрешений (лицензий). Таким образом, данный сбор должен

взиматься за действия, связанные с выдачей лицензий. Аналогичный смысл данному сбору дает и Конституционный Суд (Определение от 08.02.2001 № 14-0), называя его «платежом за предоставление государством разрешения (лицензии) на пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, изъятие которых из среды их обитания без лицензий запрещено».

Депутаты Госдумы РФ при рассмотрении проекта Гл. 31 (ч. II НК РФ) обратили внимание представителей МФ РФ, МНС РФ на отсутствие финансово-экономического обоснования размеров ставок сбора, поручили разработать механизм взимания сборов и их прозрачное употребление, в том числе и на развитие охотничьего хозяйства.

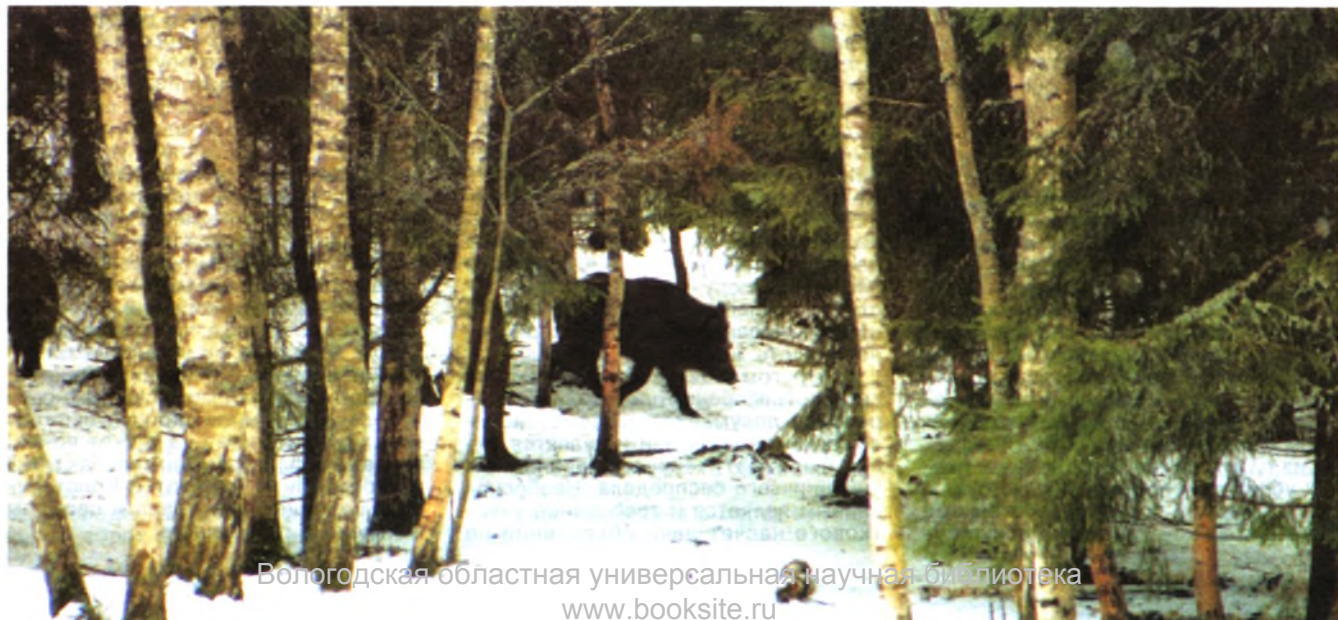
В настоящее время, пользуясь несогласованностью законов, территориальные органы Федерального специально уполномоченного государственного органа в данной сфере неправомерно взимают дополнительный сбор с пользователей животного мира, устанавливая его размеры своими приказами, в то время как в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 13.08.97. № 1009 они не имеют права издавать нормативные правовые акты.

Расчеты показывают, что принятие предлагаемых ассоциацией «Росохотрыболовсоюз» дополнений и изменений позволит в 2003 г. получить порядка 25 млн. руб. сбора за право пользования объектами животного мира и на 30—40 % увеличить поступления косвенных и других налогов, взимаемых с оборота охотничьих услуг и продукции. В последующие годы, с легализацией оборота продукции охотничьего хозяйства и услуг, сумма сбора по Российской Федерации может возрасти до 100—130 млн. рублей.

Мы не можем стать разрушителями традиционной отрасли — охотничьего хозяйства России.

Добыча кабанов действительно требует поштучного лицензирования, но введение лицензий на бекасов, чирков, вальдшнепов, рябчиков и т. д. — нелепая и ненужная выдумка дилетантов-чиновников.

Фото А. Севастьянова

Консультации юриста Темерова

Замечательный русский юрист Федор Кони писал: «Люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая эту власть в свои руки, обращаются с ней осторожно, а вызванные на проявление ее в благородном смущении призывают себе на память не только свои права, но также свои обязанности и нравственные задачи...»

...Другие..., обобщенные прежде всего созерцанием себя во всеоружии отмежеванной им власти, они только о ней думают и заботятся и возбуждаются от сознания своей ответственности. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение».

На мой взгляд, многие наши чиновники относятся именно к этой последней категории людей. К сожалению, провозглашаемые во многих законодательных и нормативных актах, а также и в нашей Конституции права граждан на практике игнорируются местной властью, и создается такое положение, когда, как говорится, бедному христианину, а также представителям других конфессий податься некуда.

Помимо официальных наскоков власти, жизнь простого человека в значительной мере осложняется правоприменительной практикой на местах. Взяточничество и вымогательство приобретают чуть ли не легальный характер. Достаточно послушать бывшего мэра Москвы Гавриила Попова, который публично провозглашает право государственного чиновника, получающего зарплату по своей должности, брать еще и мзду до 20 % от суммы визируемой по службе сделки. Вот чиновник и чинит различного рода препоны и «бязки» на пути порядочных граждан, принуждая их «позолотить» ручку. Создается положение, когда рядовому труженику нельзя и шагу ступить, чтобы не расстаться со своими кровно заработанными деньгами — то ли официально, то ли по принуждению.

Человек, решивший стать членом славного сообщества охотников и рыболовов, уже с первых шагов сталкивается с серьезными нравственными и экономическими проблемами, при решении которых не только страдают его финансы, но и разрушается нервная система. А уж проблема непосредственно поохотиться или порыбачить — и того хуже. Рядовому охотнику осуществить свою мечту очень сложно по его финансовым возможностям. Стоимость горючего, лицензий и путевок на право охоты, проживание в охотхозяйствах и пр. выливается в весьма «круглую» сумму, которая людям уже не по карману.

Передо мной письмо Ю. А. Тимофеева из г. Пскова, который на семи листах убористым почерком повествует о своей нелегкой борьбе с работниками разрешительной системы, прокурату-

ры и чиновниками от охоты за свои права. Обращает на себя внимание аргументированность доводов автора в свою правоту, его доскональное знание нормативных документов, регламентирующих правила оборота оружия, организации и проведения охот и т. п. При этом автор выглядит все же несколько наивным, когда с Конституцией РФ в руках и другими законодательными и нормативными актами пытается что-то доказать, а его не понимают и не слушают.

Дело в том, что должностное лицо зачастую весьма далеко от высоких материй и при решении конкретного вопроса руководствуется прежде всего ведомственной инструкцией. При чем это не право его, а обязанность. Если будет нарушена эта инструкция, виновный будет наказан. Вот и вся философия! Претензии следует предъявлять нашим законодателям и тем высоким чиновникам, которые плодят не согласованные с законом инструкции и положения, ущемляющие наши права и интересы.

Юрий Александрович считает, например, незаконными требования предъявлять в разрешительную систему различного рода ксерокопии, поскольку это не предусмотрено в каких-либо официальных документах. Если, по его мнению, органам МВД так уж нужны эти копии, то пусть установят в офисе ксерокс и делают эти копии, а не ввергают граждан в дополнительные расходы. Не нравится автору и необходимость «по много дней бегать за участковым», дабы он составил на него требуемую характеристику и выдал справку о благонадежности.

При обращении в органы милиции у него не приняли паспорт и потребовали вначале обменять его на новый, тем самым нарушив его права, поскольку старый паспорт действует до 2004 года. Будучи возмущен таким отношением, пишет далее автор, он обратился к таким же соискателям права получить разрешение на оружие с предложением обратиться в прокуратуру с жалобой, но его не поддержали. Однако вскорости к его дому подбежал участковый уполномоченный и потребовал письменного объяснения по поводу призыва написать жалобу прокурору, и он был вынужден это сделать. Когда же участковый попытался проникнуть к нему в дом для проверки условий хранения охотничьего оружия, автор его не пустил, сославшись на ст. 25 Конституции РФ, провозглашающей неприкосновенность жилища.

Во многом с автором можно согласиться. Требование представлять ксерокопии документов повсеместно не выдерживает критики и является чисто бюрократическим проявлением чиновничьего беспредела. Необоснованным является и требование участкового насчет дачи объяснений по

В. Темеров, Заслуженный юрист РФ, Почетный член военно-охотничьего общества

поводу написания жалобы. Что же касается недопущения участкового для проверки хранения оружия, то тут все не так просто.

Многие полагают, что нормы нашей Конституции имеют прямое действие, и горько ошибаются. В Конституции немало не только декларативных статей, но и бланкетных, т. е. отсылающих к другому закону или нормативному акту.

В ст. 25 Конституции действительно провозглашается принцип неприкосновенности жилища, однако за исключением случаев, «...установленных Федеральным Законом...». А в Законе «О милиции» предоставляется право «входить беспрепятственно в жилые и иные помещения граждан...» сотрудникам милиции в определенных случаях. В Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ № 814 от 21 июля 1998 года, прямо указывается: «Органы внутренних дел по месту жительства владельцев имеют право проверять условия хранения зарегистрированного ими оружия».

Так нарушено одно из основополагающих прав человека и гражданина — право на неприкосновенность жилища. Ведь даже для проникновения в дом человека, подозреваемого в убийстве и хранении орудия убийства, милиция должна иметь санкцию прокурора, а в дом законопослушного и мирного охотника она может войти, когда ей заблагорассудится. Так можно обесценить все статьи Конституции, защищающие права и свободы человека и гражданина.

В защиту прав и свобод охотника

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства.

Конституция Российской Федерации.

статья 2

Сейф должен стоять в спальне!!!

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! В № 1 за 2002 год прочел «Обращение Союза Российских оружейников». Слышал когда-то такую фразу: охотники в нашей стране — вооруженная, но самая бесправная часть населения. Печально, но факт: склоняют нашего брата по всем падежам как хотят, насколько фантазии хватает.

Производители оружия обеспокоены низким спросом. Верно! Я бы с удовольствием приобрел ИЖ-18 32 калибра для обучения стрельбе своего чада. Но... Как подумаешь, сколько нужно всего пройти, сколько будет волокиты, нервов, справок, унижений... При том, что я уже охотник более 20 лет, имею все необходимые документы, не имею ни одного нарушения правил охоты, хранения и применения оружия, одним словом — никаких замечаний. И все эти годы имею оружие, неоднократно проверен и перепроверен. Но чтобы приобрести этот «игрушечный» ствол, практически все надо снова проходить и собирать по-новому документы. Хотя при перерегистрации своего ИЖ-27 два года назад все уже было пройдено.

А год назад получена лицензия частного охранника — также после прохождения всех необходимых инстанций. И сейчас, если пойти за лицензией на новое ружье, опять пошлют на исходную стартовую позицию. Не хочу! Хотя с удовольствием купил бы малокалиберную винтовку — для обучения пулевой стрельбе, для отстрела ворон и т. п. Карабин друг предлагал в подарок. Но это же опять мытарства, да еще

в Пермь надо ехать, везти его на отстрел. Значит — новый сейф, новые комиссии и новые справки, проверки и перепроверки, и перерегистрации. Да, господа производители, спрос мог бы быть намного выше, если б не эти надуманные препятствия.

Чтобы получить лицензию на приобретение гражданского оружия самообороны или первый раз лицензию на приобретение охотничьего ружья, нужно представить справку о прохождении обучения по безопасному обращению с оружием, по его устройству. Наш город Чайковский численностью около 100 тыс. человек — районный центр, и есть у нас разрешительная система, но что самое интересное, обучать нас здесь, похоже, некому. Потому что за этой справкой нужно ехать в соседнюю Удмуртскую республику в г. Ижевск — 100 километров от нас. Это шокировало! Но, оказывается, все было не так уж и плохо, потому что с 1 ноября 2001 года нас отправляли уже в г. Пермь, а это 300 километров! Справка в то время стоила 130 — 150 руб. плюс дорога более 200 руб. в один конец. В полтыщи точно не уложились бы, да и по времени за сутки не успеешь.

Ну разве это не издевательство над человеком? Начнешь возмущаться, ответ прост: «не хочешь, не езди».

Около двух лет на дверях кабинета нашей разрешительной системы висело объявление: «Лицензий на охотничье и газовое оружие нет». Почему нет? Нет бланков! А почему нет бланков? Не знаем! Был такой сатирический фильм,

не помню название. События происходят в 18 или 19 веке. Приехал иностранец в Россию какое-то дело открывать, и понадобились ему подписи от разных чиновников. Приходит он к одному чиновнику, тот сидит за столом, руки в рукава втянуты, спрятал, значит, и говорит: «Видишь, рук нет, нечем подписывать!» Приходит заграничный господин к другому чиновнику, а тот ему на чернильницу показывает: «Подписал бы с удовольствием, да видишь, чернила высохли...»

Вот с тех пор мы и живем с теми же принципами, с той же чиновничьей системой. И не видно этому конца. Неужели нельзя упростить все эти процедуры? Чтобы по открытой лицензии на годовое оружие можно было приобрести несколько единиц. Разве плохо? Почему нельзя это сделать? Это было бы и в интересах гражданина, и в интересах производителя оружия.

Перерегистрация должна быть раз в 10 или 15 лет. Разве разумны требования, чтобы сейф был из металла не менее 3 мм толщиной, имелось два внутренних замка (местами требуют, чтобы один был внутренний, а один — навесной), чтобы был прибит к полу, привинчен к стене или находился внутри бельевого шкафа? Иногда требуют, чтобы находился сейф непременно в спальне, а не в общей комнате! Боже, когда все это кончится?

П. СОЛОВЬЕВ
Пермская обл.

Господин министр, помогите охотникам!

Уважаемая редакция! Пишет вам охотник-любитель Овинников Николай Васильевич из г. Скопина Рязанской области. Охотой занимаюсь с 1949 года. Отец купил мне в подарок к 14-летию одноствольное ружье 16 калибра за 220 рублей, и менее чем через месяц я получил, без всяких проволочек, охотничий билет. Так было!

Немало ружей перебивало с тех пор в моих руках: курковая тулка, немецкие «Зауэр» и «Зимсон», отечественное ИЖ-54 и вот последнее ИЖ-27 ЕМ. Никогда у меня не было затруднений с приобретением оружия, за исключением последнего. Нужно было собрать целый ворох различных документов,

чтобы получить лицензию, разумеется, не бесплатно.

Ружье было куплено и зарегистрировано в органах МВД. Пришел срок его перерегистрации, и началось все сначала. Вот что требуют сегодня при перерегистрации:

- заявление на имя начальника ОВД;
- фото 3х4 — 2 шт.;
- медицинская справка;
- ксерокопия охотничьего билета;
- ксерокопия паспорта;
- справка с места жительства;
- рапорт участкового о наличии железного ящика;
- характеристика с места жительства;

— медицинская справка: нарколог, психиатр, окулист, терапевт. Заверяет гл. врач, а если впервые, то еще больше врачей надо пройти.

Ксерокопия паспорта, что ты гражданин России, рапорт участкового о наличии ящика при перерегистрации — зачем все это? Характеристика — это ведь тоже проблема!

Хочу обратиться через журнал к Председателю Единой партии России Министру МВД Б. Грызлову.

Уважаемый господин министр! Спасите, пожалуйста, охотников от чиновничьего произвола!!!

Н. ОВИННИКОВ
Рязанская обл.

Записки промыслового охотника

Соболевка на Тяхтиреке

Г. ЛАПСИН

Центральная усадьба госпромхоза находилась в районном центре Ши́ра на границе степи и предгорий Восточных отрогов Кузнецкого Алатау.

Сразу за поселком кончалась степь и начинались безлесные увалы, и через несколько километров шли березовые и осиновые перелески, быстро сменяемые лиственничными лесами и сосновыми борами, переходящими в светлехвойную тайгу. Характер увалов менялся, все больше встречалось открытых скал и высоких хребтов. Дальше следовала темнехвойная тайга с могучими кедрочками и елями. Чем выше — тем больше ели. Затем исчезали кедрки, появлялась пихта. Темнехвойная тайга редела, сменялась кустарниками, потом альпийскими лугами, и все это великолепие венчали гольцы с гордыми и малодоступными вершинами, за которые большую часть года цеплялись хмурые тучи или легкие кучевые облака.

В степи на крупных и малых озерах гнездились утки, обитала ондатра. Осенью и весной на кормежку останавливались многочисленные стаи гусей и перелетных уток. В равнинной части промхоза в изобилии водилась лисица.

В горах обычно высока плотность населения соболя, особенно в кедрочках в годы урожая орехов. Соболю оказывал пагубное воздействие на белку. Ее численность сократилась в несколько раз. Любой охотник за сезон добывал соболей в два—три раза больше, чем белок.

Ежегодно в горах проходит сезонная миграция копытных. Весной косяки из лесостепной зоны возвращается в кустарники и долины, примыкающие к альпийским лугам. Туда же приходят изюбры и лоси; все спасаются от гнуса на продуваемых ветрами гольцах. С

выпадением снега все повторяется в обратной последовательности.

Миграция копытных проходила по одним и тем же маршрутам, которые хорошо знали браконьеры. В 50-х гг., особенно осенью, на таких переходах добывали сотни косуль. С сокращением их поголовья этот промысел изжил себя. Но мне приходилось встречать в узких долинах километровые изгороди из полусгнивших жердей, служивших для направления животных к засидкам браконьеров.

В конце декабря мы вышли в тайгу из поселка Белренджак, что расположен в 60 километрах от райцентра, с лучшим профессиональным охотником Василием Смирновым — высоким, подтянутым мужчиной лет тридцати двух. Жена, под стать ему высокая и стройная, с мягкими и приветливыми чертами лица, на прощанье, обняв мужа, поцеловала в губы и прошептала: «Береги себя, милый, и возвращайся поскорей!»

Сначала шли по старой лесовозной дороге, а затем на лыжах, подбитых конским камусом, поднимались по ослепительно белому снегу к маячившему вдалеке гольцу. Впереди Василий легко преодолевал крутой подъем, как бы не чувствуя тяжести поняжки с продуктами и охотничьим снаряжением. За мной, проваливаясь глубоко в снег, брел мой молодой кобель Байкал, родом из деревни Шивыкан Иркутской области, славившейся превосходными лайками. Смышленный пес сопровождал меня в любое время года во всех поездках по уголкам госпромхоза.

Светлехвойная тайга осталась внизу. Часто путь преграждали валежины с метровыми шапками снега, которые приходилось обходить. Все больше встречалось соболиных следов. Встретив очередной «горячий» след, Байкал пытался преследовать по глубокому снегу притаившегося где-то рядом

Геннадий Михайлович Лапсин. 1985 год

зверька, но каждый раз, жалобно поскуливая, возвращался назад и, в конце концов, отстал совсем.

Часам к десяти взобрались на голец — каменистое плато, лишенное какой-либо растительности, простирающееся на десятки километров с запада на восток. С километровой высоты перед нами во всей красе предстала незабываемая панорама горной местности. Чистейший горный воздух, лишенный пыли и дыма, позволял видеть на десятки километров. На фоне голубого неба на западе отчетливо просматривались отроги главного хребта Кузнецкого Алатау. Его бесконечные вершины искрились и сияли в лучах яркого солнца. Вниз уходили, причудливо извиваясь, распадки и долины ручьев, скалистые вверх, словно острокопечные башни и башенки старинных крепостей. Ниже распадки утопали в вечнозеленом море хвойной тайги. В ближайших долинах серебристыми змейками струились ручьи.

«Мать моя родная! Красотища!» — восхищенно воскликнул Василий. У него обветренное удлинненное лицо, большой острый нос, выступающий вперед подбородок, живой пронзительный взгляд. Все говорило о том, что предо мной человек хваткий, упорный, решительный, постоянно нацеленный на успех. «За речкой Тяхтирек, — он махнул рукой в сторону дальних хребтов, — мой охотничий участок».

Голец переходил в редкий кустарник. Дальше внизу простиралась тайга. Оттолкнувшись посохом, промысловик смело бросился с кручи в пучину быстро приближающегося леса. Еще миг — и он скрылся в тайге.

Мне много приходилось кататься с невысоких увалов в Иркутской области, где я «работал» по первому разряду в гладком беге на лыжах и биатлоне. На острове Шикотан (Малая Ку-

¹ Продолжение. Начало см. в № 4, 2003 г.

рильская гряда) я не единожды спускался с сопки высотой 412 м над уровнем моря и с других окрестных сопки. Сейчас же мне предстояло впервые спуститься с гольца высотой 1000 м, по целине, через горную тайгу на охотничьих лыжах, да еще с тяжелой понажкой и ружьем.

Охотники — народ бывалый. С гор спускаются не по прямой, когда можно развить бешеную скорость, а зигзагообразно. Чтобы гасить скорость, объезжать деревья и различные препятствия, используют прочный двухметровый посох. Надо повернуть, допустим, налево: охотник концом посоха опирается о снег рядом с задником левой лыжи, выдвигая при этом правую лыжу вперед; чем круче поворот, тем сильнее налегает на посох и увеличивает наклон корпуса в сторону склона. Закончив левый маневр, выпрямляет корпус, какое-то время скользя прямо в зависимости от обстоятельств, затем выдвигает вперед левую лыжу, переносит шест на правую сторону и выжидает момент для осуществления правого поворота. При таком способе спуска с гор можно варьировать скорость в любых разумных пределах. В горах очень плотный снег. Под человеком на охотничьих лыжах шириной 9—12 см он проваливается всего на 3—5 см, что позволяет свободно передвигаться в любом направлении.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать примеру Василия. На крутом спуске сила тяжести придавала мне стремительное ускорение. Закладывал крутые виражи, посохом гасил высокую скорость. Все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы не врезаться в ежесекундно возникающие предо мной, словно из-под земли, стволы деревьев, выворотни, валежины, подрост кедров, елей, каменные глыбы в снежных гигантских шапках, не рухнуть в снежные ямы и промоины. Хорошо, что мне не надо было выбирать маршрут спуска. Я прилагал неминуемые усилия, чтобы не вылететь из лыжи, проложенной Василием.

Тайга становилась все гуще и захламленной. Ветки деревьев и кустарников хлестали меня по разгоряченному лицу. Я ликовал от захватывающего быстрого движения, ни с чем не сравнимых острых ощущений. Мое молодое тело беспрестанно выполняло волю моего разума. Под лыжами покорно стелился податливый снег, расступалась суровая тайга. Как хорошо быть молодым!.. Поворот. Еще один поворот, и, разбросав фонтаны искрометного снега, я остановился на берегу ручья рядом с Василием.

За Тюхтиреком шли по путику, на котором в шалашах высотой более 2 м расставлены капканы на соболя.

В горах глубина снежного покрова достигает 2,5 м. Частые и обильные снегопады моментально заносят выставленные капканы и приманку, поэтому шалаша строили из нетолстых сухих деревьев, пней и валежин. С увеличением глубины снега приходилось под-

нимать капканы и приманку из боровой дичи, кедровок, речной рыбы, кедровых шишек, меда и различных других продуктов, которыми располагает промысловик. Фактически готовилось своеобразное «ассорти». Чем больше по объему, весу и разнообразию заложено различных компонентов, тем выше уловистость.

Многие профессионалы считают, что для осуществления эффективного соболевного промысла вес приманки должен быть около 500 г. С учетом того, что часть приманки съедают птицы, мыши, соболы, или она просто выветривается и ее приходится снимать, заносить в избушку и в тепле «подквашивать», а также добавлять новую. На весь промысловый сезон, длительностью в 4 мес, необходимо около 1 кг приманки на один капкан.

У Василия настроено 250 капканов. Несложно подсчитать, что за зиму он готовит четверть тонны «деликатесов» для соболя, что является головной болью для любого промысловика. Он подправляет приманку лопаточкой, которая крепится на тонкий конец посоха, аккуратно счищает насыпавшийся за неделю снег, проверяет оцеп, представляющий собой жердь длиной около 4 м, которая крепится к дереву гвоздем или рогулькой на высоте примерно 1,5 м над землей. К тонкому ее концу крепится цепочка от капкана. Жердь пригибается к земле. В таком положении ее удерживает гвоздь без шляпки, вбитый в одну из стенок шалаша, на который одним из звеньев цепляется цепочка с капканом. Попавший в капкан зверек инстинктивно стремится выскочить из шалаша, сдергивает цепочку с гвоздя, и толстый конец жерди оказывается на земле, а соболю вверх, где его не трогают ни птица, ни росямаха, ни мыши.

В третьей ловушке висел соболик, словно яркий золотистый шарфик, утренняя сказочной феи. Зверек попал в капкан левой передней лапой, да так и застыл, склонив набок голову. Каждый его золотой волосок, пушинка выпрямилась, расправились, придавая меху необычную пышность, удивительную объемность, осязаемую шелковистость и неповторимость. Под лучами яркого солнца искрился и сиял каждый волосок в отдельности и в то же время приумножал и усиливал естественную красоту меха. Не зря его испокон веков величают царским!

В дальнейшем мне приходилось видеть не одну сотню тысяч соболиных шкурок: у охотников, на пушных базах, помогать готовить лоты на Международном Ленинградском пушном аукционе, принимать и сортировать самому, наблюдать в готовых изделиях (крашенных, тонированных), но никогда я не встречал более эффектной «выставки» соболиного меха, чем в естественных условиях.

К вечеру мы сняли еще шесть соболей. Затем поднялись к вершине горы, где взялся лабаза, изготовленного Василием в сентябре около добытого

изюбря, по увесистому куску мяса. Тяжелая понажка и так успела за долгий день оттянуть плечи, а теперь и совсем придавила меня к земле. «Терпи. Избушка рядом», — подбодрил Василий.

Спуск пологий, но усталость и непомерный груз требовали большого напряжения и внимания. На одном из крутых поворотов я не успел вовремя сгруппироваться, правая лыжа зацепилась за маленькую пихточку, и я со всего разгона упал в снег. Понажка и ружье больно ударили по шее. Лежал в сугробе вниз головой. Руки в глубоком снегу не находили опоры. Ноги с перекрещенными лыжами где-то наверху. Снег в рукавицах, за шиворотом, на лице, в ушах. Он таял, и холодные струйки воды орошали мое тело. С трудом высвободил из креплений сначала правую ногу, затем левую; сбросил понажку и, побарахтавшись несколько минут, принял сначала горизонтальное положение, затем вертикальное.

Еле передвигая лыжи, подъехал к зимовью, занесенному снегом по жестяную трубу, из которой с легким гудением вырывались клубы густого дыма перемешку с быстро гаснущими искрами.

В избушке было холодно: за долгое отсутствие хозяина стены, пол и потолок промерзли насквозь. От раскаленной докрасна жестяной печи волнами шел горячий воздух. Через несколько минут стало тепло и по-домашнему уютно. В эмалированном чайнике закипела вода. Мы сели к столу. Я осмотрелся. Просторная высокая избушка срублена из толстых, аккуратно обработанных топором и тщательно подогнанных пихтовых бревен. Пол и потолок изготовлены из расколотых вдоль и проструганных ручным рубанком кедровых бревен. Напротив двери неширокий длинный стол, по бокам вдоль стен нары, застеленные изюбриными шкурами, сверху подушки и шерстяные одеяла. Около печи еще один маленький стол, используемый как кухонный. На стенах полки с чистой посудой: в кастрюлях уложены тарелки и чашки, закрытые от мышей крышками, кружки перевернуты дном вверх. На стене висят две сковороды, поварешка, кухонное полотенце. В самом углу около двери небольшой рукомойник. На полке рядом мыло, зубная щетка, зубной порошок, бритвенный прибор. Над рукомойником квадратное зеркальце. На «кухонном» столе двухведерный оцинкованный бачок с крышкой под питьевую воду. Под потолком вдоль дальней от печи стены прибиты две длинные тонкие жердочки. На них разложено более трех десятков деревянных правил на соболя разных размеров. Везде чистота и порядок. Такое положение меня порадовало. У ответственного и аккуратного человека во всем порядок — в мыслях, в делах, в поступках, независимо от того, где он находится, среди себе подобных или в глухой тайге.

На следующий день мы проверили

чуть более сотни ловушек, за неделю в них попало двенадцать соболей.

За долгие годы промысла у Василия выработался свой неповторимый уклад таежной жизни и профессиональный подход к осуществлению различных «производственных» операций. Вернувшись вечером в избушку, он развешивал на заранее вбитые в стену гвозди замерзших соболей, топил печь, пил чай с пряниками и, как был в легкой суконной куртке и ичигах, так и ложился на пару часов спать. Отдохнув, ставил на печь вариться мясо и принимался за соболей.

Как правило, все промысловики первичную обработку пушнины производят в избушках, что весьма непросто, хлопотно. Так вот у Василия это было отработано словно по системе Тейлора, хотя, ясное дело, о великом американце он не имел ни малейшего представления. Мне пришлось за свою жизнь более тридцати лет общаться с промысловыми охотниками непосредственно в тайге и вне ее. И никогда я не встречал ничего подобного.

Все охотники производят разрезы на тушке соболя, белки или любого другого животного обыкновенным охотничьим ножом, у которого режущая часть начинается снизу от рукоятки и через полтора десятка сантиметров плавно переходит в закругленный носок. Охотник делает разрез от пятки ноги зверька через анальное отверстие к другой пятке. При этом носок ножа, как бы ни старался человек, довольно глубоко разрезает не только тонкую шкурку, но и глубоко вспарывает мягкие ткани, которые весьма долго приходится отделять от мездры. Носок ножа натывается на густой пух, препятствующий свободному движению, отчего нож или выходит наружу, или врезается глубоко в мышцы, а еще хуже — рвет тонкую шкурку. После того как она высохнет, отчетливо видны неровности и выхваты, отчего теряется товарный вид и снижается качество.

Я сразу обратил внимание на то, что Василий работал маленьким складным ножом, у которого полностью сплелена режущая часть и превращена в обушок, а обушок заточен в режущую. Надрез делается таким образом: обушок снизу скользит по мягким тканям, словно лыжа, режущая часть сверху беспрепятственно разрезает кожу по намеченной линии, не нарушая целостности мягких тканей.

Василий взялся готовить ужин, а я принялся за соболей. Чтобы снять шкурку с одного зверька, обезжирить ее и посадить на правилку, мне потребовалось не менее получаса. Посадка шкур соболей Тувинского и Алтайского краев производится в соотношении один к четырем, то есть четыре ширины укладываются в одну длину шкурки. В этих целях «парную» шкурку «подсаживают» на правилку мездрой наружу, как бы сжимают ее в гармошку и высушивают. Опытный охотник изредка поглядывал на мою работу и до поры до времени помалкивал.

После ужина Василий, раскладывая на столе немудреный инструмент, сказал: «Если хочешь, научу быстро обрабатывать соболей». И он показал мне, как работают настоящие профессионалы. Тщательно вымыл руки. На столе разложил в строгом порядке немудреный инструмент: по правую руку — складной нож, маленькие блестящие кусачки, коробок с неширокими деревянными дощечками, листы чистой бумаги, немного дальше — стопку длинных деревянных правилок; по левую руку — ножницы и круглогубцы, чуть дальше — два бруска для заточки ножа. В дополнение тщательно прочистил стекло керосиновой лампы.

Снял со стены оттаявшую тушку соболя, положил ее на чистую холщовую тряпку, предварительно расстеленную на коленях. Сделал по одному надрезу от скакательного сустава до ступни на обеих передних лапах.

На шляпку гвоздя, выступающую над поверхностью стола на полсантиметра, восьмеркой закрепил прочную бечевку длиной не более 20 см, представляющую из себя обыкновенную петлю. Вторым концом петли, также восьмеркой, закрепил ступню левой задней лапы соболя.левой рукой взял ступню правой задней лапы зверька и растянул ноги в одну линию. Ножом в одно движение ровненько разрезал шкурку от лапы до лапы. Положил нож на место. «Главное, — заметил Василий, — необходимо соблюдать одно правило — класть нож и остальной инструмент на одно и то же место и пользоваться ими в раз и навсегда заведенной последовательности. Если первый раз закрепил левую заднюю лапу зверька в петлю, то продолжай так же делать всю оставшуюся жизнь». Ловкими и уверенными движениями большого пальца правой руки Василий отделил шкурку зверька от правой задней ноги, ножом сделал несколько быстрых и точных надрезов около ступни. Положил нож на свое место. Вставил пальцы правой руки в образовавшийся просвет между ногой зверька и шкуркой и, удерживая левой рукой тушку за голову, сильно потянул. С легким потрескиванием нога зверька оголилась до коготков. Несколько движений кусачками — и коготки остались на шкурке. Многие охотники эту операцию осуществляют ножом, тратя значительно больше времени и часто делая порезы шкурки.

Точно так же Василий разделался со второй лапой. Затем большим, указательным и средним пальцами левой руки сильно сдвинул шкурку в основании хвоста, а правой рукой резко потянул за тушку. Раз, и дело сделано! Позвонки хвоста на тушке, а великолепный хвост целый и невредимый на шкурке. Одним движением разрезал ножом хвост от основания до самого кончика.

Правой рукой взял тушку за задние ноги, левой ловко сантиметр за сантиметром отделил шкурку от тушки в районе огузка, затем ухватил освобо-

дившиеся края шкурки и сильно потянул. Шкурка снялась до передних лап. С ними он разделался значительно быстрее, чем с задними. Несколько точных движений: потяг, подрез ушных раковин, глаз, губ — и соболю навсегда расстался со своей великолепной шубкой.

Даже лишенная меха, тушка соболя вызывала неподдельное восхищение. Я залюбовался его мускулистым, поджарым, без каких-либо намеков на наличие жира телом. Генетически он не предрасположен к ожирению и праздному образу жизни. Удлиненное, гибкое тело с острыми когтями и зубами свидетельствует о принадлежности к хищникам, хищникам ярым и неукротимым. Соболю хорошо на земле, в каменных россыпях и на деревьях.

Пальцами правой руки Василий быстро обезжирил шкурку. Ловко натянул на деревянную правилку, «посадил», то есть пальцами обеих рук как бы собрал шкурку в гармошку к голове, тем самым значительно уменьшив ее длину. В отверстия передних лапок вставил деревянные дощечки шириной около 4 см, чтобы после того, как высохнет шкурка, ее легко вывернуть. Растянул в ширину передние и задние лапы, на расправленную кожную часть хвоста наклеил смоченную бумажку. Задние лапы расправил на правилке и в таком положении закрепил их двумя тонкими резинками. Правилку одним концом подтолкнул под дальнюю жердочку под потолок, а всю правилку сверху положил на вторую жердочку. Вся операция заняла менее 20 мин. «Здорово!» — восхищенно воскликнул я. Василий ответил: «Жизнь не и такому научит. У меня иногда попадалось до 40 соболей зараз. А откладывать работу на завтра я не привык». В тот вечер я упорно осваивал под руководством Василия основы быстрой и качественной обработки соболей.

Окончание следует

Для доставки снаряжения в зимовья, проверки путиков ничего лучше, чем снегоход, не придумали

Белолобый гусь на пролете может быть встречен на всей территории России

Олег ЕЛАГИН,
биолог-охотовед, канд. биол. наук

Фото автора

Гусиное эльдорадо

От такой картины у истинного охотника захватывает и дух, и сердце

В России — 8 видов гусей. Гусь белолобый — один из них

Гусиное эльдорадо

Гусь меня поначалу не интересовал. В детстве, проводя много времени на охотах и рыбалках с отцом, погружаясь в биологическое, охотоведческое и «охотничье» чтиво, информация по гусям проходила для меня стороной.

Во времена студенческой юности в Иркутске Юрий Владимирович Богородский, великолепно читавший курс «Биология птиц», настойчиво пытался обратить мое внимание на гусеобразных. Но в те времена мои мысли занимали другие животные...

Однако судьба, неожиданно забросившая с любимого Байкала в Северную Пальмиру, заставила с удивлением взглянуть на многочисленные косяки гусей, летящие прямо над огромным городом в места гнездований. А пара выходных, проведенных в засидках с одним добытым гусем на троих, привела к мысли, что к «объекту» требуется серьезный подход.

Казалось, что уж о таком массовом охотничьем виде должно быть серьезной литературы с избытком. Но выяснилось, что даже в «Публичке» и Библиотеке АН она в дефиците. Пришлось по крохам собирать интересную и по-настоящему значимую информацию и открывать для себя ГУСЯ, начиная с приобретения раритетной книги С. Алфераки «Гуси России», перечитывания «Года серого гуся» К. Лоренца, просматривания научных публикаций и брошюр и заканчивая собственными наблюдениями и размышлениями во время охотничьего сезона. Охоты в

Белолобики гнездятся в зоне тундры, иногда в лесотундре

Обширные поля в районе Олонца в Карелии во время весеннего пролета становятся «Гусиной столицей — Олонией»

дельте Волги, в Псковской, Ленинградской областях, в Карелии и Киргизии привели к желанию не только наблюдать за гусем в природе и добыть трофей, но и снять его на фото пленку. Так появились эти снимки.

Большая часть работ пришлась на период весенних охот в районе знаменитого Олонца в Карелии. Многие охотники северо-запада и специалисты-орнитологи знают, что в период весеннего пролета птиц обширные поля в районе этого городка становятся на время «Гусиной столицей — Олонией». В апреле-мае на олонечских пашнях и покосах собираются многотысячные гусиные стаи. Гуменники и белолобые, казарки и пискульки за многие десятилетия привыкли к тому, что на обширных полях их ждет разнообразный корм и обеспечивается достаточная степень защищенности от хищников и человека.

Огромная заслуга в том, что в наше время на европейской территории можно наблюдать такие концентрации диких пернатых, принадлежит, на мой взгляд, нескольким энтузиастам. Прежде всего это Владимир Игнатьев — госохотинспектор Олонечского района, а также орнитологи Карельского филиала АН РФ Александр Артемьев и Николай Лапшин во главе с доктором биологических наук Владимиром Зиминим. Конечно, они не одиноки в стремлении сохранить для будущих поколений «Карельское птичье эльдорадо», и дай бог, чтобы и дальше они находили понимание и поддержку.

...Первое время мой фотоаппарат чаще всего извлекался в момент удачного завершения охоты. Последние два года для меня в понятие «охота» вошла серия удачных кадров, ракурсов, сюжетов. Причем удачный снимок воспринимался «не слабее» удачного выстрела! Это состояние, наверно, знакомо многим охотникам, берущим в руки фотокамеру. Можно вспомнить и описать многие детали, окружавшие удачный кадр, рассказать целую историю или охотничью байку, связанную с тем или иным снимком. Ощущение охоты, таким образом, продлевается...

А это приятная награда, небольшое добавление к тому, что мне пришлось увидеть на этой охоте и чем я с радостью поделился с вами, дорогие читатели нашего журнала

Еще совсем недавно вятского медведя относили к категории вредного хищника и охотились на него круглый год

Фото А. Севастьянова

ДВЕ ОХОТЫ НА МЕДВЕДЯ

М. ПАВЛОВ

При сложившемся многолетнем моем увлечении охотой на вятских волков я, как это ни покажется странным, не пристрастился к охоте на других опасных зверей, а именно на медведей. Не пристрастился, живя на таежной земле, где издавна их добыча почиталась многими охотниками. До

70-х гг. медведь на этой земле считался не редким зверем и относился к категории даже вредных и опасных хищников, отстреливать которых дозволялось круглогодично. Тем не менее в то время урон от него постоянно терпели не только пасечники, но и сельские жители при выпасе скота; страдали так-

же люди, заболевшие трихинеллезом после употребления в пищу не проверенного ветслужбой мяса отстрелянных медведей. При всем этом с давних пор многим вятчанам становились известны сообщения о гибели людей от тех же зверей.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ПЕРВАЯ ОХОТА

И все же мне приходилось быть участником добычи медведей. Впервые такое случилось во время охоты у волчьего логова, выслеженного в 1971 г. в лесном урочище южного Немского района. В тот год в конце августа в овраг этого урочища было свезено много трупов овец, погибших после того, как все их стадо при возвращении с пастбища забежало в открытый сарай, где хранилось протравленное зерно. Вслед за этим у противоположного края того же оврага, где проходила лесная дорога, был свален труп не крупного бычка. Волчица, как мы тут выследили, вместе с волчатами постоянно растаскивала по оврагу этих овец. Но их, как оказалось, время от времени поедал и медведь, прикрывший по свойственной для него привычке лесным хламом немало подранный труп бычка.

Три дня, как сейчас помню, держали мы охладившимся в ту охоту выслеженным в урочище выводок волков и дважды в те дни засекали выход из него кормившегося здесь медведя. Лишь после того, как в лапке были добыты волк и два волчонка, уцелевших волчат в этом урочище не стало; их как-то увела отсюда волчица, причем тоже попавшая под выстрел, перебивший ей переднюю лапу.

Уразумев такое, местный егерь, участвовавший в этой охоте, предложил мне тогда подкараулить на удачу медведя, повадившегося приходить в овраг к падали. Притом заняться тем же он уговорил и одного пожилого охотника-волчатника, посоветовав ему устроить засидку возле трупов овец. Сам же он решил соорудить лабаз там, где этот зверь завалил лесным хламом труп бычка. Привлекла его стоявшая возле дороги всего в 15 шагах толстая сучковатая сосна, где на трехметровой высоте от земли можно было сделать удобный лабазный настил. Таким он и был нами сооружен, после чего егерь изрек: «Надежней будет, если на ночь усядемся вместе». С заходом солнца так мы и поступили, причем я уселся на переднем краю настила, упершись ногами в сучок, а спиной — в приподнятые колени егеря, прислонившегося к стволу этого дерева. Устроившись как нужно, повесив ружье на сучок, я попросил егеря не торопиться с выстрелом при появлении медведя, пояснив при этом, что мне надо понаблюдать за поведением зверя. Ну а когда, сказал, можно будет браться за ружье, нажму рукой на его колено.

Сидеть, однако, на этом лабазе в напряженном ожидании появления медведя нам довелось не более часа. Поначалу внимание наше отвлекла лисица, но она, сторожко пригнувшись ко всему, вдруг замерла, после чего шустро скрылась под пологом леса. А спустя какое-то время мы тут и оцепе-

нели: на правой стороне от сосны нам стал четко виден настороженно стоявший медведь, совершенно бесшумно приблизившийся по дороге к нашему лабазу. Я, по правде сказать, от столь неожиданного его появления если и не оробел, то попросту растерялся. Тем временем этот зверь вроде как лениво направился к прикрытому трупу бычка, а зайдя за него, оказался прямо против нашего лабаза. Вслед за этим медведь, обнюхав завал, где лежал труп бычка, вдруг начал медленно приподниматься. А приподнявшись, с прижатыми к груди лапами и настороженно вытянутой мордой, явно принялся лопать в воздухе подозрительный для него человеческий запах. Поняв, чем это может завершиться, я, нажав колено егеря, медленно потянулся к сучку, на который повесил ружье. Но дотянуться до него я не успел: видимо, шорох рукава по моей одежде из солдатской шинели оказался услышанным, после чего этот толпыгин легко, словно теннисный мяч, в три прыжка скрылся в овраге. Как все это мною было воспринято, ныне уже не описать. Хотя до сих пор помню, что после того, как сей зверь мгновенно исчез, мы на лабазе жадно закурили... Помню также, что переживать случившееся и ждать рассвета нам предстояло у сосны, где находился лабаз и где мог быть услышан выстрел соучастника этой же охоты, устроившего засидку у трупов овец. И вот перед рассветом мы услышали его выстрел, тотчас же вселивший в нас надежду на завершение этой охоты с медвежьим трофеем. Поэтому, как только в лесу сколько-то стало видно, мы устремились к засидке, где находился стрелявший.

Нашли мы ее возле ямы у края оврага, куда были сброшены трупы овец и где рядом росла старая, очень густая ель, на сучьях которой он, на удивление, дождался подхода ловко скрывавшегося от нас медведя. Когда мы подошли к этой ели, оставленный здесь соучастник нашей охоты не без труда слез с нее и, не глядя на нас, удрученно и сбивчиво пояснил, что, мол, выстрелил, как только медведь засветился возле ямы, и что зверь, свалившись в нее, тут же выпрыгнул на край оврага, после чего, немного покатавшись, притих. Выслушав такое, все мы немедленно отправились туда, где явно раненый зверь сколько-то катался у кромки оврага, и увидели, что кровавый след потянулся по хорошо заметной тропе, ведущей к полям, подступавшим к вершине оврага. А это уже означало, что перед нами встала нелегкая задача — протропить разовым выстрелом пораненного медведя, да еще и тогда, когда исключалась возможность определить, смертельной ли была его рана. Все мы, конечно, знали, что это всегда опасное дело, и тем не менее каждый из нас как-то машинально двинулся по столь привлекающему следу. Пройти же по нему, постоянно озираясь, нам удалось не более ста метров, так как медведь, по-

хоже, уже ползком спустился в овраг, густо заросший высоким кипреем. Тут, откровенно говоря, наши лица тотчас помрачнели. И тогда егерь, узрев нашу робость, предложил сколько-то еще протропить этот след, но таким манером, при котором мы бы шли за ним немного позади, держа ружья изготовленными к выстрелу...

Завершилось все это неразумное тропление медведя вскорости тем, что в сплошных зарослях кипрея мы быстро потеряли его след. К тому же от стрелявшего по нему услышали и совет: надо, мол, кончать его поиск, «ибо вспомнил, что спустя минут пять после выстрела было слышно, как он в овраге звучно лакал воду из ручья. А это значит, что медведь сей всего лишь легко ранен...».

Подосадовав при сказанном на неудачу, постигшую нас в охоте, устроенной на столь, казалось бы, доступного для отстрела медведя, все мы почему-то ненадолго разбегались по оврагу, где меня привлекла пара рябчиков, перелетавших в ольшанике. Я уже намерился подманить их на выстрел, но услышал вызов своих друзей на выход из оврага. И тогда случилось все то, что породило необходимость как можно подробней описать эту охоту. Не дойдя с десятков примерно метров до поджидавших меня охотников, я, раздвигая стволами ружья обильно росистые стебли кипрея, чуть ли не наступил на лежавшего с распростертыми передними лапами медведя. Не сразу возле его трупя пришел я в себя. При чем окончательно лишь тогда, когда услышал голос егеря, уже сидевшего и курившего на этом медведе. Глядя на меня, он (о чем и поныне помню) не без лукавости сказал: «Ну что, охотовед! Зачем притворяешься, изображаешь, что в шоке, будто и такого зверя ни разу не видел...»

Последующее разбирательство того, как мне повезло натолкнуться на смертельно раненного медведя, позволило установить, что он, спустившись в овраг, всего в 30 шагах от края его выкопал яму. Выкопал он ее в гуще кипрея у ручья, где и сидел, погрузившись до плеч в торфяную жижу. Мы же прошли чуть в стороне от этого места, от которого и углубились в овраг. И возможно, только лишь услышав нас, сей зверь с простреленной грудью выполз из такой лечебной, как можно было считать, ухоронки, скончавшись от нее в 13 шагах.

ВТОРАЯ ОХОТА

Второе мое участие в охоте на вятского медведя состоялось при содействии Госохотинспекции области, в Управление которой в марте 1975 г. из таежного поселка Перерва северного Верхнекамского района поступило сообщение о том, что там на лесосеке «медведь помял человека. Лесорубы

бояться углубляться в лес. Требуется избавить их от опасного зверя...». В те дни в гостях у руководителей инспекции находился нижегородский хирург, профессор Валентин Иванович Кукош, очень интересовавшийся охотой на медведей в таежной глубинке. Этим тогда воспользовалась охотслужба, обеспечив ему вылет вместе со мной на вертолете в распоряжение охотоведа вышеназванного района, известного в области как место бывших кайских лагерей, о которых мало кто знал в мрачные годы сталинских репрессий.

Доставили нас по воздуху в расположенный неподалеку от Кая поселок Каменский, где проживал в должности охотоведа воспитанник охотоведческого факультета Кировского сельскохозяйственного института Юрий Иванович Касаткин. Ему и было поручено подготовить охоту на перепугавшего лесорубов медведя. К нашему приезду он установил, что на узкой гриве с редким тонкоствольным сосняком, с которой хорошо просматривалась зимняя база лесорубов со стоянкой автотранспорта, складом горючего и вагончиками для жилья, находилась берлога напавшего на лесоруба медведя. Установил и то, что до начала лесоповала эта грива простиралась в окружении глухих еловых заболоченных лесов. А когда на ней приступили к рубке тонкоствольного сосняка, один из лесорубов невзначай подошел в одиночку к берлоге этого зверя. Тут, занявшись расчисткой под срез комля очередной, наклонно росшей, сосны, он не доглядел, на чем в глубоком снегу орудует лопатой. Когда же, перекурив, пошел к другому дереву, не без удивления услышал злобное рычание. Однако услышано оно было перед тем, как потревоженный медведь, выскочив из берлоги, сбил его с ног, ударив лапой по голове. К счастью, каска спасла лесоруба от беды, да и медведь, поранив когтем только его щеку, сразу пошел наутек. Как только ему удалось отбежать примерно на 40 шагов, поверженный лесоруб с расправой щекой попытался встать. Это и побудило потревоженного медведя вновь наброситься на него, принявшегося сначала отбиваться от этого зверя лежачим телом. Отступил он от лежащего лесоруба лишь после того, как тот перестал шевелиться. Завершилась же схватка с медведем тем, что, будучи насмерть перепуганным, с сильно изувеченными правой ногой и рукой, он как-то добрался до работавших возле той же гряды вальщиков леса. Им тогда не составило труда поспешно доставить пострадавшего в больницу, где, к месту сказать, после охоты он и сам мне рассказал, как все это случилось.

Сама охота на этого медведя там, где от него пострадал лесоруб, сложилась непросто. Тогда же было прослежено, что, учинив расправу за свое беспокойство, этот топтыгин поплелся искать новое убежище. Искал он его долго, бродяжничая по глубокому снегу, при-

том полукругом, но вдали от берлоги, с обычным при сем попутыванием следов в лесных завалах. Когда вышел к полосе плотно растущего сосняка на старой гари, в ней и устроился в ожидании грядущей весны.

В таком густом сосняке и предстояло нам взять залегшего в нем опасного зверя, выставив его из крепости на стрелковые номера. Сделать это можно было только при участии в предстоящей охоте неробких загонщиков. А по этому Юрий Касаткин из поселка Перерва привез пять парней-смельчаков, где к их составу присоединились и два удмуртских охотника, оказавшихся в этом поселке. По замыслу Касаткина, мне с Кукошем в компании с удмуртскими охотниками предстояло расположиться в сплошном сосняке, где и ждать стронутого загонщиками медведя. Для этого достаточно будет, если они, войдя немного в сосняк, хорошо пошумят, чем и спугнут его с лежки. Я в то время, посчитав, что и таким вот приемом распорядителем охоты может быть обеспечена нужная в ней удача, залез в противоположный от загонщиков край этого сосняка, где и устроился у выворотня толстой березы. Выглядела она давней сучковатой валежиной, у вершины которой чуть просматривался медвежий след. Здесь, углубившись в снег почти до пояса и приготовив к стрельбе штучное бельгийское ружье 12 калибра вместе с двухствольным геймовским штуцером, заряженным наиболее убийственными патронами 9,3x74, принялся приглядываться к тому, где бы медведь мог пройти на верный выстрел. Сразу же за этим потекли и известные для охотников тревожные минуты.

С началом крика загонщиков обычная напряженность у всех нас и вовсе возросла. Крики же их практически не затихали с четверть часа, но медведь на них не реагировал. Удмуртские охотники не выдержали этого и вылезли из сосняка, причем один из них, о чем он позже признался, «забыл» забрать воткнутый в дерево нож. Собственно, и я сам, в чем должен признаться, стоя в глубоком снегу не у берлоги, а у валежины, где таившийся в сосняке медведь мог показаться с любой стороны и даже выскочить прямо на меня, молил бога, чтобы этого не произошло. Ведь в таком случае мое спасение могло быть лишь в том, если при выстреле в упор зверь будет убит наповал... Так, стоя у валежины в молении об этом, я и услышал слабоватый выстрел. Прозвучал он в стороне, где находились загонщики, вслед за чем передо мной буквально на миг мелькнул в сосняке этот медведь. А когда я, спустя, может быть, минуту, облегченно вздохнул, в том же сосняке раздался еще и мощный дуплет... Вскоре после этого ко мне, следом промелькнувшего медведя вышел Юрий Касаткин, тотчас предложив пройти вместе туда, где прогремел дуплетный выстрел, считая, что стрелявшим мог оказаться крайний загонщик. Прошли, а точнее сказать,

пролезли мы по этому следу менее ста метров и, хотя попотев, порадовались сколько-то тому, что он привел нас на крохотную полянку, окруженную слишком плотно росшим молодым сосняком. Однако первое, что мы здесь увидели, так это снег, взрыхленный рухнувшим медведем, скрывшимся затем ползком в том же сосняке. Другое, что нас еще больше удивило, заключалось в отсутствии следов человека на той полянке, с которой уполз подстреленный медведь. И лишь при обследовании кромки сосняка нам удалось установить, где стоял оказавшийся тут загонщик и что, после выстрелов по бежавшему на него зверю, он предпочел тотчас же податься назад в гущу этого сосняка, где находились другие загонщики.

К тому времени, как все тут стало полностью ясным, к нам на полянку пролез и Валентин Кукош. И тогда, одобрительно восприняв это, Юрий Касаткин сразу повел разговор по поводу того, что же теперь всем нам делать с сильно пораненным медведем, сказав при сем и о том, что после выстрелов он повелел загонщикам отправиться на стоянку лесорубов. Ну, а когда я все же спросил, а кто же стрелял по медведю первым, последовало и его повествование, позволившее нам в нужной мере представить, как перед этим выстрелом все такое случилось.

Случилось же, о чем поведал этот молодой верхнекамский охотовед, вот что. Догадавшись, что преследуемый медведь явно держит окружающих его охотников на слуху и что поэтому криками и стуком стронуть его с места затайки — бесполезное занятие, он решил всем составом загонщиков прочесть эту полосу сосняка. Но прочесть так, чтобы пройти по ней не торопясь, неширокой цепью с направляющим в середине ее, роль которого в этой цепи стала обычным уделом распорядителя всей нашей охоты. И вот на сей раз ему и было суждено напороться на этого медведя. Причем так получилось после того, как, пройдя не более четырех десятков метров от места, с которого загонщики полезли в сосняк, он принялся обходить густую его куртинку. За ней, как оказалось, валилась когда-то подгоревшая высокоствольная сосна. Тут-то, как возмужденно сказал нам Касаткин, все и случилось. «Ведь представьте, что у выворотня этой сосны, держа свой след на виду, и тайлся порудовавший человека медведь. Да и поверьте, что не сразу мне удалось увидеть его, и не сразу потому, что, вырыв почти до земли у края выворотня яму, где находилась подстилка из сучьев, он уселся на них, да и сгорбился так, что над поверхностью снега виднелись лишь его чуть шевелившиеся уши и полоска затылка».

Глядя на эти уши, о чем также сказал нам Касаткин, до меня не сразу дошло, что при такой затайке медведь, ожидая, видно, преследователя на своем следу, совершенно не реагировал ни

на разного рода шум, ни на появление опасности за спиной. И поэтому «...лишь с наступлением прозрения, что ведь у выворотня под моими ногами в действительности тот же медведь, я, поймите, спокойно прицелился под его уши и выстрелил...». Но вот дальше, заметив наше недоумение, им же, как бы в оправдание ко всему сказанному, было произнесено: «Да, слабым был выстрел. Хотя, может, и пуля срикошетила, ведь стрелял-то из тульской двадцатки, вслед за чем уж больно молниеносно он скрылся за выворотнем. А посему не следует пока горевать, хуже могло быть, если какой-либо загонщик пошел бы медвежьим следом, таянувшись вдоль этой сосны, и руками у выворотня не успел бы взмахнуть». Выслушав столь любопытное пояснение, как этот косолапый из-под ног охотоведа попал вскоре под выстрелы загонщика, мне стало ясно, что дальше без собак преследование его, уже сильно пораненного, будет крайне опасным. Но, как только об этом я с Касаткиным затеял соответствующий разговор, к нему тотчас подключился и Валентин Кукош. «Нет, друзья, — сразу же сказал он тогда, — давайте попробуем еще немного его протропить. Я готов пойти по этой следовой полосе в сосняке, а вы слева и справа поохраняйте меня. Ибо мне нельзя будет остаться с вами на завтра, так как через день я должен читать лекции в институте».

Естественно, что при столь убедительных доводах мы не могли поступить как-то иначе, а поэтому и полезли за уползшим зверем дальше в сосняк. В нем, к нашей радости, мы прошли не более 40 м, после чего не без удивления увидели, что этот простреленный медведь выполз на узкую грядку хорошо просматриваемого редкоствольного сосняка, где вдруг встал на ноги и, поначалу шатаясь, пошел дальше, смыкая на снегу следы всех своих лап. Глядя на далеко теперь видную сплошную следовую полосу, всем нам стало казаться, что зверь где-то вот-вот замертво рухнет. Однако и на узкой гряде редколесья такое наше желание не свершилось: он вскоре круто свернул с нее и подался в смежный ложок, заваленный буреломом, где преобладала толстоствольная ель. У края ложка мы, конечно, остановились, где я вновь повел разговор о собаках, уверяя Кукоша, что в таком-то буреломе малоподвижный, как уже видно, медведь, безусловно, держа нас по-прежнему на слуху, неизбежно где-то устроит засаду. Тогда как сам профессор, взирая в этот момент на завалы в ложке, тихо произнес: «Да вон он сидит у крайней валежины, приготовьтесь к стрельбе и давайте продвинемся к нему поближе».

В открытую подошли мы на лыжах к увиденному медведю шагов на тридцать. Но он, оставаясь у валежины, преградившей ему ход, не обратил на наш подход никакого внимания, хотя постоянно покачивал головой и непре-

рывно тихо сопел и порывкивал. Убедившись, что преследуемый нами агрессивный зверь уже при смерти, я попросил Кукоша выстрелить в него. Но только в голову, к нему присоединился и Юрий Касаткин, в свою очередь посоветовавший мне обеспечить подстраховку их выстрелов, в случае если надобность в этом вдруг определится. Такое, однако, совсем не потребовалось — после двух дуплетов выслеженный нами медведь, не шевелясь, распластался вдоль валежины, возле которой сидел в последние минуты своей жизни... После полудня с помощью лесорубов он был доставлен к их жилию, где, правда, не стал для нас особо почетным трофеем, так как им оказалась медведица. Более того — небольшая медведица, удивившая тогда многих лесорубов и тем, что не столь уж крупный зверь так покалечил на лесосеке их крепкого, рослого товарища. И, действительно, на весах эта медведица потянула немногим более 90 кг. Привлекала она лишь головой с короткой мордой, мощными передними лапами, но, одновременно, вызывала недоумение и тем, что при такой широколобастой голове крупнее по чему-то выглядел крайне тощим и каким-то кургузым.

При освеживании туши этой медведицы стало ясно, почему она, после первого по ней выстрела, мигом скрылась от Юрия Касаткина. Этим выстре-

лом Юрий лишь чуть рассек мышцу над скуловой дугой черепа, оставив на ней только царапину. Из четырех пуль, выстреленных в близко сидящую полуживую медведицу, достигла цели только одна — поразившая шею. Но вот когда вскрыли ее грудную клетку, то я бы не поверил, если о том, что там мы увидели, мне стало бы ведомо только со слов даже самих участников этой нашей охоты. Казалось, что не пули загонщика порушили почти все, что в ней находилось, а какое-то специальное взрывное устройство, от которого по простой случайности уцелело лишь сердце.

Размышляя после возле этой опасной медведицы, как же трудно она нам досталась, пришли мне на память известные со студенческих лет повествования охотника-медвежатника царских времен Ширина-Шихматова, обнаруженные им в уникальном произведении «По медвежьим следам» (1900 г.). В нем он убедительно поучал: «Стрелять медведя нужно только в голову, так как лишь эта пуля безусловно кладет зверя на месте и наповал. Все остальные места условны, и я никогда не рискну рекомендовать их... Этот зверь, получив 4—5 штуцерных пуль по легким и кишкам, часто свободно уходит верст на 10—12. Честнее вовсе не стрелять по медведю, чем стрелять его наобум. За оплошность стрелка не всегда платится сам стрелок...»

Медведь вдруг начал медленно приподниматься

Фото В. Петухова

В.Н. Скалон

об охотоведах Сибири

[к 100-летию ученого]

В обширном научном наследии Василия Николаевича Скалона имеется только одна публикация на данную тему — «У истоков отечественного охотоведения» (Труды ИСХИ, вып. 26, 1970). Наряду с краткими сведениями об основоположниках охотоведения Л. П. Сабанеяеве, А. А. Силантьеве и Г. Г. Доппельмайре, автор приводит оригинальные материалы о менее известных первых деятелях охотничьего хозяйства Сибири — И. Г. Шведове, В. Н. Троицком, Н. А. Гагине с воспроизведением их фотопортретов, а также о профессорах В. Ч. Дорогостайском и Б. Э. Петри.

В конце 1960-х гг., когда я готовил книгу «Таежные дали» (М., 1972, переиздана в Москве, Таллинне и Праге), В. Н. Скалон прислал мне довольно значительные тексты, предназначавшиеся для главы «Лекция профессора Скалона в Иркутске», которая, к сожалению, не вошла в книгу. На этом основании я могу сказать, что в опубликованной в 1970 г. статье отсутствуют некоторые сведения, привести которые в то время было нельзя по цензурным соображениям. Так, например, ничего не говорится о том, что профессора Дорогостайский и Петри были арестованы и расстреляны в 1937—38 гг. Такова же была участь В. Н. Троицкого, В. И. Белоусова и многих других сибирских охотоведов (в статье имеются опечатки: год рождения Сабанеяева — 1844, а на гербе г. Иркутска изображен не «бобр», как сказано на стр. 264, а бобр — «зверь, равняющийся по лютости и силе льву; тигр полосатый, королевский, царский тигр» (Даль).

После 1970 г. литература по истории охотоведения существенно обновилась. Были изданы монографии об А. А. Силантьеве (Егоров, 1990), С. А. Бутурлине (Козлова, 2001), переизданы труды Л. П. Сабанеяева (М., изд-во «Физкультура и спорт», 1982—1989, и др.); с устранением советской цензуры появилась возможность рассказать всю правду о жизни и деятельности репрессированных ученых (Е. В. Дорогостайская, 1994; А. А. Сирина о Б. Э. Петри, 1999, и др.). Но и сегодня представляют интерес неопубликованные сведения В. Н. Скалона о сибирских охотоведах, сохранившиеся в моем личном архиве. Далее мне придется сочетать тексты В. Н. Скалона (в кавычках) со своими пояснениями и комментариями. Начнем с отрывка «О себе для Штильмарка».

«Скалоны — древнейший баскский род (баски — потомки древнего населения Пиренейского полуострова, ныне живущие в Испании и Франции. — Ф. Ш.). Это были гугеноты. Знаменитый адмирал Де-Коллины был из рода Скалонов, но по младшей линии. Документально известно участие Скалонов в первых крестовых походах.

В России Скалоны со времен Петра.

Василий Николаевич Скалон (1903—1976)

Все от одного корня (Брокгауз и Эфрон — с 1710 г. «от французского гугенота Георгия де Скалона». — Ф. Ш.). Однофамильцев у Скалонов нет. Все они в той или иной степени дальности родственники. Все они были военными. Каждая война имела своих героев Скалонов. Наиболее известен генерал Скалон — «сибирский генерал», любимец Павла I, который был убит под Смоленском и похоронен в присутствии Наполеона.

Первый штатский Скалон был мой дед, Василий Юрьевич, о нем сказано в энциклопедиях. Наиболее известна его книга «Артили на Руси». Известна тем, что ее НЕЕТ. Она была сожжена по распоряжению Совета Министров как крамольное произведение и имеется в трех, кажется, экземплярах. Мой отец военным не был».

Наиболее подробное жизнеописание В. Н. Скалона написано мною (альманах «Охотничьи просторы». Книга 2. М., 1996. С. 220—237). Недавно о роли рода Скалонов для России написал Карен Раш — писатель ультрапатристического направления. Вдова В. Н. Скалона

Т. А. Гагина готовит монографию о муже.

К опубликованным в 1970 г. текстам Скалона о Шведове, Троицком и Гагине добавить нечего, кроме того, что Троицкий погиб в годы ежовщины. Зато в отношении В. Ч. Дорогостайского (профессора Иркутского университета) и Б. Э. Петри (профессора-этнографа, главы отделения Комитета Севера в Иркутске) архивные материалы Скалона несравнимо полнее напечатанных. Я сохраняю их здесь, поскольку они не только содержат конкретный материал о биографии юбиляра, но и дают живые штрихи к его облику.

«Б. Э. Петри, насколько я помню, был сыном крупного ученого (его отец, Эдуард Юрьевич, был известным антропологом, профессором Петербургского университета. — Ф. Ш.). Был он прекрасно образован, вежлив, особенно с женщинами... был весьма подвижен, крайне энергичен. Очень любил молодежь, лыжник, гимнаст... Очень хорошо читал лекции и выступал в коллективах. Бывая в тайге, он умел отлично сойтись с тофаларами и звенками, глубоко знал их национальные особенности, знакомился с языком и прилагал все меры к тому, чтобы способствовать их развитию. Тофы и тунгусы его любили. Беда Петри была в том, что по росту своему и весу он не мог ездить верхом на оленях и ходил только пешком, причем, как говорили звенки, «олень мера», то есть не отставая от быстро идущих оленей. Это создавало ему особый престиж в тайге.

Бернгард Эдуардович придавал большое значение охотоведческому образованию (наряду с Дорогостайским и Гагиным именно он создал охотоведческие курсы при Иркутском университете) и правильно оценивал роль охотхозяйственной культуры в развитии народного хозяйства. Был противником уже зарождавшегося стремления «перестроить тайгу», «осадить и цивилизовать» аборигенов, считая, что они, эти люди, чрезвычайно важны для государства именно как **дети тайги**. В этом отношении его взгляды совпадали с теми, которые высказывали такие виднейшие охотоведы, как С. А. Бутурлин и Д. К. Соловьев. С ними, и с крупнейшими учеными, знатоками Се-

вера, Петри находился в постоянной переписке. Бывая в центре, он не пропускал совещаний и конференций, а будучи отменным оратором, повсюду выступал как поборник охотничьего хозяйства малых народностей Севера. В целом это был выдающийся ученый и весьма яркая личность.

Довольно близко мне довелось познакомиться с ним в Иркутске в апреле 1931 г. при странных обстоятельствах. Зимой 1930—31 гг. я провел в Новосибирске, обрабатывая материалы Тазовской экспедиции, совершенной по договору с Красноярским земельным управлением. За это время Красноярский Север был передан Восточно-Сибирскому (Иркутскому) краю.

Однажды зашел я в Комитет Севера Сибкрая. Известная североведка Ядринцева, посмеиваясь, сказала мне: «Вас, В. Н., разыскивают, как беглеца». Оказывается, была получена из Восточно-Сибирского комитета Севера бумага за подписью Петри, известно ли, где находится некий этнограф Скалон. Он-де был начальником Тазовской экспедиции, по окончании коей исчез, и все материалы экспедиции исчезли вместе с ним. Предприняты розыски. Мы посмеялись, а вскоре я был в Иркутске и явился к Петри. Он сначала меня не узнал, а потом предъявил претензии Комитета Севера. Я представил документы, объяснил, в чем дело, и конфликт был исчерпан. Более того, Комитет Севера охотно взял под свое покровительство нашу беспризорную экспедицию.

Дело было в том, что я поехал из Красноярска на север в составе партии, которая должна была установить границы Туруханского края с Тобольским Севером в районе реки Таза, а на юго-востоке — с Томской областью Сибкрая. Я, как охотовед-экономист, был полностью ответственным за обоснование этих дел, так как начальник, А. Ф. Ткаченко, был геодезистом, а Б. А. Храбров — ихтиологом. Пока мы ездили, административное деление полностью изменилось, надобность в разграничении прежних областей отпала, и наша экспедиция, вернувшись, даже не могла найти себе хозяина. Кое-как нашлись деньги оплатит нам период обработки материалов, а уж отчет оказался вовсе никому не нужен. Тем более мой отчет составлял 600 страниц убористого текста, и никто не хотел его печатать. Это и взял на себя Комитет Севера по настоянию Петри.

Позднее я встречался с Петри постоянно, мы вместе заседали, он нередко обращался ко мне за консультациями по вопросам охотничьего хозяйства; порой мы с ним спорили. Убедить его было нелегко, но все-таки он умел признавать правоту собеседника.

Будучи в Иркутске, я слышал о погроме, который произошел там в ежовщину. В апреле 1938 г., только приехав, я столкнулся с Марией Ивановной Дорогостайской (женой проф. В. Ч. Доро-

Бернгард Эдуардович Петри (1884—1937), 1914 г., младший этнограф МАЭ

гостайского. — Ф. Ш.). Она так и бросилась ко мне.

— Василий Николаевич, вы живы? Бегите, бегите скорее, иначе вы погибнете! Ведь всех забрали! Виталия Чеславовича убили, Петри замучили... Его буквально растерзали в страшных пытках... Как шпиона...

Она назвала десятка два фамилий. Я был поражен. Впоследствии узнал, что участь Петри, действительно, была ужасна... Он достоин светлой памяти за свои дела и страдания...

В. Н. Скалон пишет, будто бы Петри упорно «отрицал все», но нынешние исследователи выяснили, что под влиянием «силового давления», т. е. именно под пытками, он дал «призательные показания» как мнимый агент нескольких разведок и был расстрелян 25 ноября 1937 г. (Сирина, 1999). Такова же была судьба В. Ч. Дорогостайского, виднейшего из плеяды иркутских зоологов, охотоведов и звероводов начала XX в. (Дорогостайская, 1994), а также и многих из тех, о ком далее пишет Скалон. Обширные архивы Петри и Дорогостайского погибли в том же роковом 1937 г. в Иркутске. Сам же Скалон внял благим советам и со всей семьей уехал в дальний Кондо-Сосьвинский заповедник, куда из Тюмени приходилось добираться долгими неделями...

Приведем теперь отрывочные, но интересные сведения В. Н. Скалона о некоторых других сибирских охотоведах.

«Значительный след в жизни Иркутского пушно-мехового института оставил Владимир Балтазарович Подаревский, автор ценной книги «Основы акклиматизации в Восточной Сибири». Воспитанник Московского университета, он долгое время был артиллеристом в армии. Глубоко образованный человек, разносторонний биолог, он превосходно читал лекции, впрочем, даже

не считая себя охотоведом. Это именно он ввел термин «Биотехния», ныне пользующийся таким успехом (это утверждение ошибочно. — Редакция).

История сибирского охотоведения будет неполной, если не назвать Г. Д. Махоткина. Военный юрист, он сравнительно недолго занимал пост секретаря Сибкрайохотсоюза и сразу завоевал огромный авторитет среди работников этой организации и у охотников. У него в начале 1922 г. я начинал знакомство с охотоведением и начал готовить первые доклады по охоте для студентов Томского университета, где профессор В. А. Хахлов так успешно начал создание специального отделения охотоведения, где появились первые в стране аспиранты-охотоведы (мне довелось встречаться с В. А. Хахловым вскоре после его освобождения из сталинских лагерей в середине 1950-х гг. на Останкинской биостанции МГУ, которой заведовал зоолог-сибиряк, профессор В. Ф. Ларионов. — Ф. Ш.)

Г. Д. Махоткин был обладателем огромных материалов по истории охоты, по истории Сибири в связи с охотой, и его рукописи были увлекательно интересны. Позднее он работал в Якутской экспедиции АН СССР. Не знаю, что с ним случилось и где его архив, но он был уникален. У него были преданные ученики, назову из них исследователей Севера, правда, более зоологов, чем охотоведов, А. А. Дубровского А. А. Романова, с которыми я работал в Арктическом институте. Они много давали и охотоведению, если бы не погибли во время блокады Ленинграда... Кстати, говоря об этом городе, в котором и зародилось под крылом А. А. Силантьева охотоведение как наука, нельзя не вспомнить такие славные имена, как В. Я. Генерозов, Г. Е. Рахманин (который был заместителем Д. К. Соловьева, автора пятитомных «Основ охотоведения»), видного знатока Сибири и ее народностей профессора М. А. Сергеева. Все они, за исключением рано умершего Соловьева, в той или иной мере пострадали от репрессий, отбыли сроки, но даже в изгнаниях и бедах сохранили верность и любовь к охотоведению.

Но вернемся непосредственно в Сибирь. Какие преданные делу люди работали в охотничьем хозяйстве! Вспомним Иннокентия Николаевича Шухова, читавшего лекции по охотоведению в Красноярске и Омске, где он не так давно скончался (это относится к середине прошлого века. — Ф. Ш.). В Свердловске работал однокашник В. Н. Троицкого, последний из «губернских ловчих» Г. И. Демидов, вместе с ним активно трудились С. А. Куклин и М. Виницкий, велика заслуга яркого и остроумнейшего Сергея Качиони — все они группировались вокруг журнала «Уральский охотник», сыгравшего в нашем деле ничуть не меньшую роль, чем еще более известный «Охотник и пушник Сибири», возглавлявшийся

видным ныне писателем Ефимом Пермитиным. Я никак не могу примириться с необоснованным закрытием этих и других охотничьих журналов. Дело чести охотоведов Сибири — возродить их.

Но главным центром охотоведения в Сибири, конечно же, был и должен оставаться Иркутск. В тридцатых годах здесь, в системе Востсибпушнины, охватывающей и весь бассейн Енисея, работало очень много охотоведов, и каждый из них являл собою яркую личность. Очень своеобразна была фигура Ивана Дмитриевича Прозоровского, сухоощавого человека изящной внешности и европейского образования. Он жил одиноко и одевался как таежник. В его комнате не было ничего, кроме топчана, табуретки и полки с книгами. На полу — шкура косули, повсюду охотничьи доспехи. Все это — в сочетании с утонченной французской речью — производило большое впечатление. Он был человеком железной закалки и запросто ходил в сорокаградусный мороз из Иркутска пострелять уток у истоков Ангары. Отчеты его были блестящи. Вообще сибирские охотеды того периода отличались чрезвычайной преданностью своему делу и безмерным энтузиазмом. Таков был, например, В. И. Полтораднев, замкнутый, сосредоточенный человек с тонким сухоощавым лицом. Он был влюблен в эвенков, прекрасно знал их язык, особенно его интересовало таежное оленеводство. Он считал его главным в деле освоения тайги и мог бы стать автором замечательных монографий, но оставил лишь программы и наброски. То же можно сказать и об авторе единственной книжки о белке-телеутке Г. К. Гольцмайере — всех и не перечислить.

Контрастом Прозоровскому был начальник охотгруппы Востсибпушнины Александр Александрович Трейден, военный юрист, гвардейский офицер, человек широко образованный, но безнадёжный алкоголик. Каждым утром, приходя на службу, я видел его на своем месте, но с очень красным лицом и дикими глазами. Подняв палец вверх, он провозглашал: «Коллега, дорогой коллега, литр, литр, целый литр». Посидев немного, он принимался за работу и деловито трудился, глубоко вникая в нужды охотничьего хозяйства»¹.

Далее Скалон переходит к заметкам о «ныне здравствующих охотоведах», в частности сотрудников охотоведческого факультета ИСХИ.

«Не могу не сказать об И. П. Копылове, который, собственно, экономист, но трудился в области охотничьего хозяйства, а это очень важно. Благород-

Виталий Чеславович Дорогостайский (1879—1938), профессор Иркутского государственного университета. 1934 г.

ные традиции охотоведов прошлого воплощаются в деятельности Пантелеймона Иннокентьевича Худякова — любимого ученика незабвенного В. Н. Троицкого. В тайге он — как дома. Никто, кроме него, пожалуй, не смог бы так изложить все тончайшие детали таежного охота (недаром Худяков получил от студентов прозвище «паняга» — таково местное название приспособления для переноса тяжестей. — Ф. Ш.). Весьма был известен и популярен на факультете Виктор Владимирович Тимофеев, но отзыв о нем со стороны В. Н. Скалона я не решаюсь привести здесь — настолько он резко критичен и явственно несправедлив.

«Подлинным патриотом охоты был Виталий Ксенофонтович Жаров, который, вернувшись с Таймыра, составлял первый в своем роде атлас таежных ловушек, хотя жил он в полуразвалившейся нетопленной хижине. Он мог уехать, получить квартиру в другом городе, но, пренебрегая всем, довел начатое дело до конца. Работал он в полярном облачении, привезенном с Таймыра, буквально «днем с огнем», так как стекло залило льдом, а спал в оленьем мешке. Это наш главный хранитель охотничьих дел и преданий, его огромный архив приносил и еще принесет великую пользу делу...»

И как не упомянуть Геннадия Николаевича Лихачева и Михаила Александровича Калашникова? Они жили вместе, хотя были совсем разными людьми. Лихачев — танцор и весельчак, а Калашников — угрюмый молчаливник. Первый из них начал работать в 1927 г. охотоведом Сиблесотдела и, благодаря неукротимой энергии, дару слова и пера, дружелюбной тактичности и обаятельности, достиг блестящих успехов.

Я не преувеличу, сказав, что с его приездом в Сибири начался новый период для развития охотничьего хозяйства. Работая в Иркутске, Г. Н. Лихачев пользовался всемирным уважением. К сожалению, в последующем он оставил — не по своей воле! — охотоведческую деятельность, но сделал очень много как зоолог в заповедниках «Тульские засеки» и Приокско-Террасном.

М. Г. Калашников, будучи немногословен и деловит, отличался в тайге подлинным бесстрашием и какой-то особой деловитостью. Он сплывал в берестянке через Шиманский порог, а попав в Тофаларию, в одиночку прошел из Алыгджера в Верхнюю Гутару, будучи там с детства. По натуре своей он был пессимистом и ни на что хорошее в нашем деле не надеялся. Ориентировался он в тайге как тунгус, в новых местах свободно ходил без проводника, написал отличную брошюру «Маскировка на охоте». Работая в Иркутском управлении охотничьего хозяйства, он скоропостижно умер в 1959 г. (общаясь с М. Г. в 1956 г., даже я отметил его крайний пессимизм, он, действительно, смотрел на охоту без всяких надежд. — Ф. Ш.).

Среди охотоведов-москвичей, которые успешно работали в Сибири, хочу с удовлетворением вспомнить Виктора Дмитриевича Денисова, всю жизнь отдавшего делу охоты. Он возглавлял Главное управление охотничьего хозяйства, а позднее стал заместителем начальника Главприроды МСХ СССР. Мне довелось знать его еще в конце 1920-х гг., когда он работал на одной из культбаз в Приобье. Из той же плеяды москвичей-охотоведов был и В. П. Зиссер, прекрасно изучивший охотничье дело на северо-востоке Сибири и позднее успешно трудившийся в столице. Хочу сказать доброе слово и об упорном таежном труженике В. В. Дмитриеве, знатоке животных Алтая, погибшем на фронте в Великую Отечественную войну. Это была судьба многих сибирских охотоведов и зоологов. Тяжел и труден удел таежника и охотоведа, не мало их сгинуло на таежных тропах. Вспомним хотя бы Володю Кадышевского, пропавшего без вести на Елоуге, другого Володю — прибалта Гудритиса, съеденного медведями-шатунами в Саянах, этот список можно продолжать и продолжать... Примером опытного охотоведа-таежника может служить и мой младший брат, Николай Николаевич Скалон, работавший сперва в Тофаларии, потом в Борзинском тарбаганьем хозяйстве, позднее он исходил всю тайгу с охотустроительными экспедициями. И все это только примеры! Когда-нибудь о сибирских охотоведах напишут книги и справочники, исследователи будут по крохам собирать сведения о них, и наш долг — облегчить их работу».

Таков был один из главных заветов Василия Николаевича Скалона — подлинного Дон-Кихота XX в. в сфере охотоведения.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Ушел из жизни Анатолий Константинович Артюховский, ректор Воронежского лесотехнического института с 1971 по 1985 г., профессор, Заслуженный работник высшей школы, Почетный гражданин Центрального района г. Воронежа. Тяжело сознавать, что Анатолия Константиновича с нами больше нет...

Анатолий Константинович Артюховский родился 20 декабря 1923 г. в селе Коротояк Острогжского района Воронежской области в семье учителя. Здесь проявились его первые привязанности к живой природе, охоте, рыбалке, стремление лучше понять сложную взаимосвязь растительного и животного мира.

Война, начавшаяся в 1941 г., нарушила мирные планы: юноше, едва успевшему закончить 9 классов средней школы, пришлось защищать Родину с оружием в руках. В военных действиях участвовал в составе Северо-Западного и 2-го Прибалтийского фронтов.

С 1942 г. по 1945 г. командовал взводом радиоразведки. В 1945—47 гг. служил старшим радиооператором полка связи. А как он воевал — об этом говорят заслуженные им награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии в феврале 1947 г., в мае—июне закончив экстерном среднюю школу, в августе недавний солдат становится студентом лесохозяйственного факультета Воронежского лесотехнического института. Далее — диплом с отличием, учеба в аспирантуре, защита кандидатской диссертации на тему: «Нематоды вредных для леса чешуекрылых лесостепной зоны СССР».

Вся педагогическая и научная деятельность от ассистента до профессора прошла на кафедре экологии, защиты леса и охотоведения. Творческое отношение к своим обязанностям, энтузиазм и инициативность, умение работать с людьми послужило основанием для выдвижения в 1968 г. Анатолия Константиновича Артюховского на должность проректора по научной работе. С 1971 г. по 1985 г. он возглавлял Воронежский лесотехнический институт. Педагог «Божьей милостью», в совершенстве владевший методологией и методикой учебного процесса, Анатолий Константинович был хорошо известен как ученый не только у нас в стране, но и за ее пределами: его перу принадлежит более ста научных трудов в области гельминтологии и защиты леса. Особенно хочется отметить монографию «Санитарно-гигиенические и лечебные свойства леса», отражающую многие ранее малоизученные экологические аспекты лесных формаций.

А. К. Артюховский (1923—2002 гг.)

За педагогическую, научную и административную деятельность он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями.

Анатолий Константинович с детских лет был страстным охотником и рыболовом. Особенно любил охоту с гончими, никогда не ставя на первое или даже на второе место добычу зверя. Главным было — наблюдать за работой собак, послушать и насладиться чарующими звуками гона, полностью отдаться этому захватывающему, во многом творческому процессу, который весь строится на знаниях, опыте, интуиции.

Охота для него была средством общения с природой, всестороннего изучения жизни лесного сообщества, способствовала сбору богатого фактического материала. В нашей газете «Охота и рыболовство», редактором которой он являлся все последние годы, им опубликовано множество научно-популярных статей и охотничьих рассказов, неизменно вызывавших большой читательский интерес.

Ушел из жизни человек большой чести, доброты, скромности, прекрасный товарищ, готовый всегда прийти на помощь своим опытом и знаниями. Он будет жить в нашей памяти как воин, педагог, ученый, охотник.

В. К. ПОПОВ,
ректор Воронежской государственной
лесотехнической академии,
главный редактор газеты
«Охота и рыболовство»

По просьбе наших читателей сообщаем, что *охотоведов высшей квалификации* готовят следующие учебные заведения:

Иркутская государственная сельскохозяйственная академия — 664000, Иркутск-36, пос. Молодежный;

Вятская государственная сельскохозяйственная академия — 610000, Киров, п/о 39, Октябрьский пр., 133;

Российский государственный аграрный заочный университет (ВСХИЗО) — 143900, Московская обл., п/о Балашиха-8, ул. Фучика, 1, тел. приемной комиссии (095) 521-55-46;

Запорожский государственный университет — 349332, Украина, Запорожье, ул. Жуковского, 66;

Красноярский государственный университет — 660000, г. Красноярск — готовит специалистов, работающих в сфере охотничьего хозяйства, по направлению «Экология и природопользование» и специальностям «Биология», «Экология», «Биоэкология».

Специальность «Зоотехния», специализации — «Разведение диких животных», «Биотехника воспроизводства животных» или «Кинология» можно получить в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева — 127550, Москва, Лиственная аллея, дом 25 ЦНБ (есть заочное отд., обучение на нем платное от 6,5 до 10 тыс. руб. в год, возможна оплата по семестрам).

Охотоведов средней квалификации готовят:

Иркутский пушно-меховой техникум — 664900, Иркутск, ул. Байкальская, 127;

Московский пушно-меховой техникум — 141420, Московская обл., г. Сходня, ул. Октябрьская, 30;

Шанталовский совхоз-техникум (отделение «Охотоведение и звероводство», прием на базе 11 классов) — 216600, Смоленская обл., Почкинский р-н, п. Шанталово.

По всем вопросам о порядке поступления следует обращаться непосредственно в указанные учебные заведения.

Владимир Федорович Буторин

ХОЗЯЙСТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Охотничье хозяйство «Охотник» организовано весной 1997 г., как говорят, случайно — просто лесопромышленник Владимир Федорович Буторин по приглашению друзей приехал на охоту и... Владимир Федорович загорелся идеей организовать охотничье хозяйство. Начали с малого. На живописнейшем берегу реки Устья (Устьянский район Архангельской области), близ села Березник, откуда родом и сам Владимир Федорович, построили заимку — небольшую избу да баньку.

Часть прибыли решил вкладывать не в казино и экзотические путешествия, а в родной край, в столь милую Россий-

На вышке

Отсюда с базы «Высокая» егеря отправляются на работу в угодья

Угодья близ села Березник

скую природу, которую мы подчас не замечаем — ходим мимо, оглянуться некогда — заботы, работа... Какие уж там закаты! Да и гуси осенью летят мимо, на юг — туда, где нас нет.

В 1998 г. было решено сделать еще одну базу «Высокая», на самом высоком в районе месте. Местные мужики говорят: «В нижних деревнях спать ложатся, а на «Высокой» еще чай пьют». Чай долго не распивали и поэтому в мае 2002 г. на базе «Пёнтус» на месте избы да бани вырос гостиничный комплекс оригинальной современной архитектуры — как бы два шалаша с вешалами.

Необычное название «Пёнтус» он унаследовал от бывшей здесь ранее деревни с таким названием. Площадь комплекса базы — 600 м². Внутри очень комфортно: 4 спальни, каминная, бильярдная, столовая, спортивный зал с тренажерами и теннисным столом, сауна и, что самое интересное, галерея фауны и флоры Устьянского края.

За несколько лет и на базе «Высокая» тоже появилась небольшая гостиница: две спальни, кухня, баня, егерская, теплый гараж, а в нем снегоходы: «Ямаха», «Тайга», болотоходы «Нива» серии «Бронто», просто незаменимые

Егерь Сергей Григорьевич Буторин

в этих местах для доставки охотников через угоры, болота и многочисленные ручьи. Есть на чем доехать и на чем вывезти добычу. Одно из последних приобретений «Охотника» — аэроход «Хивус 10» на воздушной подушке — «бегать» может по снегу, болоту, воде, развивая скорость 70—90 км/час. И конечно же лошади. Какая техника ни будь, а лошадь, ох, как нужна! На санных, да колясках мимо полей по лесным дорогам — это отдельный отдых — смотри, запоминай.

Но лирика лирикой, а в охотничьем хозяйстве масса работы. «Не люблю

С вышки у прикормочной площадки

слово «воспроизводство», — говорит Владимир Федорович Буторин, — мне гораздо понятнее слово «восстановление», мы просто обязаны вернуть то, что составляло богатство нашего края. нашей природы».

За хозяйством закреплено 50 тыс. га угодий. Их составляют смешанная и хвойная тайга, поля, вырубки, болота. Там обитают лоси, кабаны, тетерева, глухари, рябчики, много зайца... и, конечно, медведи.

Сделали 6 подкормочных площадок для кабанов с оборудованными вышками для учета и проведения охот. Соорудили солонцы, вешала с сеном для оленей, лосей. В 2001 г. завезли из Смоленского охотхозяйства им. Я. Я. Колесникова 60 годовалых кабанят, в 2002 г. привезли еще 50. Для них сделали в лесу выгородку из сетки-рабицы гектара на 3 с площадкой для под-

Охотничья база «Пёнтус»

Завтра охота

напрасно. Удачи не было. В 2000 году повезло — добыл аж четырех, на следующий год — двух. Стал медвежатником! Недавно приобрели трех трехмесячных щенков западносибирской лайки, собираются растить собак специально для охот на кабана и медведя.

Каждый год в «Охотнике» засевают овсом 100 га лесных полей, примыкающих к местам обитания медведей, собираются сажать топинамбур для кабанов.

Несмотря на то, что Владимир Федорович является частным арендатором угодий «Охотник», все охоты он согласовывает с Архангельским охотуправлением. Местные охотники при наличии путевок и соответствующих документов свободно гоняют зайцев и проводят прочие охоты, а вот браконьерам соваться сюда не советуют: у хозяйства мощная поддержка всех охотников и любителей природы Устьянского района.

Фото и текст Т. Баженова

кормки. Каждый день туда ездит на санях егерь хозяйства Сергей Иванович Ипатов, высыпает подкормку для кабанов, да так, чтобы они не стали ручными, ведь их весной выпускать на волю. Нынешняя зима снежная — пришлось сделать шалашики, где кабаны могут пережить непогоду.

Охотничье хозяйство без охоты быть не может. Несколько десятков стрелковых вышек построили для охот на лося. Егеря проезжают на снегоходах с волокушей, делают следовую полосу, отмечают все перемещения зверя, поэтому безошибочно могут указать, в каком квадрате в данный момент находится зверь, правильно расставить стрелков и загонщиков для удачной охоты.

Какая охота в России без единоборства с «хозяином» — медведем. На вооружении Буторина и егерей карабин «манлихер», карабины «Вепрь 762 51», «Беретта» 12 калибра. Три года В. Ф. Буторин ходил на медведя — да все

Егеря братья Николай и Александр Кулаковы

Хакасский монстр

Произошла эта история четыре года назад. Мы ездили в экспедицию в урочище Сорокоозерки, расположенное в Бейском районе Республики Хакасия. Дело было в середине мая, погода стояла на редкость ветреная и холодная, чуть ли не каждый день сыпал снег или лил дождь. Но несмотря на такие погодные условия, весенняя миграция шла полным ходом, и мы целыми днями пропадали на озерах, проводя учеты подлетающих с юга многочисленных стай водоплавающих птиц.

Жили мы в рыбацкой избушке на берегу озера Турпанье. Там было тепло и уютно, а по вечерам к нам в гости приезжали местные рыбаки и чабаны. Они любили поговорить о нечистой силе, а один из чабанов поведал, что встречается в здешних местах привидение — всадник на белом коне. Увидит его хороший человек, ничего ему не будет, если, конечно, не помрет со страха. А вот если грехи за тобой водятся, то сам либо умрешь, либо кто-то из твоих близких, причем смерть будет страшной. Да и в одной из красноярских газет была заметка о всаднике на белом коне. В общем, пострашав друг друга разными историями про всякую нечисть, легли спать.

На следующий день отправилась я с утречка на учеты водоплавающих птиц. Возвращаюсь обратно уже в потемках, голодная и уставшая. Небо постепенно заволакивают огромные черные тучи. Они спускаются все ниже и ниже, как будто стараются прижать тебя к самой земле. На горизонте время от времени вспыхивают молнии. Становится все темнее, и вскоре я оказываюсь практически в полной темноте. Дорожная колея ощущается только на ощупь, вокруг в пределах видимости ни единого огонька. До избушки еще километра четыре, до остального жилья все десять. Поднимается холодный ветер, начинает капать мелкий противный дождь, что еще больше портит мое настроение. В голову лезут мрачные мысли. Невольно вспоминаются истории, рассказанные в теплой и уютной избушке. Сейчас они воспринимаются совсем по-другому, по крайней мере, сильнее над ними как-то не тянет...

И вдруг сзади, в метрах двадцати от меня, раздается дикий, страшный и абсолютно нераспознаваемый вопль. Я подскакиваю на месте и прислушиваюсь. Душераздирающий звук повторяется, но уже ближе. Я быстро увеличиваю скорость, лихорадочно вспоминая, что опасных для человека хищников здесь не водится, и в принципе-то бояться нечего. Но мысль о том, что это кричащее имеет человеческое проис-

хождение, пугает еще больше. А вопли между тем приближаются. Добавив еще скорости, осыпая себя очередной порцией проклятий, что не положила в рюкзачок фонарик. И так полная темнота, злой холодный ветер и преследующие тебя кошмарные вопли неизвестного и от того очень страшного существа. Вовремя вспомнился и тот факт, что сейчас как раз полнолуние.

Совершенно непонятно, как в такой ситуации я нашла поворот на избушку. Оставшееся расстояние до нее я неслась почти галопом, а эта тварь, не отставая, бежала следом и орала... Хорошо, что вокруг избушки уже бродили с фонариками ребята. Я вылетела к ним из темноты с круглыми от страха глазами, и вопли тут же прекратились.

Хорошенько закрыв дверь нашего жилища, мы пустились в жаркие обсуждения, что это могло быть. Никто из присутствующих здесь раньше не слышал подобных звуков, хотя народ собрался бывалый, уже участвовавший не в одной экспедиции. Один шутник попытался поделиться с нами предположениями о жутком монстре, который бегают по степи и отлавливает несчастных биологов, вторгнувшихся в его владения. Но после коллективного обещания выкинуть его за дверь для общения с этим «монстром», он быстренько забрался под одеяло и притворился спящим.

...Через два дня я сижу у подножия бархана, недалеко от избушки, и пытаюсь обнаружить в определенном растении название каких-то мелких зеленых цветочков, растущих прямо на песке. И вдруг... слышу тот же жуткий вопль, раздающийся совсем рядом. Решив, что при необходимости я домчусь в две секунды до крыльца, потихоньку, по-пластунски выползаю на макушку бархана. И что же предстает перед моими глазами? На соседней вершине сидит самый обыкновенный лис, правда не рыжий, а серый и по причине линьки сильно ободранный. Подняв морду к небу, он с упоением издает именно эти кошмарные душераздирающие вопли. Представьте мои чувства, вскипевшие, переполненные и хлынувшие через край... Лис удирал с бархана, сопровождаемый моей длинной цветистой речью, включающей в себя все, что я о нем думала.

И все-таки было жалко, что «чудовищем» оказалась обычная лиса, наверное, каждому человеку хочется встретиться с чем-то необычным, непознанным и хоть чуточку сверхъестественным.

А. КУТЯНИНА,
ассистент кафедры охотничьего
ресурсоведения и запovedного дела
биол. фак-та КрасГУ

Дважды добытый

На охоте я не новичок. Охочусь с собаками более 10 лет, но курьезы, простительные начинающему охотнику, иногда случаются и со мной.

Начало зимнего сезона на пушного зверя полностью посвятил нагонке годовалой выжловки. Прошло уже два месяца, а результат охоты с гончей был нулевым. Хотя собака постепенно постигала премудрости охоты на русака, взять его на кругах мне не удавалось.

В канун Нового года, серьезно настроившись «размочить счет», я вышел в поле. Довольно скоро подняв зайца, набросил собаку на след. Снега в этом году намело как никогда, перемещаться даже на лыжах было тяжело. Вконец измотавшись и выбившись из сил, мне все же удалось разгадать замысел русака и перехватить его. Стрелять пришлось с очень близкой дистанции зарядом для предельно дальней стрельбы. Русак среднего размера, пару раз кувыркнувшись, начал тыкаться носом в сугроб, делая его ярко-алым. Второй выстрел с такого расстояния мог разнести тушку вдрызг, да еще захотелось дать потрелять его собаке. Быстро подскочив, схватил его за задние лапы, стал поджидать выжловку.

Чувство радости и гордости наполнило мое сердце. Классика охоты с гончей! Сбылась надежда. Воображение рисовало новогодний стол с главным блюдом. Вскоре подбежала собака. Подзадоривая и науськивая, я со всего размаха швырнул зайца подальше от гончей, и только тут я понял, какую глупость совершил...

Серый мяч, отпружинив от снега, полетел в сторону с непредсказуемой скоростью. Снег отлично держал русака, а выжловка вязла по самую грудь. Стрелять было нельзя. Вопль собачьей досады и обиды резал морозный воздух, а расстояние между бегущими все увеличивалось. Вскоре они пропали из виду и сошли со слуха. Все! Что я пожелал себе в уходящем и наступающем году, не выдержит, наверно, и бумажка. Но делать нечего, надо продолжать охоту. Двинулся по следу, ни капли крови.

Километра через два с половиной услышал злобный лай моей собаки в березовой посадке и свернул туда. Вскоре увидел ее, облаивающую охотника с ягдтерьером. Успокоив собаку, бросился с расспросами к родственной душе — не видел ли где гонимого зайца? Не зайца, а пирующую собаку застал охотник в посадке, чем и вызвал у нее гнев и «воскрешение души» у меня. Хоть и без головы, но все-таки добыча, да еще дважды добытая.

Р. МОРОЗОВ
г. Курск

Р. КАЛАШНИКОВ,
эксперт-кинолог по легавым,
спаниелям и лайкам

От Северного Ледовитого океана почти до Каспийского моря протянулись невысокие Уральские горы. В таежных темнохвойных лесах водятся лось и медведь, соболь и куница, горностай, колонок и белка, норка и ондатра. Раздольно в тайге волку и лисице, рыси и барсуку. Кабан через горы пришел из Европы, породнился с сородичами, завезенными из Белоруссии и Кавказа, расплодился до промысловой численности. Не обижен лес птицами, и главными из них: глухарем, тетеревом, рябчиком. На озерах и реках много водоплавающей и болотно-луговой дичи. Бери, Человек, пользуйся, да знай меру — не жадничай.

Испокон веков живут на Урале коренные жители: ханты и манси, дальние родственники финнов и венгров, пасут оленей, промышляют мясо и пушнину. Помощники в этом остроухие собаки — мансийская (вогульская) и хантыйская (остяцкая) лайки, рабочие качества

В 60—70-х годах основными породами собак, имеющими почти государственное значение, считались лайки, как помощники охотника на промысле

Лайка и дратхаар на Урале

которых и экстерьер сформировались, по всей видимости, на заре человечества. Во второй половине прошлого века эти отродья собак и некоторые другие оказались сведенными в одну западносибирскую лайку.

Однако в ее современном экстерьере до сего времени сохранились наиболее характерные признаки мансийских и хантыйских собак. Мансийская лайка более легкая и стройная, с неширокой черепной частью головы, удлиненной, сухой, заостренной мордой, очень плавным переходом от лба к морде и с косым разрезом век; без большой «муфты» и шерстного покрова на шее. Хантыйская лайка более крепкая и невысокопередая, с головой широкой в лобных и теменных частях, более короткой мордой и выраженной «муфтой».

Уральская земля за 300 лет, особенно в военные (1941—1945) и послевоенные годы, превратилась в крупный промышленный регион с множеством добывающих и перерабатывающих предприятий, городами и поселками. От интенсивных лесных рубок пострадали даже кедровники. На месте вырубленных старых деревьев выросла обильная

В 80-е гг. сложилась весьма благоприятная обстановка для самого широкого разведения и применения дратхаара на различных охотах

лиственная поросль, ставшая богатой кормовой базой для лосей, численность которых значительно увеличилась и в 70—80-х гг. позволила довести их отстрел до 1500 в год. Но одновременно сократились заготовки промысловой пушны, особенно белки, промышленной исключительно с помощью собак. Лишь в отдельные особо «урожайные» годы добывалось чуть больше 100 тыс. этих зверьков. Добыча остальных видов пушных зверей, отстреливаемых частично с помощью лаек, стала также крайне незначительной: колонок и куница менее 1000, соболь 300—400, горностаи 200—300. Все это происходило несмотря на то, что пушнина считалась «мягким золотом», приносящим в страну валюту. Охотхозяйственные и заготовительные организации имели твердые планы по ее промыслу, от выполнения которых зависела оплата труда и дополнительные материальные и финансовые блага. В соответствии с этими основными породами собак, имеющими почти государственное значение, считались лайки, как основные помощники охотников на промысле.

«Росохотрыболовсоюзом» была развернута кампания по учету лаек, улучшению их экстерьерных и рабочих качеств. До каждого общества охотников и рыболовов, независимо от их ранга и возможностей, доводились планы по проведению мероприятий по собаководству. По учету 1967 г., в Свердловской области имелось 2000 лаек (В. Григорьев, 1971 г.), в том числе с родословной — 465, с оценкой экстерьера — 295, с дипломами за охотничьи качества — 50. По данным Н. Полуэктова (1976 г.), поголовье лаек на январь 1973 г. составляло — 1024, на январь 1974 г. — 1809. Однако в районах промысловой охоты наладить лайководство путем эпизодических выездов специалистов из областного центра не удалось и вынудило управление охотничье-промыслового хозяйства подготовить экспертов из числа штатных работников госпромхозов.

В 1980 г. мною (тогда штатным сотрудником УОПХ) в северных городах и поселках обследовано 100 собак, в том числе: в г. Ивделе — 8, пос. Таборы — 22, пос. Гари — 14, г. Туринске — 24, г. Североуральске — 22, пос. Восточном Серовского р-на — 10. Через два года в этих же населенных пунктах обследовано такое же количество собак и выявлены изменения недостатков экстерьера. В процентах от общего количества это показано ниже: неизвестное происхождение — 96/62, конституция — 40/16, породность — 16/7, рост — 16/14, шерсть — 20/11, окрас — 22/8, мускулатура — 6/25, костяк — 13/13, голова — 52/24, уши — 13/7, глаза — 24/5, прикус — 1/4, шея — 0/4, грудь — 4/1, холка — 0/13, спина — 4/19, конечности — 4/14, лапы — 4/7, крипторхизм, кастраты — 18/13 (1980 г. — числитель, 1982 г. — знаменатель). Увеличение в 1982 г. таких недостатков, как сла-

бость спины, мускулатуры, лап, вызвано переводом собак с вольного на вольерное содержание.

Собаки с этими недостатками, как правило, держали люди, проводившие на охоте выходные дни и изредка очередной отпуск. Промысловики и сезонники, кормящиеся от леса, своих собак на всеобщее обозрение не выставляли, содержали взаперти, щенков от них никому не давали.

Спустя некоторое время, видимо, убедившись в моей порядочности как эксперта, меня стали приглашать домой и показывать собак, в основном породных лаек. К сожалению, изоляция сук не спасала их от случайных вязок с беспородными кобелями, завезенными в глухомань поселенцами с надеждой на будущих лаек. Беспородные кобели немислимыми путями проникали в закрытые помещения к течным сукам и оставляли многочисленное потомство. Надо отдать должное жителям таежных деревень, сумевшим, после «хороших бесед по душам» на местном наречии, принять не всегда гуманные, но крайне необходимые меры к разведению в их местности только породных лаек.

Благодаря усилиям охотничьих и заготовительных организаций в 60-е гг. лайка на Среднем Урале заняла лидирующее положение в охотничьем собаководстве.

Но увеличение численности лаек произошло за счет собак других пород, в первую очередь легавых. На 1 января 1969 г. в Свердловском городском обществе охотников и рыболовов, объединяющем тогда охотников города с миллионным населением, города, некогда блиставшего подружними собаками, на учете состояло 22 легавых собаки, в том числе: пойнтеров — 2, английских сеттеров — 3, ирландских — 3, шотландских — 8, курцхааров — 8, дратхааров — 2.

Специалисты-легашатники не выдержали дискриминации подружних собак, не сумели и не захотели найти для них место в новых условиях ведения охотничьего хозяйства и отошли от кинологической работы, не подготовив себе замену. Автору этих строк пришлось по принуждению и распоряжению Правления Свердловского ОООиР, не имея в ту пору звания эксперта, несколько сезонов подряд оценивать самостоятельно легавых и спаниелей на полевых испытаниях и даже на областной выставке с правами республиканской.

Однако вековые традиции русских охот по перу, стремление повышения их эстетичности и результативности оказались наподвластными конъюнктуре и способствовали появлению нового поколения энтузиастов легавых. С островными легавыми, отдавая предпочтение шотландским сеттерам, стал работать А. Перцель, с курцхаарами — С. Фетисов, с дратхаарами — Р. Калашников. В те годы Главохота РСФСР рекомендовала разрешать на местах охоту с подружними собаками с начала

августа. Это привело к активизации кинологической работы. Количество собак, экспонируемых на Свердловских областных выставках, показано в таблице.

Охотоведы Свердловского городского ОООиР в ответ на возмущение членов общества (вышедших на охоту в общие сроки) на отсутствие дичи незамедлительно обвинили в этом охотников с собаками. Подобное происходило и в последующие годы и вызвало неизбежное столкновение интересов двух категорий охотников. Это привело к значительному ограничению и даже полному запрету охоты с подружними собаками в более ранние сроки и снова вызвало уменьшение их численности. Между тем в области достаточно высокая численность вальдшнепа и болотно-луговой дичи, которая не осваивается. Организация охот на эти виды пернатых, по нашему мнению, вполне по силам арендаторам охотничьих угодий, может удовлетворить владельцев легавых собак и спаниелей и в определенной степени разрешить финансовые проблемы общества.

На Среднем Урале (в Свердловской области) в городах и крупных рабочих поселках, на восточном склоне хребта живет примерно 50 тыс. охотников. На этой территории со времени ее освоения предпочтение отдавалось лайкам. Их содержание в благоустроенных квартирах отрицательно сказалось на всем поголовье. Кроме того, снизился интерес к промыслу пушны из-за ее невосребованности и некупаемости затрат, уменьшилась численность боровой дичи. Одновременно возросла популярность охоты на уток. Новым требованиям в полной мере стала соответствовать немецкая жесткошерстная легавая (дратхаар), получившая массовое распространение в регионе. Этих собак теперь разводят как в городах горной части области (Североуральск, Красноуральск, Серов, Лесной, Нижняя Тура, Асбест, Нижний Тагил, Невьянск, Новоуральск, Первоуральск, Среднеуральск), так и в лесостепной зоне (Богданович, Красноуфимск, Сухой Лог, Камышлов, Тавда, Каменск-Уральский, Заречный, Туринск, Ирбит).

В 80-е гг. в регионе благодаря поддержке руководителей охотничье-промыслового хозяйства (А. Киселев, В. Иванов, М. Чирков) сложилась весьма благоприятная обстановка для самого широкого разведения и применения дратхаара на различных охотах. В разные годы их численность в области стала составлять 400—450, что в несколько раз превысило поголовье остальных легавых собак вместе взятых. Отмечался устойчивый спрос на высокопородных щенков и активное участие дратхааристов в мероприятиях по охотничьему собаководству.

Возрастающий авторитет дратхаара и его востребованность охотниками привели к неудовольствию идеологов лайководства, возглавлявших в те годы

Группа пород	Год проведения выставки, количество собак						
	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Борзые	—	—	2	14	12	25	9
Лайки	42	96	73	174	217	210	134
Гончие	42	60	105	167	212	122	46
Норные	—	22	2	3	40	—	33
Легавые островные	113	149	13	48	73	26	18
Курцхаар	2	5	3	13	13	9	6
Дратхаар	1	6	—	—	32	74	28
Спаниели	3	22	14	55	87	51	38

охотничье собаководство области. Начавшаяся дискриминация вынудила дратхааристов перейти из Свердловского областного ООиР в окружной Совет ВОО УРАЛВО, а в 1987 г. создать Свердловский областной клуб охотничьего собаководства «Дратхаар» (СКД).

О делах и достижениях клуба — первой подобной организации в послевоенной России в доперестроечный период — в центральной, региональной и местной периодической печати написано много и подробно. Весьма удачными были выступления наших собак на Всероссийских выставках, победы на состязаниях в Польше, Кировской, Владимирской областях и в Удмуртии.

Пиком разведения жесткошерстной легавой в регионе был 1980 г., когда на Свердловской областной выставке экспонировалось 74 дратхаара (обычно в пределах — 30), а в августе этого же года на полевых испытаниях по красной дичи, утке, кровяному следу, специальному курсу дрессировки за два дня было испытано 73 собаки.

В девяностые годы в стране начался развал социально-экономической системы, вызвавший кризис охотничьего хозяйства и собаководства, отбросивший наши достижения по разведению жесткошерстной легавой назад лет на двадцать. В настоящее время по самым оптимистическим подсчетам в регионе на 50 охотников приходится всего одна охотничья собака. Общества охотников и рыболовов разного уровня более не заинтересованы в развитии собаководства, не несут ответственности за его состояние и не занимаются кинологической работой. Для подтверждения сказанного достаточно отметить, что на областной выставке 2002 г. экспонировалось всего

124 собаки всех пород против 681 в 1990 году.

Иные общественные организации по охотничьему собаководству, активно создаваемые в 90-е гг., в своем большинстве из-за малого количества членов организации и отсутствия достаточных денежных средств прекратили деятельность. Для нормального функционирования клуба или секции по той или иной породе собак ежегодно требуется не менее 500 тыс. рублей долевого взноса собаководов. Сегодня это нереально даже для владельцев лаек — самой массовой породы собак на Урале.

В условиях безденежья основных практических охотников покупная цена щенка от высококлассных производителей в регионе не превышает двух тысяч рублей, что не обеспечивает покрытия расходов на содержание суки и ее приплода. По этой же причине нерентабельно выращивание щенков и в индивидуальных питомниках.

Годовая потребность охотников Среднего Урала в высокопородных собаках наиболее востребованных пород (западносибирская лайка, русская гончая, ягдтерьер, дратхаар, спаниель) составляет 20–25 щенков. При их отсутствии свободная ниша незамедлительно заполняется собаками со слабовыраженной породностью и сомнительными документами о происхождении, либо вовсе без таковых.

Однако, думаю, что не под силу одиначкам-энтузиастам, вполне по силам крупнейшим в стране охотничьим организациям — охотдепартаменту России и «Росохотрыболовсоюзу». Именно от них зависит дальнейшая судьба охотничьего собаководства и былая слава русских охот.

Фото В. Животченко

Д. БИШУЛЯ

Сколько я себя помню, у меня были собаки. Лет с восьми я водил домой всех прирученных дворняжек. Долго они у меня не задерживались — мать быстро их выпроваживала. Став чуть старше, я приобретал разных полукровок: на породистых не было денег, да и кровных собак тогда было мало. Собачки мои были по большей части охотничьих пород — полугончие, полулегавые. Это потому, что охотой я заражен был с рождения. Начать с того, что родился я в Сибири; за речкой виднелась тайга. Охотник, жену которого лечила моя мать, приносил то зайца, то медвежатину. Во время войны это было подспорьем. Я помню его рассказы об охоте. После переезда на Украину соседом моим тоже был охотник. Он лет с девяти приобщил меня к охоте: учил лить дробь, делать порохов, водил на охоту.

Уже взрослым я занимался служебными собаками, а потом разными охотничьими: норными, гончими, лайками. Часто ездил на выставки, состязания, испытания. Сколько же у нас прекрасных собак разных пород! Одно заглавие. Особенно это видно на выставках. Такой парад собак, все так хорошо, что не знаешь, кому отдать предпочтение.

Но с тех пор как начал регулярно охотиться, я познакомился с собаками другого сорта. Это дикие собаки, живущие в лесах и вблизи населенных пунктов. Об этих «друзьях» написано очень много, да я на собственном опыте убедился, насколько они опасны и сколько приносят вреда.

Однажды, возвращаясь с охоты, я шел домой молодым парком в черте города. Недалеко от тропы слышен был не то вой, не то лай собаки. За сугробом ее не было видно, и я подумал, что там «прилег» кто-то сильно выпивший и собачка зовет на помощь. Я направился удостовериться и помочь бедняге. Не дошел метров двадцати, как вдруг из-за сугроба выскочила целая стая собак — штук десять. Оказываются, это была собачья свадьба. Крупные кобели остались около «невесты», а пятеро более мелких кинулись на меня и стали яростно атаковать. Они окружили меня и набрасывались с разных сторон. Особенно агрессивным был кобелек, похожий на крупного ягдтерьера. Тот прыгал чуть не до головы. Я успел сорвать зачехленное ружье и стал отбиваться. Так, отступая и отмахиваясь, протопал метров 50. И только потом они постепенно отстали. Но стоило мне двинуться, как они снова атаковали. Все же я отошел за ту грань, когда они не нападали, а только лаяли. Я был просто в шоке. Отойдя, быстро собрал ружье и зарядил патронташ. Еще миг, и я расстрелял бы эту банду. Но вовремя вспомнил, что прямо за парком находится отделение милиции.

Дорогие читатели, друзья!

Спешите подписаться на наш журнал

Подписка на второе полугодие - во всех отделениях связи

Наш индекс:

70673 на полгода по каталогу Роспечати

Эти «милые» собачки

Удовольствие от разборок по поводу стрельбы вблизи от домов мне совсем не светило, и только это меня остановило. С большим сожалением я снова сложил ружье.

В другой раз, как-то осенью пошел погулять в лес со своей лайкой и ее четырехмесячным щенком. Отойдя с километр, я вдруг был атакован четырьмя здоровенными дворнягами. Схватив дубину, я стал отбиваться. Да и моя Ара была не робкого десятка. Лайки вообще в драках себя в обиду не дают. Но минут десять нам пришлось крепко поработать.

Потом весной мы поехали с приятелем на норы, проверить, есть ли выводки. Пока я закрывал машину, товарищ пошел вперед. Я услышал его крики и побежал на помощь. Оказывается, из норы выскочили две собаки и накинлись на него. Схватив палки, мы отогнали их. Из норы слышалось тявканье щенков.

Недалеко от Винницы есть озеро Некрасово. Однажды оттуда в областное общество охотников приехал председатель колхоза и слезно стал просить помощи. Оказывается, в лесу около села развелось столько диких собак, что от них не было прохода. Днем они спали в лесу, а к вечеру или утром отправлялись в село на охоту к ферме. Дошло до того, что школьники и женщины стали бояться ходить по улице вечером. Последней каплей стал случай со скотником, на которого напали собаки. Стоя спиной к стене, он чуть не час отбивался от них вилами. Пришлось организовать облаву. Уничтожили 18 собак, ушли единицы.

Сколько вреда приносят одичавшие собаки? Я был свидетелем многих разбоев, учиненных ими. Выехав как-то из села, с пригорка увидел, как по свекольному полю бегают стаи собак. Присмотревшись, увидел, что гоняют зайца. Окружив его, они постепенно сужали кольцо, и вот уже вверх полетел пух от растерзанной добычи. Я быстро подъехал к тому месту, где у них был переход, зарядил ружье и стал ждать. Но хитрые бестии что-то почувдали и близко не подошли. Пришлось вскочить и стрелять метров с 50-ти. Всадил заряд в вожака и еще одну собаку.

Или вот еще случай. Охотились компаниями на зайца. Шли по пахоте. Справа небольшой ручей с камышом, за ним на озими паслось небольшое стадо косуль. Вдруг из пахоты метров за 200 от нас поднялись пять собак и пошли к ручью. Перейдя его, они выстроились в полукруг и на наших глазах погнали

косуль. К счастью, снега было совсем мало и косули ушли.

Приехали однажды на охоту в хозяйство. Лесник пожаловался на бесчинство собак. Умолял побить варваров, обещая за двух собак одну косулю. Мы сделали загон в известном квартале и убили 8 здоровенных псов. Косуль в этом лесу мы так и не увидели.

У нас было одно любимое место, где с удовольствием часто охотились. Лесник Владимир Андреевич — добрейшей души человек и его жена принимали нас всегда как родных. Стол ломился от яств. Мы со своей стороны в долгу не оставались и привозили то запчастки, то лекарства, то всякие деликатесы. Владимир Андреевич не был охотником, но у него чуть не под каждым кустом лежала косуля. Когда косули выходили на зеленя, казалось, что это колхозное стадо. Было даже 4 чисто белых косули, которых лесник особенно любил. Были и кабаны, и лоси, а на полях полно зайцев. Несколько лет мы отводили душу в этом «Эльдорадо». В один из сезонов выпал очень большой снег, и мы долго не могли попасть в любимое место. Когда пробили дороги, мы приехали с лицензией на кабана и увидели плачущего лесника. По его словам, в лесу появилась стая собак и за месяц по глубокому снегу перерезала чуть не

все стадо косуль. Особенно жалко было ему белых косуль. Мы пошли в лес — везде видны были следы разбоя: кровь, шерсть, кости... Но в лесу, сколько мы ни ходили, собак не было. Не солоно хлебавши, мы собрались и поехали домой. Дорога была уже утрामбована, но по сторонам высились метровые бордюры из снега. Отъехав с километр от кордона, мы увидели большую стаю собак, двигавшуюся от села к лесу по дороге. Собаки, очевидно, не боялись машин и спокойно двигались нам навстречу. Мы быстро расчехлили ружья и, высадив двух «автоматчиков», тихо поехали вперед. Когда собаки оказались между нами, открыли огонь. Им некуда было деваться. Некоторые пытались бежать по полю, но в метровом снегу вязли, там и оставались лежать. Мы застрелили 16 собак, отомстив им за варварский разбой.

Но еще больший разбой был учинен у меня в селе. Ранним летним утром две бродячие собаки ворвались в овчарню и начали рвать овец. Те, обезумев от страха, лезли друг на друга чуть не до потолка и душили сами себя. Прибывший сторож увидел страшную картину: десятки овец с рваными ранами и много задушенных. Из шестистой овец в живых осталась половина. Остальных пришлось дорезать или закопать.

Переехав в Подмоскovie, я увидел и здесь похожую картину. Бродячие собаки гоняют зайцев, косуль, лосей. Одни из них легально живут на многочисленных дачах, а ночью выходят на охоту. Другие приспособились жить в лесу. Охотясь как-то около Истры, я увидел в лесу натопанную тропу. Подумал, что лисицы ходят пировать на погибшем зверьке. Пролез под елками и что же увидел? Под елью, прямо на голой земле лежали кучкой 5 щенков месячного возраста, смотрели на меня злобно и тявкали. Был мороз градусов пятнадцать, а им хоть бы что. Мамаша в это время бегала где-то неподалеку и тоже гавкала. Я представил, что может сделать эта банда через год, и допустить этого не смог...

К сожалению, количество таких «охотников» не уменьшается. После каждого летнего сезона дачники оставляют много собак, и те, пригретые сторожами, пополняют ряды «санитаров». Усилия одних охотников не приносят должного эффекта, так как собаки охотятся ночью, а днем спокойно отсиживаются на территории садовых товариществ. Нужны более действенные меры, иначе в наших лесах дичи поубавится не только от браконьеров, но и от одичавших собак.

Бродячие собаки пытаются разграбить кормушку для птиц

Фото В. Животченко

Любимое ружье - предмет одушевленный

Р. НОРЕЙКА

*Любить что бы то ни было — значит
упорно настаивать на его существовании...*
Х. Ортега-и-Гассет

В длинной веренице предметов и вещей охотничьего обихода особое место по праву принадлежит главным орудиям труда охотника — его излюбленным и обласканным ружьям. Они его повсюду сопровождают и поэтому становятся верными, почти одушевленными спутниками и участниками его охотничьих утех и увлечений. Это они доставляют ему столько радостных переживаний (иногда и огорчений), что «общение» с ними составляет добрую половину охотничьего счастья. Другая половина — сам процесс охоты. При этом достоинства или недостатки ружья оказываются зависимыми часто не столько от марки, модели, страны его изготовления, высоты искусства в гравировке или количества драгметаллов, сколько от каких-то особым образом складывающихся «взаимоотношений» владельца и его оружия. Но особенно примечательным здесь является то, что, как показывает практика, многие наши охотники со стажем, повидавшие в деле по несколько ружей различных типов и систем, в зрелые годы часто вновь возвращаются к испытанным в молодости системам классических двухствольных ружей именно с горизонтальным расположением стволов. Этот феномен подмечен не мною первым, но, поскольку он существует, встает проблема и выбора желанного и достойного ружья.

Так случилось и со мной. За многолетнюю охотничью жизнь через руки прошло полтора десятка различных, как отечественных, так и зарубежных ружей. Были среди них двухствольные горизонталки и вертикалки, самозарядные ружья и даже одна из лучших мировых моделей ружья с перезарядкой цевьем — Браунинг BPS. Но в неугомонной охотничьей душе продолжала гореть желание приобрести еще одно «настоящее» («последнее» — как

всегда) ружье, мощную двухстволку-горизонталку с соответствующими дополнительными устройствами и «опциями». Хотя друзья и коллеги по охоте часто по этому поводу отпускали колкости и усмешки, я был тверд в своих убеждениях и осуществил это намерение, хотя и с большим трудом. Как известно, под влиянием новых экономических отношений и ряда других причин наши классические, традиционные для многих охотников глубинки России двухствольные ружья с горизонтально расположенными стволами оказались отечественными оружейниками обделены вниманием и подзабыты. На Тульском оружейном заводе было свернуто производство как внешнекурковых моделей известных ружей ТОЗ-66 и ТОЗ-80, так и горизонталок с внутренними курками ТОЗ-25 и ТОЗ-39М. К большому сожалению, классические модели не удостоились вниманием и со стороны предприятий оружейной промышленности, вновь перепрофилированных на изготовление гражданского оружия. С другой стороны, производству отечественного, доступного российским охотникам оружия и развитию спроса на него мало способствует проводимая жесткая реклама и ставшее гипертрофированным восхваление и прославление образцов зарубежного охотничьего оружия, как уже импортируемых в нашу страну, так и только подготавливаемых к импорту.

В этих условиях только оружейники Ижевского механического завода сумели-таки не только сохранить выпуск единственной отечественной серийной двухстволки-горизонталки, но и придать ее нескольким модификациям целый ряд новых важных качеств, прису-

щих современным моделям охотничьих ружей.

Поэтому когда стало известно о начале выпуска модели Иж-43Е 1СМ, я предпринял попытку найти такое ружье, притом только 12 калибра. И тут оказалось, что эта модель идет больше всего на экспорт и на внутренний рынок поступает мало. Но при желании и стремлении цель достигается, и я вскоре, вероятнее всего по счастливой случайности, стал обладателем единственного появившегося в городе экземпляра этого прекрасного, как впоследствии оказалось, ружья. Но обо всем по порядку.

В начале 80-х годов теперь уже прошлого столетия на базе известного ижевского ружья Иж-58МАЕ, созданного А. Н. Калининым, этим же конструктором было выполнено также ружье Иж-43, отличающееся следующими перспективными разработками: ударно-спусковым механизмом нового типа с двумя универсальными спусковыми крючками, действующими на оба ствола; механизмом автоматического удаления гильз (эжектором), оснащенным двумя автономными пружинами выбрасывателей, вместо бывшей одной общей, имеющим ряд эксплуатационных преимуществ перед другими системами; усовершенствованием механизма извлечения гильз (экстрактора) с установкой увеличенной дуги охвата закраины гильзы и устранением возможности поворота головок выталкивателей в случае тугой экстракции одной из гильз; изменением механизма запирания (на муфте стволов убран верхний малый крюк, что увеличило площадь прилегания казенного среза стволов к щитку коробки); изменением конфигу-

рации задних боковых стенок коробки ружья, улучшающей прочность их сопряжения с ложей. Кроме того, в связи с усовершенствованием конструкции ударно-спускового механизма ружья некоторые изменения были внесены также и в устройство автоматического предохранителя. Фактическая живучесть ружья, по данным конструктора В. Загребина, составляет не менее 15 тыс. выстрелов. В серию ружье Иж-43 было пущено с 1986 года. За более чем пятнадцатилетний срок производства оно претерпело несколько модернизаций, сохранив в качестве базовой модели основные концепции, заложенные конструктором.

В последнее время ружье Иж-43 усилиями оружейников Ижевского механического завода приобрело несколько интереснейших модификаций: ружья Иж-43Е 1СМ и МР-213 (с модульным УСМ), штуцер МР-221 «Артемиды», тройник МР-272 и даже внешнекурковая двустолковая Иж-43КН.

Теперь более подробно о заинтересовавшей меня модели Иж-43Е 1СМ — вообще-то обыкновенном, но, как оказалось, редком и мало «раскрученном» ружье. Это классическое двустольное с горизонтально расположенными стволами ружье 410, 20 или 12 калибра, снабженное наряду с общеизвестными механизмами также механизмом автоматического удаления использованных гильз, оригинальной конструкции одним спусковым крючком с селектором, универсальными для всех ружей Ижмеха сменными дульными насадками, специально предназначенными для стрельбы патроном со свинцовой или стальной дробью, патронниками под гильзу длиной 76 мм, резиновым амортизатором на затылке приклада, суживающейся с 11 до 8 мм к дульной части стволов прицельной планкой и другими устройствами. Особенно важным, на мой взгляд, является установка в ударно-спусковом механизме ружья бойков, выполненных раздельно от курков, в вариантах модификаций 410/76 и 12/76. Тем самым оружейниками завода были решены две важные задачи. Первая — исключена возможность прощамповки бойком капсюля патрона, особенно зарубежного производства, с более тонкой и мягкой оболочкой. И вторая — ружье с таким УСМ в полной мере стало соответствовать общепринятым требованиям для оружия среднего разбора. Названные механизмы значительным образом расширяют функциональные возможности и границы ремонтпригодности ружья и выводят его на уровень лучших серийно выпускаемых моделей такого класса.

С ружьем Иж-43Е 1СМ 12 калибра № 9964066 В, выпущенным в начале декабря 1999 года, я охотюсь уже шесть сезонов и накопил некоторый опыт его эксплуатации в условиях северо-за-

падного региона. За это время из него было произведено почти 2000 выстрелов, около 500 из них патронами типа магнум с массой снаряда от 46 до 52 г. Необходимо остановиться также на основных технико-баллистических характеристиках ружья, обуславливающих наличие в нем высоких потребительских качеств и возможностей.

Как уже отмечалось, ружье пригодное для использования как обычных патронов с длиной гильзы 67 и 70 мм, так и патронов увеличенной мощности типа магнум с длиной гильзы до 76 мм и снарядом дробы массой от 24 до 52 г. Повышение допустимого среднего значения максимального давления пороховых газов в стволе до 90 МПа (918 кг/см²) повлекло за собой и необходимость некоторого усиления стенок стволов и, как следствие, утяжеление всего ствольного блока ружья. Так, толщина стенок патронников на казенном срезе составляет 4,95 мм, а масса стволов — 1660 г, цевья — 240 г. Длина стволов равняется 710 мм, а их каналы на расстоянии 150 мм от казны имеют диаметр 18,65 мм, перед дульными устройствами — 18,50 мм. Такая сверловка, кстати многократно мною проверенная внутримером, уже позволяет ожидать высоких показателей боя этих стволов, что в дальнейшем и подтвердилось на практике. Здесь она ничем не уступает известной сверловке «трибор» итальянской фирмы «Фабарм», а в плане подбора наиболее подходящего патрона и превосходит ее. Разностенность патронников, встречающаяся иногда в отечественных ружьях, отсутствует, их продольные оси точно совпадают с осями каналов стволов. Короткие дульные устройства представлены тремя сменными насадками, ввинчиваемыми вовнутрь канала ствола. В ввернутом положении торцевые срезы насадков утопают на 1 мм ниже дульных срезов ствольных трубок. В номинале размеры сужений насадков указаны как 0,25; 0,5 и 1,0 мм соответственно. Фактические их размеры (диаметры) и степени сужения следующие: «цилиндр» — 18,30 (0,20 мм); «получок» — 18,10 мм (0,40 мм) и «чок» — 17,65 мм (0,85 мм). Общая же величина обжима пыжа и чоктейнера с дробью в канале ствола с учетом максимального его диаметра (18,65 мм) в казенной части составит 0,35; 0,55 и 1,00 мм. Такое сужение (сверловка) канала ствола, как оказалось, дает при стрельбе из этого ружья очень высокие показатели равномерности осыпи и сгущения ее к центру. Особенно это становится важным при стрельбе крупными номерами дробы (№ 1-0000), когда основные характеристики дробовой осыпи уже не совсем соответствуют ее классическим закономерностям, установленным при стрельбе мелкой дробью. Кроме коротких сменных насадков, описанных выше, ружье может комплектоваться

удлиненными на 20 мм насадками, специально предназначенными для стрельбы патронами со стальной дробью, а также насадками, увеличивающими длину ствола на 50 мм. Таким образом, стволы этого ружья, в зависимости от типа используемых насадков, могут иметь длину 710, 730 или 760 мм. Возможность такого выбора может удовлетворять самые изысканные вкусы и требования охотника.

Затвор ружья имеет двойное запирающее ствольное надвижением боевых упоров запорной планки на передний и задний крюки ствольного блока. Коробка ружья, ударный и спусковой механизмы выполнены по одной из модификаций классической схемы «Энсон-Диллей» (Anson-Dilley). Ударный механизм курковый, с внутренним расположением курков. Бойки, в отличие от базовой модели ИЖ-43Е, изготовлены, как уже отмечалось, отдельно от курков и снабжены возвратными пружинами. Курки имеют отбой и предохранительные взводы. Отдельным съемным блоком собраны на штоках цилиндрические винтовые боевые пружины и упор, закрепленный штифтом. Спусковой механизм смонтирован на отдельной личинке и имеет один спусковой крючок с переключателем последовательности стрельбы из правого или левого ствола. Односпусковой механизм при стрельбе сокращает время между первым и вторым выстрелами, исключает необходимость перемещения кисти руки по шейке ложи при спуске и упрощает формирование навыка стрельбы дуплетами. Переключатель (селектор) стрельбы смонтирован по оригинальной схеме и расположен на основании спускового крючка в виде кнопки прямоугольной формы, которая перед стрельбой может занимать одно из двух положений — с левой или правой стороны основания спускового крючка. Когда она выжата влево и выступает с левой стороны основания спуска, при нажатии на крючок будет задействован сначала левый курок, затем правый. И наоборот, при перемещении кнопки вправо установится последовательность стрельбы из правого, затем с левого стволов. С позиций эргономики такая установка переключателя представляется обоснованной и весьма удобной для пользования, так как кнопка переключателя при необходимости легко, без зрительного контроля, пальцами стреляющей руки перемещается из одной позиции в другую. Такое размещение переключателя последовательности стрельбы на основании спуска является уникальным в своем роде и встречается только в быстросъемных модульных односпусковых УСМ ижевских ружей МР-213 и МР-233.

В целях повышения степени безопасности эксплуатации ружья Иж-43 Е

1 см его запирающий и спусковой механизмы заблокированы, то есть при открытом рычаге затвора спусковой крючок не может взаимодействовать с шепталами. Предохранитель ружья автоматический, запирает шептала и спусковой крючок. Кнопка-ползунок предохранителя дополнительно фиксируется стальным шариком в перенесенном положении. Ложа ружья изготовлена из прамослойного ореха. Шейка ложи в самом тонком месте имеет обхват по окружности 12,2 см. Боковые отводы ложи следующие: в носке приклада — 8 мм, в пятке — 5 мм. Торец приклада обрамлен резиновым амортизатором довольно аккуратной формы. Угол между продолжением прицельной планки и плоскостью затылка приклада (питч) составляет менее 90 градусов, а расстояние на уровне дульного среза стволов от вертикали до прицельной планки — 4 см (вниз). Погиб ложи в гребне равен 38 мм, в пятке — 63 мм. Ложа в заводском изготовлении имела длину 351 мм, но посредством деревянной вставки мною была удлинена на 20 мм — до 371 мм (в соответствии с привычкой и телосложением).

Масса ружья составляет 3600 г. Центр тяжести находится на расстоянии 70 мм от казенного среза стволов, что является неплохим показателем для серийного образца. Баланс ружья подсчитывался по формуле $B = M_p : M_c$, где B — показатель баланса; M_p — масса ружья, кг; M_c — масса стволов, без цевья, кг. В данном случае $B = 3,6 : 1,66 = 2,168$, при норме показателя для двустольных охотничьих ружей, по данным С. А. Бутурлина, равной 2,00—2,20.

Посадистость ружья, как известно, является одной из наиболее важных его характеристик. Посадистое ружье, даже относительно большого веса, не дает ощущения тяжести, так как большая часть его массы и центр тяжести оказываются расположенными посредине, между правой и левой кистями рук стрелка. Только из такого ружья и возможна успешная стрельба по быстро движущейся цели, в том числе и навскидку. Для более объективной оценки посадистости ружья использовалась известная формула: $Pr = M_{кл} : M_{ц} + M_c$, где Pr — показатель посадистости ружья; $M_{кл}$ — масса коробки с ложей, кг; M_c — масса стволов, кг; $M_{ц}$ — масса цевья, кг.

Показатель посадистости данного ружья, таким образом, составляет: $Pr = 1,7 : 1,9 = 0,895$, при принятом отличном значении для двустольных ружей, равном 1,0. Как видно, ружье обладает хорошими посадистостью и балансом, оно оказалось прикладистым, но отличается несколько увеличенным весом. Из-за этого оно может оказаться менее подходящим для ходовых охот. Зато это ружье мною с успехом используется в охоте на глухаринном току, вальдшнепиной тяге, на зайцев с гончими, лисицу, а также водоплавающую дичь и особенно на гусей. Оно также

великолепно подходит для охоты на волка.

Теперь несколько слов об оценке боя и пристрелке ружья. Как известно, эта работа выполняется в два этапа. На первом с использованием стандартного патрона проводится проверка боя, на втором — его пристрелка определенными патронами под конкретный вид охоты. При определении характеристик боя я ограничился получением информации о точности боя дробью и пулей, а также кучности и равномерности дробовой осыпи при стрельбе из всех шести дульных насадок (из практических соображений мною был приобретен еще один их комплект). Стрельба проводилась по общепринятой методике в нормальных условиях окружающей среды. В качестве мишенной цели использовались листы картона 1х1 м с использованием шаблона шестнадцатидюймовой мишени. Патроны стандартные «Тайга», фирмы «Селена», с дробью № 5 и 7. При проверке левый ствол ружья оказался идеально точно установленным и спаянным в блок и дал при стрельбе на дистанции 35 м полное совпадение точек прицеливания и попадания, как пулей, так и центром осыпи дробы. Правый ствол имеет отклонение средней точки попадания влево на 8 см, что практически мало влияет на результативность охотничьей стрельбы. Кучность боя при стрельбе из всех сменных дульных насадок оказалась даже выше ожидаемых величин. Равномерность дробовой осыпи, вычисленная отдельно в 12 долях внешнего кольца и 4 долях внутреннего круга мишени, хорошая. На первом этапе при определении основных характеристик боя ружья учитывалось и то, что эти показатели воедино связаны также и с качеством применяемых патронов. Поэтому здесь каких-либо более глубоких исследований не проводилось.

Пристрелка ружья — процесс более длительный и, оказавшись однажды завершенным, с появлением в продаже или у друзей и знакомых новых марок интересных патронов или новых составляющих для их домашнего снаряжения тут же возобновляется. Естественно, это справедливо в отношении тех охотников, у которых все вышеуказанные процедуры имеют особое, почти культовое значение и кто действительно желает узнать о своем ружье все, на что оно способно. В итоге проведенных поисков «самого лучшего» и подходящего к данному ружью патрона для охот, в первую очередь на гуся и позднюю осеннюю утку, были созданы их образцы, стабильно дающие необходимые 4–5 попаданий в фигуру (профиль) птицы на предельных 50–55-м дистанциях, соответствующими номерами дробы. Это патроны полумагнум с массой 38–42 г твердой, катаной дробы на импортном порошке, с гильзой 76 мм фирм «Рекорд» или «Азот» со специально подобранными пыжами-контейнерами и с заделкой пластмассовых гильз способом «звез-

дочка». Иногда в патронах с массой снаряда 36–38 г используется порох «Сокол» только высшего сорта или «Суннар-Магнум» последнего выпуска. Конечно, патроны фирм «Ремингтон», «Динамит Нобель» и особенно «Федерал» при охотах на гусей и перелетную утку остаются по показателям боя непревзойденными, но и стоят они соответственно.

В стрельбе пулей с дульным насадком «получок» на дистанции 75 м хорошую кучность и пробиваемость дают патроны, снаряженные пулей Полева-3 ($R_{100} < 10$ см), а с насадком «цилиндр» — с пулей Гуаланди магнум и Бреннеке Оригинал, утяжеленной до 39 г по методике М. М. Блюма. Удалось подобрать также и некоторые подходящие по бою партии патронов «Тайга», «Азот» и «Рекорд». Продукция других фирм («Позис», «Пиробалтпрус» и др.) остается пока ниже требований, предъявляемых к патронам для серьезных охот (и охотников).

И последнее, хотя и немаловажное. Появление с ружьем Иж-43 Е IC M в не совсем знакомой компании, на стенде, например, или на охоте, в первое время вызывает у ее членов некоторое пренебрежение, отчетливо читаемое на лицах этих людей. Но это — до одной-двух серий на круглом стенде (с насадками «цилиндр» в обоих стволах) или же до вечернего сбора у охотничьего костра. Здесь все меняется, начинаются расспросы и просьбы «дать посмотреть» и заявления «маститых», что «у Иж-43 не бывает свободных бойков»... На одной из таких охот пришлось даже отделить коробку от ложи, чтобы доказать истину.

С годами и охотничьим опытом мы начинаем стрелять по дичи более бережно, правильно, что ли, почти никогда не «замахиваясь» на сверхдальние дистанции или на стрельбу «наобум». В результате этого и при наличии хорошего ружья часто имеем такой не совсем обычный для молодых охотников показатель охоты, как, например, пять криков за зарю, взятых пятью патронами, или три зайца в день охоты тремя патронами. А удачный выстрел по осеннему мелькнувшему на миг в чаще леса вальдшнепу, естественно, на молниеносную вскидку... Без наличия хорошего, «душевного» и любимого ружья этого достичь невозможно. Здесь не надо скупиться на похвалу ружья, тщательный уход за ним и бережение. Поэтому-то это ружье меня еще ни разу и не подвело.

Таким образом, мое любимое ружье Иж-43Е IC M — это современная модель классического охотничьего оружия, пригодного для использования на самых разнообразных охотах. Заложенные конструкторами Ижмеха простота устройства, компактность, мощность и надежность в условиях отсутствия отечественных аналогов делают эту модель еще более конкурентоспособной как на внутреннем, так и на мировом рынке охотничьего оружия.

Фото В. Орешенкова

«Вепрь – Хантер»

Заводом «Молот» в г. Вятские Поляны началось изготовление самозарядных карабинов «Вепрь-Хантер» под американский патрон .30-06 Спринг-фильд (7,62x63) и патрон 7,62x51 (.308 Винчестер). Этот карабин по внешнему виду напоминает карабин «Вепрь-Пионер». Новая конструкция быстроразъемного блока ударно-спускового механизма позволила повысить плавность хода спускового крючка. Предохранитель двухпозиционный кнопочно-го типа; расположен в корпусе ударно-спускового механизма. Запирание ствола осуществляется поворотом затвора на три боевых упора с увеличен-

зования энергии пороховых газов, отводимых из канала ствола в газовую камеру при выстреле, и энергии возвратной пружины. При откате за счет энергии пороховых газов затворной рамы с затвором назад отпирается канал ствола, гильза извлекается из патронника и при взаимодействии с выступом отражателя выбрасывается из ствольной коробки, курок разворачивается и входит в зацепление с шепталом. При отпускании спускового крючка курок выходит из зацепления с шепталом и перехватывается зацепом спускового крючка. При повторном нажатии на спусковой крючок цикл повто-

рывается. При движении затворной рамы с затвором вперед под действием возвратной пружины патрон из магазина досылается в патронник. С поворотом затвора канал ствола запирается, курок находится на зацепе спускового крючка, выбрасыватель заскакивает за закраину гильзы. При нажатии на спусковой крючок курок выходит из зацепления с зацепом спускового крючка и, поворачиваясь под действием боевой пружины, наносит энергичный удар по ударнику. Происходит выстрел. Ударно-спусковой механизм куркового типа обеспечивает производство

одиночного выстрела и постановку на предохранитель. Этот механизм смонтирован на отдельном основании и легко отделяется от ствольной коробки. Для предотвращения инерционного накола ударником затвора капсюля патрона при его досылке в патронник ударник затвора подпружинен. После израсходования всех патронов, подвижные части остаются в переднем положении. Для продолжения стрельбы необходимо извлечь магазин и заменить его магазином, наполненным патронами, после чего оттянуть затвор назад до упора и отпустить, что приведет к досыланию патрона из магазина в патронник.

Карабины «Вепрь-Хантер» имеют удобный кнопочный предохранитель, позволяющий его выключить непосредственно перед выстрелом, а не перед вскидыванием приклада к плечу. Для этого достаточно перевести предохранитель влево. Предохранитель блокирует только спусковой крючок. На ка-

Самозарядный карабин «Вепрь-Хантер»

М. БЛЮМ

ной, по сравнению с предыдущими моделями, площадью контакта запирающих плоскостей. Кронштейн оптического прицела с боковым креплением, дает возможность вести стрельбу с помощью открытого прицела, не снимая оптического. Имеется две основные модификации этого карабина: ствол с дульным тормозом щелевого типа (сокращающего воздействие отдачи на плечо стрелка до 25 %), колодка мушки совмещена с газовой камерой («Вепрь-Хантер») и ствол без дульного тормоза, колодка мушки располагается у дульного среза («Вепрь-Хантер М»). Конструкция приклада карабина с целиковой ореховой ложей типа «Монте-Карло» и полупистолетной рукояткой делает его удобным для стрельбы навскидку. Ствол длиной 550 мм, масса 3,8—4,0 кг. Длины прицельных линий 333 и 511 мм в зависимости от места установки мушки. Усилие спуска 1,5—2,0 кг.

Стволы у карабина «Вепрь-Хантер» делаются из ствольной стали 50РА и покрыты внутри хромом. Надо отметить, что толщина стального листа ствольной коробки равна 1,5 мм, то есть такая же, как у пулемета Калашникова. Это обстоятельство делает карабин весьма надежным оружием. Стволы этого оружия достаточно массивные, и это позволяет получить хорошую кучность боя, хотя из-за этого вес самого оружия незначительно увеличен. Затворы изготавливаются из стали 40Х.

Автоматическая перезарядка карабинов осуществляется за счет исполь-

зуется. При движении затворной рамы с затвором вперед под действием возвратной пружины патрон из магазина досылается в патронник. С поворотом затвора канал ствола запирается, курок находится на зацепе спускового крючка, выбрасыватель заскакивает за закраину гильзы.

При нажатии на спусковой крючок курок выходит из зацепления с зацепом спускового крючка и, поворачиваясь под действием боевой пружины, наносит энергичный удар по ударнику. Происходит выстрел.

Ударно-спусковой механизм куркового типа обеспечивает производство

рабинах применена новая схема установки и крепления магазина, усовершенствован механизм извлечения магазина.

Серия самозарядных охотничьих карабинов «Вепрь-Хантер» отличается традиционным охотничьим видом. Целиковая ложа выполнена из ореха, другие породы дерева сейчас не используются. По специальному заказу некоторые типы карабинов могут быть выполнены в коллекционном исполнении.

Под карабин .30-06 на Барнаульском станкостроительном заводе выпускаются патроны с характеристиками, приведенными в таблице.

ТАБЛИЦА КОНСТРУКТИВНЫХ И БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПАТРОНОВ 7,62x63, ИЗГОТОВЛЯЕМЫХ В БАРНАУЛЕ

Тип пули	Вес пули, г	V 0	V 100	V 200	V 300	E 0	E 100	E 200	E 300	П 100
FMJBT	10,9	830	743	661	580	383	307	243	187	10
FMJ	9,4	869	759	679	619	362	276	221	184	10
SP	10,9	806	713	631	550	361	283	221	168	10
SP	9,1	881	768	688	628	360	274	220	183	10

Примечание. SP — полубоблочная пуля с оголением свинцового сердечника в головной части, FMJ — сердечник полностью закрыт оболочкой, FMJBT — сердечник пули полностью закрыт оболочкой, а задняя часть имеет конус, П — поперечник разброса пуль при стрельбе на 100 м, V — скорость пули в м/с на указанной дистанции в метрах, E — энергия пули в кгс-м на указанной дистанции в метрах.

«Вепрь – Хантер М»

Однокорытники

Михаил БУЛГАКОВ

В России, как и в космосе, существуют бездонные черные дыры, некие пространства с потаенной сутью. На географических картах они укрыты зеленой ретушью лесов с голубыми прожилками рек, пятнами озер и болот, где не ступала нога человека. Известны черные дыры, населенные людьми, но и о них мало кто слышал, будто их нет в помине. Зато охотники, едва взглянув на карту, распознают эти места без труда, особым нюхом чуя живых зверей и птиц в нарисованных на бумаге лесах и озерах.

Охота в северных, уральских, сибирских ли таежных трущобах бесконечно далека от воскресных пикников в теплых подбрюшьях крупных городов, закиших от нечистот и вечно коптящих свалок. А в захолустье охотник делается сродни вольному зверю, когда возникает желание ущипнуть себя, — не сон ли все происходящее вокруг?

Много лет тому назад Максим Кузовлев угодил в одну из таких «дыр» и открыл, что она вполне обитаема и густо населена если не людьми, то дичью и рыбой. А о грибах и ягодах что сказать? О них лучше помалкивать, — заготовитель нынче пошел сметливый и ухватистый. У Максима же с тех давних пор жизнь разбилась на части: весной и осенью — охота, а все другое время, хотя бы и рабочее, — подготовка к охоте. «Опять на убийство собираешься?» — спрашивала жена. Но Максиму было недосуг отвечать на такие вопросы, ему нравилось спорить не с женой, а с друзьями на охоте, для его занозистого нрава в этом таилась своя пре-

лесть, — было кого, как он говорил, цапнуть за вымя, а к примеру, в проливной дождь он вместо досады испытывал приступы веселья, ведь у друга в сапогах вода тоже хлюпала.

В одну из недавних весен охотничья компания рассыпалась, и Максим в поисках спутника листал записную книжку, где и наткнулся на школьного приятеля Игоря Гарина, «потерявшегося» в перестроечные годы. Увидев старый телефонный номер, Максим вспомнил почти забытый, с лающими нотками голоса Гарина, поморщился, но все же стал звонить.

По законам жанра, один из героев рассказа должен быть лысеющим толстяком, а другой вертлявым брюнетом или рыжеволосым дылдой. Увы, Максим Кузовлев и Игорь Гарин ростом и обличьем вышли неприметно одинаковые: обычной русачьей масти, без животов и одного возраста — тридцать с чем-то, вернее, сорок без чего-то. А различия проклевывались в характерах и привычках, за исключением давней, с детских лет, привязанности к охоте, так что деваться Гарину от приглашения было некуда. Тем более, что в апреле вместе с Землей на весну поворачивается что-то и в охотниках, но из всей долгой весенней поры им надо украсть и прикарманить всего-ничего — пару-тройку утренних и вечерних зорь. Еще надо их украсть у семьи, у начальства, чтобы ни с кем уже не делиться и погулять с ружьем на всю катушку.

Однако заманить Гарина на весеннюю охоту оказалось делом не простым, он давно забросил охоту по перу,

предпочтя ей автовылазки на зверовые облавы, — с шиком, наемными кричанами, баней и отдыхом у камина. «Гарик, — завлекал Кузовлев, — вспомни, как мы дроздов в школьном саду стреляли! А там, на северах, — глухарей, косачей, гусей и вальдшнепов больше, чем дроздов». «Хорошо, — сдался Гарин, — я на птичью охоту поеду, но, чур, на королевскую, чтоб мой «Гольд Браунинг» от стрельбы раскалился. И еще: обещаю, что под зиму со мной на облаву выберешься. Я там за главного, на самый хлебный номер тебя выставлю. Да, я тут на Канары наведалься, побродил, так сказать, по канарским тропам, потом расскажу». Кузовлев на Канарах не был, зато знал, что пальбы на весенней охоте не получится, жечь патроны можно только на пролете где-нибудь в тундре или в дельте Волги. Знал, но о грустном дипломатично помалкивал, напирая на веселых дроздов из далекого детства. А еще давил на лирику: «Гарик, ты же ущербный человек, раз на весенней охоте не побывал, весна — поэзия в чистом виде, даже поэт Евтушенко на вальдшнепов охотился, хочешь, я тебе евтушенкины стихи прочитаю?»

Дорога до северного поселка — вечер да ночь, и наутро Кузовлев с Гариным топтались в домике райобщества охотников, ожидая, пока им выправят путевки. Их опередил местный немврда, настоящий пещерный человецище: лицо в рытвинах и ухабах, щетина глаза, кулачищи в багровых трещинах, на затылке восьмиклинка. Верзила, благоухая одеколоном «Тройной»,

по-свойски, не выплюнув изо рта cigarку, развалился на единственном стуле и бросил на председательский стол жеваный червонец: «Мне на вальдшнепта путевочку, на весь сезон».

— Вот это мурло, — восхитился Гарин, когда охотник сгреб путевку со стола и вывалился за дверь, — вот это следопыт.

— Он хороший охотник, — председатель поднял голову от бумаг, — он очень толковый охотник и глухарей щелкает, что твои орехи, ему бы только в лес с ружьем просочиться. А вальдшнепа, поди, и не будет стрелять влет — не та сноровка. И денег у него кот наплакал, а ничего с ним не поделишь — охотник. Попадется с глухарями — накажем, но это вряд ли, это уж чересчур фантастика, его в лесу и с собаками не ловишь.

В самом поселке ничего заманчивого для охотника не прыгало и не летало, весь охотничий интерес убегал от жилья по железнодорожной ветке в лесную глушь, на старые вырубки и ягодные болота. Чужаков на дрезину здесь сажат неохотно, а охотники какие же чужаки? Конечно, они вроде бы как немножко не в себе, есть в них какая-то туманная блажь, но со стороны она не сразу в глаза бросается, со стороны посмотришь — люди смирные, уважительные, катули неподъемные волокут аж из Москвы, сразу видать, что не лоботрясы.

Через пару часов Кузовлев с Гариным прощально махали руками вслед удаляющейся дрезине. На разъезде не было никаких признаков жизни, если не считать железной скелетины обгорелой будки, — путейцы бросили ее здесь еще в брежневские времена. Волчья карточка оставляла на стенах будки невнятные вмятины, но пули Бреннеке прошивали металл навилет, разворачивая в нем рваные дырищи. Еще бросилась в глаза надпись на стенке из прыгающих печатных букв, начертанная углем из костра: «Заплутал. Не знаю, где я. Пришел с Падчевар. Ноги не идут. Слабаков Петр. 30 апр.». Ниже приписано: «Все ж пойду дале» и стрелка-указатель вдоль железной дороги, в сторону уехавшей к далекому озеру дрезины.

Максим присвистнул: «Ничего себе, Слабаков! До Падчевар отсюда никаких дорог нет, а лесом и болотами в сотню верст не уложишься». «Ты меня не пугай, — отозвался Гарин, — я в Падчеварах не собираюсь, чего я в этих Падчеварах не видел? Лучше показывай, где здесь глухари живут».

Вдоль тропы от разъезда к лесной избушке снег еще плотно лежал в темных еловых островах, но на бургах и открытых местах осел и уступчиво расшаркивался под сапогами сыпучей крупой, — по ней тянулись следы с короткими шажками, падчеварский Слабаков еле волочил ноги. Игорь Гарин на первых порах деланно, а потом и вразравду крахтел под «трехэтажным» рюкзаком, и идущему следом Кузовлеву это было приятно. На своей служ-

бе он частенько посещал спортзал с бассейном, а потому шел ходко, без напруги. Когда-то он воевал в Афганистане, но вспоминал то время редко. Война? С парашютом не прыгал, за душманами не охотился и свинцом из пулемета их не поливал. Шоферил на «Урале», возил в караванах все, что погрузят, ну да, и погибших в гробах или просто укрытых окровавленными бушлатами, даже медалью «За отвагу» наградили. Вернувшись домой, Максим, «чтоб не пропасть поодиночке», сразу женился и устроился рабочим в стройцах на окраине Москвы — распускал бревна на доски. Когда реформы стали набирать силу, начальство вспомнило афганское прошлое сержанта Кузовлева, ему накинули зарплату, выдали черную форму с пистолетом, и он стал охранять стройцев от бандитов и реформ. Что и говорить, тусклую биографию нажил себе Максим, — без геройства, триумфов и богатства, но без катастроф и разочарований. Существовала у него и другая, скрытая от посторонних глаз жизнь — охотничья, ею он и жил сейчас, размеренно широкая сапогами по рыхлому снегу и твердя про себя придуманную частушку:

*С миллой мы бродили парой
по деревне Падчевары,
по тропинкам падчеварским,
а хотелось — по канарским.*

Изба встретила гостей равнодушно, даже внутрь не хотела пускать, замурованную дверь пришлось вырубать из толстой наледи. Полы, скамьи, стенные полки и стол устлали бесчисленные крошки мышиного помета, сено на нарах лежало, вместо духмяности — запах кислятины и застарелой плесени, от печки тянуло сырой глиной.

Максим тут же принялся колдовать у печной топки, краем глаза поглядывая, как Гарин выуживает из своего чудорюкзака редкие для таежного жилья вещицы и предметы: простынку с наволочкой, заморские кроссовки с магазинным ярлыком и домашние тапочки, видеокамеру и цифровой фотоаппарат «Никон» с раздвижным штативом, целые блоки батареек всех фасонов, множество коробок, две сотни патронов и даже цветастый алюминиевый бочонок с пивом.

На закате Максим показал Игорю пролетевшего над лесом вальдшнепа, тыкал пальцем в сторону далеких гусиных стай, но дорожная усталость взяла свое, и оба завалились на нары. Максим все же нашел в себе силы, поднялся и подбросил в печь несколько поленьев — ночь долгая. А Гарин, не раздеваясь, даже не скинув сапог, завернулся в белоснежную простынку и задал крепкого храпака.

Окончив нархозовский институт, Игорь Гарин десять лет протирал штаны в проектной конторе и, пытаясь усовершенствовать газонокосилку, превратился в кандидата наук. Опытные образцы косили на загляденье, но не долго — час-другой, потом что-то в них

ломалось, иногда все разом. Так что гиперболоида инженер Гарин не изобрел, но придумал хитрый шпиндель для сочленения несочленимого в принципе — каких-то там зубчатых и червячных передач, за что получил двадцать пять премиальных рублей и авторское свидетельство. Острые на язык коллеги тут же прозвали инженера Гарина Гариком Шпинделем.

В славные времена, когда западные народы клюнули на перестроечные лозунги, в гаринский институт нагрянули серьезные люди то ли из «Круппа», то ли из «Рейн-металла» для «организирования» совместного предприятия. На готовые модели и опытные разработки немцы даже не взглянули, а сразу же затребовали пакет с «рацухами» за последние двадцать лет. Им приволокли кипы бумаг и чертежей, но пригрозил лишь единственный винтик Гарина. «Кто придумал сей кунштук?» — «Гарик Шпиндель». — «Где сейчас господин Шпиндель?» — «В Китай за костюмами «Адидас» уехал, зарплату полгода не платят, он теперь челнок». — «Какая есть у него правильная фамилия: Шпиндель или Тщелнок? И почему он едет в Китай за фирмой «Адидас», в Германию ближе? И почему безработный покупает дорогую фирму, есть очень дешевле». Одним словом, Игорь Гарин стал ведущим конструктором СП, в Китай больше не ездил и, на радость немцам, изобрел целый ворох новых шпинделей.

Именно треклятые шпиндели и снились Гарину до самого утра, пока он спал на нарах в северной избе. Кузовлев же долго ворочался, спал чутко и поднялся рано. Расстопив печь, Максим выскочил на улицу, долго и зорко следил за березами и наконец увидел, вернее, почувствовал, что ветви-плети уже ожили, снизу доверху и напружинились, — деревья без устали качали земные соки к своим вершинам. Обычно березовый сок берут ближе к комлю, но слаще и чище тот, что таится в ветвях, повыше от земли, тот, что проделал долгий путь и сполна насытился телом березы-красавицы. Ножом отсекается конец тонкой ветки рядом с развилкой и на черенок-рогульку внедряется пустая бутылка. Копящийся сок клонит бутылку вниз, но рогулька в горлышке не дает ей упасть. Плохо только, что на солнце быстро улечувачаются или прокисают какие-то ценные фитонциды, сок мутнеет и покрывается хлопьями пены. Однако ж ради старого друга Кузовлев расстарался и к обеду надоил-таки котелушку кристально чистого сока, протянул Гарину: «Давай, Игорек, прочиств свои жарящие мочеточники». Тот чуть пригубил и, к ужасу Максима, вбухал в сок пять столовых ложек сахара. «Лоб что лопата, а ума небогато», — только и сказал Кузовлев.

Весь день пролетел в хлопотах по наведению в избе образцового порядка, одного мусора выгребли несколько охапок, но уж зато и Максим позавидовал Гарину, когда тот надел щеголь-

ские тапочки и вольно прилег на широкую скамью, подперев локтем голову. «Слушай, приятель, — говорил он Кузовлеву, — второй день на исходе, а мы еще ружья не расчехляли». — «Скоро вальдшнеп полетит, бывает, что и гуси зазеваются, так что давай собираться».

Максим поставил Гарина в горловицу огромной вытантовой поляны, куда в прошлые годы вальдшнепов, как пылесосом, засасывало с окрестных урочищ, а сам наудачу выбрал место в сквозистом перелеске.

Вряд ли кто-нибудь навскидку скажет, сколько не месяцев, а часов длится весна: две тысячи двести восемь. По календарю ровно столько времени отпущено любой точке земного шара, но всякий русский охотник знает, что его часы тикают наособицу, мало ли сколько страниц в календаре! Охотников вообще не тронь, у них с весной свои счета, в охотничьем численнике цифры иногда стоят набекрень, а ружья в чехах молчат до той поры, пока земля и лес не насытятся влагой, небо — прозрачной синью, а воздух свежестью и любовью. Для весны в России невообразимо много места, две тысячи двести восемь часов разливаются на таких просторах и проникают в такие закоулки, которые сняты только нашему охотнику. Скажи об этом чужеземцу — оскорбится. А зря. Еще Чехов шутил, что, дескать, отправь нашего урядника во Францию, так он с тоски помрет, ему там, бедняге, и развернуться-то будет негде. Допустим, что европеец все же не испытывает трепета при разглядывании России на глобусе, но никто не лишит удовольствия хабаровского обывателя, когда он, топясь со службы домой, знает, что у соплеменников-москвичей рабочий день еще впереди. Речь не о том, доброе или злорадное это чувство, просто его никогда не испытывают чехи или эстонцы.

Про чехов или чухонцев Максиму думать не хотелось, — вспомнил и забыл, потому что в мире, его окружающем, никаких чехов не было, этот мир жил обособленной от людей жизнью, дышал свежестью талого снега и воды, настоящей на горьковатом запахе ольховой коры и молодой хвои. Этот мир был многолик и говорлив: со всех сторон слышался осторожный шелест, кто-то таинственный зловеще шипел, и кто-то другой отвечал ему захватским повсисто, вороватый шорох в кустах сменялся базарной трескотней. И уж совсем загадочные, какие-то булькающие, продолговато-резиноватые звуки доносились из-под здоровящего выскоря-выворотня, словно под ним стонала нечисть. Правда, нечисть была не злая, а душевная и жаловалась на свою старость и хвори: «буль-блужколит-болит-больно-юм-линолиум». Но чу: тянет вальдшнеп!

Дней, когда удача отворачивается, у любого охотника в памяти много, но очень редко бывает, чтобы удача прямо у тебя на глазах летела и летела прямо на нос другому охотнику. Максим провожал тянущих к Гарину валь-

дшнепов взглядом и проклятиями и едва успевал считать чужие выстрелы. Шесть автоматных очередей повергли Максима в уныние, и он робко окликнул Игоря.

— Шагай сюда, — отозвался Гарин.

Его огнедышащий «Гольд Браунинг» миролюбиво, стволom вниз, висел на березовом суку. Сам воитель в позе римского патриция возлежал под березой на вытаявшем клочке сухой травы и тербил зубами соломинку. Кузовлев освободился от ратных доспехов — двустолки, ножа и патронташа и устроился рядом, тревожно высматривая, куда Игорь спрятал добычу.

— Ну, как тебе весна, как тяга? — поинтересовался Максим.

— Слушай, мин херц, оставь поэзию, ты в Москве хвастал, что дичи будет невпроворот. Я и развесил уши, думал, вальдшнепы, как люфтваффе, полетят на нас армадами. И вообще, они, оказывается, не хоркают, а, просто господа, хрюкают, правда, очень поэтично.

— Где добыча? Ты ведь двадцать раз стрелял, на всю округу страху нагнал!

— Это потому, что мне ружье силу придает, я себя с оружием настоящим воином чувствую. На работе компьютер, принтер, сканер — тыфу на них, а как ружье в руки возьму — грудь распирает, на подвиги тянет. Призывает Родина под знамена — отзовусь, хоть сейчас в поход выступлю. А вальдшнепы — тью-тью, вся стрельба мимо де-нег.

— Не возьмет тебя Родина в поход, Гарик, сначала стрелять научись.

— Я стреляю не хуже Вильгельма Телля, а вот прицел, видно, придется выкинуть. — Гарин кивнул на странное приспособление на стволе автомата.

Максим слышал о новейших лазерных прицелах, но только сейчас рассмотрел эту штуковину вблизи, — полый ящичек с тонкими стенками, внутри ничего нет, но непостижимым образом в пустоте мерцали красные концентрические круги, причем увидеть их можно было только со стороны стрелка. «Свят, свят», — перекрестился Максим, вспомнив, что такие же марсианские фиговины описали братья Стругацкие в «Сталкере». Разве можно мазать с таким прицелом? Можно, и еще как! Прицел имени братьев Стругацких хорош для стрельбы на зверовой охоте или по неподвижным целям, но никак не по вальдшнепам. Игорь не стал спорить, но, чтобы не травмировать Кузовлева, умолчал о том, что заплатил за прицел пятьсот долларов. Уже потемну низко над землей пошел гусь, — одна, вторая, десятая стая, но приземлить их было невозможно, даже с помощью гаринского прицела.

На следующий день Кузовлев повел Гарина на тетеревиный ток — оглядеться, подновить старый шалаш. Игорь извлек из своих запасов навигатор «Магеллан», стал вертеть хитроум-

ную коробочку перед Кузовлевым: незаменимая для таежника вещь, космические технологии, скрупулезно высчитывает пройденный путь, в любой точке определяет широту и долготу, в маленьком окошке высвечивается весь маршрут, каким бы замысловатым он ни был.

В лесу Гарин через каждую сотню шагов останавливался, возился с кнопками «Магеллана» и брался, если прибор капризничал, — связь с космосом давала сбой. «Ну что, дальше пойдем или в бирюльки играть будем?» — торопил приятеля Максим. Уже на току «Магеллан» выдал длину дороги: 1487 метров 54 сантиметра, и Гарин, зная точные цифры, стал глумиться над Кузовлевым: «Угадай, сколько?» «Километра полтора, не больше», — ответил опытный таежник Кузовлев.

Снег на болоте вокруг шалаша уже сошел, но кучки черных перьев, выщипанных косачами друг у друга во время драк, сразу же бросались в глаза и на моховом покрывале. Максим, утопая в болотине, рубил и таскал ветвистые сосенки и вкруговую обсаживал голый остов шалаша свежей зеленью, а Игорь уточнял координаты токовища и снимал на видео картины природы. После реставрации шалаша «Магеллан» добросовестно высчитал обратный путь до избы и всерьез озадачил Гарина: расстояние оказалось на 179 метров и 13 сантиметров длиннее.

Ближе к вечерней тяге приятели «заложили за воротник», и Гарин, любитель исторических романов о военных и дипломатических баталиях, принял энергично живописать диспозицию предстоящей охоты: «Макс, давай устроим этим вальдшнепам настоящее сражение. Главное — не замыкаться в охотничьих догмах, надо шире смотреть на вещи. К примеру... генерал Пфуль перед Бородинской битвой убеждал Кутузова, что сражение надо «перенести в пространство — им раум ферлеген». Давай, Кузовлев, ты будешь Кутузовым, а я, ладно уж, согласен побыть Пфулем. В общем, ты мне не верь, обзывай по-всякому, а я буду талдычить: «Найн, найн, Михаэль Ларимонович, только им раум ферлеген».

Охотничий совет закончился тем, что Кузовлев-Кутузов вытолкнул Гарина из «штаба»: «Остыньте на свежем воздухе, генерал Пфуль!» Сама диспозиция охоты тоже полетела к чертям, и виной тому стал холодный дождь, — вальдшнепы отсиделись в кустах, а охотники — под крышей. Уже при свечах порешили, что Гарин ночью отправится на тетеревиное болото, а Кузовлев пойдет в разведку на глухариный ток.

Около двух ночи Кузовлев растормошил Игоря. Тот на удивление быстро, без нытья собрался, набил рюкзак видео- и фотоаппаратами, взял аж три коробки патронов и вытянулся перед Максимом во фронт: «Генерал Пфуль к бою с косачами готов!» Погасив свечу, друзья вышли на порог.

На дворе стояла такая тьма, словно

изба очутилась в самом дальнем углу огромной черной дыры, хотя вряд ли у дыр могут быть углы. Гарин включил фонарь-прожектор с фарой, и все, что не попало в сноп света, почернело еще пуще. Гарин забеспокоился: «Максим, неужели ты веришь, что я в одиночку доберусь до тетеревиного тока?» — «Почему в одиночку, пойдешь на пару с «Магелланом». Сам Максим полтора километра до токовища мог пройти и без фонаря, на ощупь, а потому сжался над гордым Гаринным и вместо «Магеллана» повел его на болото. Приятель запел: «Мы идем по Уругваю, ночь — хоть выколи глаза-а...» И то правда, ночь для выкалывания глаз была самая подходящая, но если охотнику знакома тропа, то ему и черт не страшен.

На подходе к току охотники смолкли, у шалаша натянули на себя сухую одежду и, протиснувшись внутрь, пригнувшись бок в бок на деревянных чурбаках. Гарин разложил у ног аппаратуру для съемки, навесил на свой автомат прицел имени братьев Струцких.

Ожидание — тоже охота, и чем дольше оно длится, тем ближе развязка, а с ней и освобождение от озноба и комка в горле. Но прежде прямо под бок раскатилось омерзительное кудахтанье. Гарин вопросительно ткнул в бок соседа. «Куропач», — прошипел Максим. И тут же на болото скопом обрушились косачи, выждали театральную паузу и загорлались все разом, сердясь на тьму и прогоняя ее прочь. Гарин завозился с «Никоном» и получил ответный тычок в загривок, — тетерева к фотовспышкам непривычные, а вот новейшая видеокамера не тарыхтит и не сверкает.

Небо светлело быстро, расплывчатые очертания ярящихся косачей обретали резкость. Главный задира успел унижить достоинство уже нескольких соперников, и те цугом, устроившись друг другу в хвост, устроили за обидчиком коллективную погоню. Черная «змея», извиваясь, стремительно «ползала» между кочек, а Максим беззвучно, одними губами, кричал Игорю: «Бей! Бей!» Гарин никак не мог оторваться от пристегнутого к видеокамере экранчику, и тогда Кузовлев, почти не целясь, сгоряча саданул по скопищу тетеревов. Мимо! Косачиня карусель на миг оторопело замерла и поднялась на крыло. Сколько-то времени птицы молча сидели полукружьем на сосенках вокруг болота, но весна взяла свое, и полтора десятка косачей опять упали на токовище. На этот раз Гарин вместо видеокамеры держал в руках «Браунинг». Он стрелял по тетеревам впервые в жизни и одним выстрелом положил сразу пару, угодивших в кружочки лазерного прицела. «Ай да Гарин, ай да Пфуль!» — радовался вместе с ним Максим.

С первыми лучами восходящего солнца в болото хлынули волны такого ядерного заморозка, что резиновые сапоги закаляли. Гарин с Кузовлевым, не сговариваясь, пробками вылетели из

шалаша и, схватив косачей, взпуски помчались к избе.

На бровке болота Кузовлев увидел, что следы бегущего впереди Гарина окрасились алым цветом, — прямо под сапожищами стелились россыпи клюквы, припудренной сахарным инеем. Максим резко остановился, скинул рюкзак и окликнул приятеля: «Игорь, я тормозну маленько, ягоду нащиплю, а ты дуй домой, печь раскожегаривай. И «Магеллан» свой включи, а то до самых Падчевар бежать будешь».

Собирая мягкую, зимовалую, как здесь говорят, клюкву — занятие бестолковое, почти безнадежное. Ягоду надо ловко цеплять под самый черешок, но алые шарики все равно лопаются и сдуваются, в руках остается лишь пустая морщинистая кожица. Зато утром, пока не отпустил морозец, клюкву можно грести со мха ладонью, словно конфетки-драже, рассыпанные по столу, и мороженые клюквинки звонко гремят в кружке. Незадача в том, что пальцы быстро деревенеют и постукивают друг о дружку не хуже ягод. Максим все же настырно уперся и нагреб пару литров, уж очень ему хотелось попотчевать отличившегося Игоря чудо-морсом: клюкву затирается в котелке сахаром, потом — бултых в кипяток, снял пену и скорее студить на холод, иначе никакого терпения не хватит, а пить неохлажденный морс еще хуже, чем теплую водку.

Гарину морс до того пришелся по вкусу, что он пустился в рассуждения о пасторальной жизни, о том, что человек оторвался от корней и от земли, но небожителем так и не стал. Под горячую гаринскую руку угодили власти, перестройка, реформы, немцы, собственные «шпиндели» и почему-то собственная же жена. Странно было все это слышать от москвича хорошей упитанности, только что вернувшегося с Канарских островов. Или с тетеревиного тока? Гарин сильно возбудился и раз-

махивал руками: «У нас ведь ни по телевизору, ни из прессы толком не узнать, что происходит в России, весь базар вокруг Москвы и олигархов. А кто-нибудь слышал про архангельские ангельские места, про те же Падчевары, — что там варят и какие дела у них творятся? Вот ты, Максим, можешь ответить?» Кузовлев на минуту задумался:

— В Падчеварах черти варят падших ангелов в котлах, только в прессе не базарят о творящихся делах... Игорь хмыкнул: «Вот ведь название себе придумали! И к моей памяти тоже прилипло как банный лист, теперь всю жизнь буду помнить эти Падчевары, и мужика, как его... Слабакова, надо же, — сто верст дуралолом шел не пойми куда, а не сдался. Его-то за что в котел?»

День набрал весеннюю силу, веселил и веселился сам. О таком дне Бунин или Тургенев стали бы вить словесные кружева, наводит тень на плетень вокруг сути происходящего в природе, а Есенин огляделся бы вокруг, тряхнул кудрями и сказал бы всего одно слово, что-нибудь вроде «Голубень» или «Звень» — и сразу все ясно.

Снег поначалу нехотя отступал от крыльца избушки, дразня весну длинными белыми языками, вытянутыми из темного елового бора, но солнце с беспощадным весельем отсекло снежные языки от леса и съело их с большим аппетитом.

Шмели проснулись! Напекло им солнце бока, толстое брюхо зачесалось, вот и вылетели проветриться, крылышки расправить. Насекомые не самые симпатичные божьи твари. О домашних что и говорить: клопы, тараканы, навозные мухи. Но и дикие кусачки не вызывают восторга, — комары, клещи и гнус не уступят клопам. Есть, есть и прелестные создания, та же стрекоза, но все-таки не то... что-то очень женственное, эфемерное в них, слово «стрекоза» недаром нельзя пристой-

но употребить в мужском роде. А шмель — просто симпатяга, без него весенняя идиллия была бы неполная. Но кто видел идиллию полную? К вечеру природа, словно испугавшись собственной прыти, передумала и поворотила вспять, — задул такой сиверко, что вросшая в землю изба заходила ходуном, словно стояла на курьих ножках. О том, что сиверко вытворял ночью, приятели не ведали, — сон в непогоду самый крепкий и сладкий.

Утром в оконце пробился неясный серый свет. За ночь печь напрочь выстудилась, и ни Кузовлеву, ни Гарину не хотелось вылезать из угрева спальных мешков, — в избе зябко, даже затылок мерзнет, хоть шапку нахлобучивай. Или затоплявай печь. Или согревайся теплой беседой.

— Гарик, — не вытерпел Кузовлев, — а ты слышал, ученые открыли, что от переохладения лучше всего спасает не печка, а женское тело?

— Ценное открытие, но Хемингуэй еще раньше ученых говорил, что утренняя близость с женщиной не только согревает, но и достойна страниц хорошей прозы.

— Зато наша утренняя болтовня ломаного гроша не стоит, ведь мы с вечера на глухариный ток нацеливались. А помнишь, как мы в детстве, будто Герцен с Огаревым на Воробьевых горах, дали клятву, что никогда не свернем с охотничьей тропы? А кто мы тогда были? Щенки-однокорытники. Да и теперь все те же однокорытники, вскормленные одной идеей.

— А и мудрей же ты, Макс. Тогда и Герцена с Огаревым записывай в однокорытники, а до кучи и Маркса с Энгельсом.

— Ну, в некотором смысле... Называй их, если хочешь, соратниками, — суть одна и та же.

— Экий ты, Макс, краснобай, совсем голову заморочил. Ну-ка, однокорытничек, вставай, сегодня твой черед кашеварить. И чтоб в постель мне завтра, чтоб прямо на нары чайку горячего с бутербродами. Бегом!

Кузовлев вжикнул молнией спальника, одним махом спрыгнул на пол. В темных сенях, держась за стены, прокрался до входной двери и долго нашаривал крючок. Наконец распахнул дверь. Мать моя, родина! Прошедший ночью снегопад обратил вспять ход времени, спеленав весну белыми одедами и отобрав у нее звонкие побрякушки: капель, журчание ручьев, птичье щебетанье. Снег утишил, загладил и спрятал все, что топорщилось, выбелил и без того скудную весеннюю палитру. Построживший лес гордо и в то же время как-то обижено помалкивал, воспрянувшие было ветви поникли долу под белыми косями. Но жизнь шла своим чередом. Вместе со снегом, обманутые природой, вернулись снегири и румяными шарами-игрушками облепили заснеженные елки. Сами молодые ели, толкаясь ветвями, гудились в глубине опушки. Красоты

в хвойной иголке на грош, в еловой лапе — поболе, ель — красавица, под дед-морозовской снежной ватой — красавица писаная, а уж еловый бор в снегу — картина из книги русских сказок.

У самого порога мягкий снег пестрел глубокими ямками заячьих следов, похоже, зайцы резвились под самое утро. Забыв про холод, Максим стоял на крыльце, потом вбежал в избу и запустил двумя снежками в стену над головой задремавшего Игоря. Лежебока очнулся, стал отмахиваться от приятеля, дрыгая ногами и кутаясь в тепло спальника: «Скройся, ирод, убью!» — «Подъем, соня, да очнись же, охламон чертов!»

Гарин из-под палки вылез на крыльцо, протер ладонями глаза. Снег разгладил, сделал добрым его помятое, щетинистое лицо. Убивать Кузовлева он не стал...

Снежный заряд сбил с толку не только снегирей. Летевшие с юга гуси недоуменно взирали с неба на белую землю и шумно спорили меж собой: держать ли путь дальше или отсидеться на укромном болоте до лучших времен? Кузовлев давно знал, а до Гарина не сразу, но все же дошло, что охота на гусей дело архисложное: нужно заготовить десятка полтора профилей, запеленговать гусиные пути-дороги, построить скрадки и запастись звериным терпением, чтобы несколько часов кряду сидеть в мерзлой земляной норе.

А «вальдшнепиный вопрос» разрешился в тот же вечер. Гарин, сняв с автомата прицел, взял на ствол трех штук, да еще пару добавил Кузовлев. И совсем будничной выдалась самая главная охота — на глухарей. Птицы явно не ждали пришельцев, вели себя беспечно, и даже Гарин, никогда не охотившийся на глухариных токах, свалил мошника с высокой сосны первым выстрелом, а потом бродил по току с видеокамерой и все удивлялся глухарьей беспечности. Кузовлев-то горюдил перед охотой всякие небылицы и, в общем, был недалеко от истины, но забыл о том, что здешние глухари, пожалуй, никогда не видели людей.

Весь последний день охотники отсыпались, допоздна пировали, опять спали. Собраться в обратную дорогу — труд невеликий, а рюкзаки с дичью — совсем не обуза. И, уже присев на дорожку, оба признались, что неделя пролетела не так, как хотелось бы, а слишком быстро.

На пути к железной дороге появилась преграда: набрал силу, раздался вширь, распоясался и вольно зашумел обычно тихий и скромный ручей. Максим туристическим топориком с полчасика тюкал по кондовой осине, но лишь изрубцевал ребристую кору, похожую у комя на окаменелую шкуру крокодила. Гарин равнодушно смотрел на взопревшего Максима и напевал песенку старого таежника Эдуарда Хилия: «Э-гей! Привычны руки к топора-ам. Только сердце не послушно доктора-ам...»

Э-гей, дровосек, ты знаешь, сколько я потеряю денег, если вовремя не вернусь в Москву? Тебе столько за год не заработать!».

Осина стояла насмерть, скидывать порты и купаться в вешней воде не хотелось, а куда деваться? Собрав волю в кулак одной руки и свое мужское достоинство в горсть другой, приятели, подхлестывая друг дружку звериным рыком, перебрались на другой берег. В это время за перелеском к разъезду уже мчалась, громыхая по рельсам, дрезина, вот она замерла, вопросительно бибикнула и, задорно постукивая на частых стыках, укатила прочь.

Расписание на местной железке запомнить легко: утро-вечер, а уточнять часы или минуты здесь не принято, — на кой ляд машинисту лишняя головная боль? Всем недовольным предлагается на выбор коротать время у костра или считать шпалы до узловой станции. Десяток-то верст — сущий пустяк, но с полсотни с песней уже не прошагаешь.

— Э-гей, милый друг Максимка, ты знаешь, сколько я сейчас потерял... — завел свою нудную песню Гарин, но Максим уже ворошил старое кострище, потом снял с ветки горелое ведро из томатной жестянки, спустился к ручью и зачерпнул в залитых кустах черной смородины водичку.

В прогале прибрежного леса появилось солнце, вмиг выпарило из воздуха зябкую стынь и пошло-поехало нещадно печь, согревая своим теплом все живое и пробуждая все спящее. Тотчас благодарно отозвались птички-невелички, вдоль ручья затеяли стремглавную игру в догонялки писклявые кулички, прямо над головой проносились утки в сопровождении карнавально-нарядных селезней, а выше всех и в довершение ко всему голубое небо расскер огромный треугольник гусиной стаи.

Доброй жмени китайского чая «Императорский» Максиму показалось мало, и он накрошил в кипятке смородиновую черенушку. Игорь сидел на колодине в стороне от костра и цифровым «Никоном» фотографировал в большой луже лягушек среди мутно-белесоватых облачков икры. Кузовлев принес ему кружку дымящегося чая, достал из кармана слипшаяся карамелька.

— Слушай, однокорытник, — Гарин, обжигаясь, отхлебнул из кружки и хитро сощурился от яркого солнца, — помнишь, я обещал, что осенью на облавной охоте тебе достанется лучший номер? Извини, я погорячился, лучшее место для тебя — в загоне, только в загоне ты почувствуешь настоящую позицию зверовой охоты. Эту майскую неделю я тебе никогда не прощу. Хотя... хотя это была не самая плохая неделя в моей жизни. Я теперь думаю, что это была очень хорошая неделя. Знаешь что... давай-ка через год махнем куда-нибудь еще поглубже, в Падчевары, что ли?

Рисунки Б. Игнатьева

Черный ворон

Игорь АЛЁХИН

Мишко выбрал из канала жилковую сеть-путанку, в прозрачных ячеях которой вперемишу с прядями водяной травы запутались рыбы — все больше мелочь, не стоящая внимания серьезного рыбака; а птица ходила по валу в густой зеленой траве, деловито кивая крупной головой с большим клювом, и, казалось, не обращала на человека никакого внимания. Ему тоже не было дела до ворона, хотя человек знал, что птичке безразличие на самом деле чисто показушное, им умная птица маскировала свое желание пожить результатами человеческой деятельности. Наверное, и ворон не очень доверял равнодушию местного рыбака к своей персоне — просто знал, что шансы поплатиться за неосторожность сейчас равны нулю. Была поздняя весна, и самая большая опасность для ворона — шляющиеся в окрестных камышах люди с ружьями — появится где-то под осень, хотя «местнота» начнет палить в уток летом, наплевав на сроки открытия охоты. В сентябре к станинникам прибавятся приезжие охотники и возможность свалиться в камыши с простреленным дробью телом для ворона сильно возрастет. Впрочем, и сейчас у человека в лодке лежало ружье — птица прекрасно его видела, — но все-таки май месяц был самым тихим по части стрельбы, и ворон почти не волновался.

Покосившись на расхаживающего по валу ворона, Мишко выдрал из жилковой путаницы черно-серебряную с алыми плавниками увесистую красноперку и швырнул ее птице. От взмаха руки ворон взлетел, но тут же опустился в траву, словно устыдившись своего испуга. На упавшую неподалеку красноперку он как будто не обратил внимания, глядя поверх метелок растущих по обе стороны вала и канала тростников. Но было понятно, что птица мгновенно определила, что доставшаяся ей добыча уже никуда не денется; основной инстинкт — сохранение жизни — заставляет ворона зорко следить за окружающими. Да и другой пищи сейчас в плавнях было в достатке. Мишко не первый раз подобным образом подбрасывал птице угощение — не из любви ко всему живому, а потому что верил, что с вороном надо жить без ссоры, мирно, и если убить эту птицу было очень не к добру, то, навер-

ное, ладить с ней и делать ей подарок — дело, во всяком случае, неглупое.

Птица появилась в их угодьях года полтора назад. Как-то зимой Мишко от нечего делать пошел полазить по плавням с ружьишком (авось где поросля подвернется) и, выйдя на правый отворот вала, услышал странные звуки, падавшие в абсолютной тишине из серого неба. «Кру-кру-кру», — сыпалось в пустоту и стылость припорошенных снегом камышей. Потом пауза, звуковой вакуум, и снова — «кру-кру».

Птица летела откуда-то из глубины плавней, со стороны моря и была очень похожа на обыкновенную черную ворону — только размером побольше, да еще во всем силузте ее было что-то особенное, угловато-хищное, сильное, даже как бы орлиное. И сам полет ворона, как и орлиный, выглядел отрешенно, гордо, словно некий мрачный танец одинокого танцора, который совершенно не нуждается в зрителях.

Мишко почему-то остановился и глядел на черную птицу, летевшую над безмолвными плавнями огромной лутчей мышью, и на сердце у него вдруг стало тоскливо и пусто. А ворон сделал в воздухе почти полный круг и уселся на огромную голую акацию, кустом колючей проволоки вцепившуюся в земляную спину вала неподалеку, черной клыской прилепился к верхней ветке, вытянул против ветра голову с остроконечным клювом и, должно быть, тоже стал наблюдать за человеком.

Так они смотрели друг на друга несколько минут, потом Мишко поправил на плече ружье и зашагал, потрескивая сухими будылками, по валу в противоположную от акации сторону. Но затем он вспомнил, что под деревом в камышах лежит выброшенный всего пару дней назад ободранный енот, пойманный в капкан, и оглянулся. Ворона на акации уже не было, не видно его и в небе... должно быть, зоркая птица даже припорошенную снегом и укрытую камышом добычу все же заметила и сейчас начнет клевать сплошь заплевывшую жиром тушку.

«Ну, ось тебе и жрачка на какое-то время», — пробормотал Мишко и про себя порадовался, что не поставил возле енота капкан: как раз сегодня планировал сделать это в случае, если погибшим енотом начнут интересоваться сородичи из окрестных камышей.

Капканы-то там он поставил сразу, но не взведенные — нехай енотки привыкнут, чего зря пружины жать. Терять приваду не хотелось, но кончать воро-на из суеверия Мишко не решился бы, поэтому, пробираясь многолетней кабаньей тропой, набитой в низкорослом тростнике, решил: «Хрен с ним, туда дальше побачим...»

И совершенно правильно сделал, не пойдя сразу к дереву, а свернув влево, потому что не успел он пройти небольшую гриву, пересекаемую во всех направлениях звериными тропами, где косматые травы с хилым тростничком доходили ему лишь до груди, как услышал впереди хорошо знакомый треск и шорох. Мишко успел снять с плеча ружье и присесть. Впереди качнулось несколько камышин. Он увидел щетинистую спину и мгновенно выстрелил, прицелясь пониже ее.

Раздался утробный визг и глухой удар о землю, звуки бешеной возни в густой траве — и Мишко бросился к добыче. Он успел увидеть, как в заснеженных космах кувыркается подслынок, поднял ружье, чтобы точным выстрелом добить зверя, который для ножа был явно великоват, но кабан, не дав ему прицелиться, вскочил и пулей влетел в стенку высокого тростника. В угон Мишко стрелять не стал, понимая, что зверь ранен тяжело и далеко не уйдет. Да еще снежок — деваться ему некуда. Так и вышло.

В том месте, где кабанчик влетел в тростник, на стеблях с одной стороны густо было намазано кровью и содержимым кишечника — тупоносыя пуля из мягкого свинца тело навывлет не пробила, и жить подвинку оставалось недолго.

Так и есть — неподалеку в зарослях Мишко услышал тяжелое дыхание зверя, оно становилось все глуше, а вздохи — все более редкими. Но охотник не кинулся опреться в камыши, а выждал еще немного — не потому что боялся (случаи нападения кабана на человека пусть останутся на страницах рассказов великих охотников), а просто не хотел, чтобы зверь в горячке от преследования посунулся еще дальше в заросли. Когда в той стороне совсем затихло, Мишко пошел по кабаньему следу, стараясь не вымазать штаны об испачканный тростник.

Метров через пятьдесят он вышел на

небольшую полянку в зарослях, посередине которой на боку неподвижно лежал подсвинок килограммов на восемьдесят-девяносто. Мишко прислонил ружье к тростнику, снял самодельный объемистый рюкзак, достал из кармана большой складной нож — и через час от кабана на поляне остались голова со шкурой, четыре култышки да грудка требухи. Все остальное, разрезанное на части, поместилось в объемистый самодельный заплечный мешок с широкими лямками, сшитый Мишко специально для таких случаев из прочного тонкого брезента.

Сгибаясь под полуцентнером груза, проходя своим следом развилку вала, Мишко поглядел в сторону акации и на ее вершине опять увидел ворона. Птица неподвижно сидела на ветке, безмолвная и одинокая. «Ну шо? — спросил, не останавливаясь, Мишко ворона, хотя до того было шагов триста. — Наився? Ну и добрээ...» Он на ходу снял шапку, вытер стекавший на лоб пот, обернувшись в сторону птицы, сказал: «А то он — щее... — и показал рукой, откуда пришел. — Шоб не казав, шо нэ годують тэбе...»

Так они и жили рядом — человек и ворон, и хотя вокруг них тоже копошились другие люди, звери и птицы, добывая себе пропитание или развлекаясь, но между этими двумя установилась некая связь, почти неосознаваемая цепь из нечастых мелких событий и незначительных эпизодов. Никто из них, конечно, не делал попыток выйти за рамки случайных встреч, проявить какой-то даже едва заметный интерес к жизни другого.

Ворон никогда не прилетал в лес на берегу реки, где стоял вагончик, обиталище человека (во всяком случае, Мишко ни разу не видел его там), и это было очень странно, потому что лес, тянувшийся вдоль Протоки по обе стороны двухсотметровыми полосами до самого моря, представлял, казалось, более удобную и богатую среду обитания для птицы, чем плавни, раскинувшиеся рядом, — а человек не знал, где живет большая черная птица и почему она постоянно бывает одна...

Обычная суматоха предшествовала открытию охоты. Вновь прибывшие ис-

кали егеря и орали так, что Мишко сам находил их машины и отоваривал наспех заполненными путевками. Какие-то юнцы с пластмассовым каноэ поплылись с вечера выплыть на лиман, оборвали привязки лодок ранее прибывших крымчан и получили за это по морде. Два приехавших из-под Краснодара старичка явно «хватали лишку» — слишком рьяно и долго лезли к Мишко с объяснениями, что они тут охотятся уже пятнадцать лет и все знают, поэтому вот пусть он возьмет маленькую бутылочку спирта, — конечно, просто так, ради уважения, и не считает их какими-то козлами, и вообще...

Среди сидящих у костра, разведенного почти на дороге, усть-лабинцев один вдруг вытаращил глаза, захрипел и упал навзничь, упившись до коматозного состояния. Его оттащили в сторону и продолжали пить. Когда Мишко наметанным взглядом определил, что все, кто имеет хоть какой-то шанс выплыть утром на охоту, взяла положенные путевки, он ушел к себе в вагончик, стоявший в лесу у реки. Здесь было намного тише, чем у дороги, отсекающей приречный лес от плавней, вдоль которой высаживался десант прибывающих на свой праздник охотников.

Стол в вагончике был завален дорогой снедью, от пучков всевозможной зелени явно с базара до ветчин, колбас и сыров. Из завала продуктов торчали бутылки дорогого пива. В центре стояла кастрюля вареных раков, вокруг нее теснились бутылки с водкой и шампанским. «Ого!» — сказал, входя, Мишко, которого трудно было чем-либо удивить в этом плане, и свое «ого» он произнес вежливо, но без особого выражения. Мужички за столом сидели не простые, это было видно сразу, и появление его, хозяина, не вызвало каких-либо проявлений эмоций. Мужички уже порядком выпили, но были не из тех, кто позволяет окружающим увидеть себя пьяным, — кроме того, при обычной голове и такой закуске сильно опьянеть было мудрено. Мишко присел к столу, от одной стопочки не отказался, но больше пить не стал, налегая на закуску.

Говорил в основном мужик в пятнистом жилете. Он раскраснелся больше

других, и речь его была громкой и напористой, интонация вызывающе безапелляционная.

— Ну и что? — спрашивал он, хотя по всему было видно, никакой ответ его не устроит. — Что он будет тут делать, местный хлопец? Что тут вообще можно делать, кроме как воровать всеми способами? Он знает прекрасно, что воровали до него, воруют сейчас кто во что горазд и всегда — понимаешь ты? Всегда! — будет воровать. Эта схема сложилась естественно и очень прочно — она народная (чуешь, Саня?), народная! Чтобы ее сломать, надо истребить народ и заселить эти места другими людьми. Какими? Ну, не знаю... Аmericанцами, немцами, поляками — хоть кем, но чтобы цивилизованными, чтобы у них закон был внутри себя — в голове, понимаешь? Чтобы эти люди во что-то, кроме интересов своего брюха, верили.

Он замолк, вытряхнул из лежащей на столе пачки «Ротманс» сигарету, извлек из маленького футлярика толстой кожи на поясе зажигалку, уверенным движением откинул крышку, высек огонь и прикурил.

— Кто-то может что-нибудь изменить? Да ради бога, не надо песен! Новый президент? Чушь собачья. Согласен, лучшего у нас еще не было, но предыдущий в постоянном похмелье дал возможность подняться и заматереть таким силам... — Он спрятал зажигалку, затаился и выпустил вверх струю дыма. — Ты в Садках памятник видел пацану этому, студенту-охотоведу, Волошину, кажется, его фамилия?

— Е, е... — вставил Мишко, что-то вспоминая. — В охотхозяйстве, каменный. Гарный, полированный

— Ну вот! — развел руками охотник в жилете. — Кому он шо доказал, пацан этот? Что изменил? Кого перевоспитал? И вообще, шо он хотел — запретить местным хлопцам ондатру ловить? А шо им еще делать тут, в этих камышах, где, кроме рыбы и комаров, ни хрена нет? Как жить, на что? Как детей прокормить и на ноги поставить? Может, его институт, шо его выучил и на практику направил, субсидии выделят на это дело?

— Та-а... — согласно кивнул головой Мишко и рукой махнул. — Цэ такэ дило... Може, вин и нэ виноват... молодой щё, шо вин понимава...

Другой охотник, дородный крупный дядька, опрокинул маленькую стопочку водки себе в рот, неспешно зажевал колбаской с луком, вытер аккуратно пальцы салфеткой и мрачно произнес:

— Ну и шо ты хочешь сказать, Витя? Шо ты хочешь? Трепаться-то все у нас могут...

Тот придвинулся ближе, весь напрягся даже, так, что Мишко показалось, будто он сейчас врежет соседу по физиономии, и раздельно сказал:

— Я хочу, чтобы в нашей долбаной стране хотя бы перестали брехать, как проститутки позорные, чтобы не корчили из себя целок и борцов за прав-

ду. — Он вдруг улыбнулся, откинулся расслабленно назад и махнул рукой. — А вообще, мне все это до... — Взглянул на Мишко и весело предложил: — Поехали на лиман сплаваем, а, егерь? У нас катер новый с мотором, коньячку возьмем — и айда!

— Та я в принципе нэ против, — согласился Мишко. — Мени як раз сети нужно посымать, бо завтра им будэ крышка... Ще рано, до темноты ус-пиемо.

Ворон все лето безбедно и беззаботно жил в плавнях, которые снабжали его обильной и разнообразной пищей. Рыбы, ящерицы, змеи, мыши, крысы, черепахи, птицы, лягушки — все живое вокруг копошилось в борьбе за существование, питалось и выводило потомство, пряталось и охотилось. Ворону было из чего выбирать, опасаться же кого-либо стоило вряд ли. Он был одинок, но это его, по-видимому, ничуть не тяготило, — возможно, позади у него была вечность, и он вел себя так, как будто впереди было по крайней мере столько же. Он не искал дружбы с кем бы то ни было, не стремился к общению с многочисленными шумливыми сородичами, чьи галдящие стаи просто облетали стороной, и признавал соседство лишь мрачного ширококрылого коршуна. такого же одинокого, как и он сам.

Иногда днем ворон подолгу кружил над просторами плавней или сидел на старой акации, стоявшей на заросшем вековым бурьяном валу, — а куда улетал после захода солнца и где устраивался на ночлег, не ведал никто.

Красавец-катерок с водометным движком ходко резал белоснежным днищем нагретую солнцем воду канала, без задержек проскакивал пятна куширя и зеленые заторы листьев кувшинок; веселые, но неулыбчивые, одетые в нарядный новенький камуфляж мужики доставали из мини-бара тяжеленькие баночки импортного пива, прихлебывали пахучую пенную влагу, угощали Мишко, а он качал еле заметной головой и почти вслух думал: «Живут же люди...» Когда выскочили на заросшие реденьким узколистым ча-

каном плеса, сбоку метрах в десяти поднялись три кряковых селезня. Кто-то крикнул: «А ну!» Кто-то схватил захваченное с собой зачем-то ружье — блестевший лаком приклада куцествовый помповик с толстенным цевьем, лихо клацнул туда-сюда затвором, досылая патрон, но стрелять не стал, хотя Мишко уже ждал выстрела — он слишком много видел вот такой бессмысленной стрельбы, когда приезжало повеселиться «начальство» или блатные друзья начальства, а то и такие блатные, что никакие друзья из его начальства были не нужны. Запрещать им что-либо никому и в голову прийти не могло, они это хорошо знали, и дурман вседозволенности пьянил звериные, косные души, и тогда из их мрачных глубин выползали бес-смертные страшилища хамства, цинизма и садизма. Происходили эти великосветские охоты-попойки, естественно, в закрытые для охоты дни, и приезжающие на выходные обычные «поклонники Дианы», имея с величайшей строгостью оформленные разрешения на «ношение и хранение», а также на производство охоты с обязательной пометкой каждой добытой утки или перепелки немедленно после выстрела, могли о них только догадываться.

Но выстрела не последовало, и рулевой, оглянувшись на того, кто был с ружьем, скала зубы, крикнул:

— Чо, променжевался, Витек? Слабо?

— Да на хрен они нужны! — проорал стрелок. — Завтра настреляемся! Давай становись к кусту вон — коньячку хряпнем...

От большого камышового острова в двух направлениях по поверхности воды пунктиром поплавок протянулись сети, и пока Мишко сноровисто выбирал их, затапливая вместе с попавшей рыбой в огромный «краповый» мешок, компания в два приема опустошила бутылку армянского коньяку, посудину швырнули за борт, и охотник в жилете лихо расколол выстрелом вынырнувшее из воды горлышко. От звука, гулом прокатившегося по притихшему вечернему лиману, в дальнем его краю поднялось несколько белых цапель, и у кромки камыша дробно и мощно забили всплесками крылья взлетающей пары лебедей.

— Не, Витек, — показал рукой один из охотников, — а разброс все равно здоровый, хоть и твои «спорт-активные» патроны...

— Та шо ты хочеш — это же не для охоты ружье, ствол короткий, так — замки выбивать дверные... Вот из «Золотого» глянешь как буду мочить!

И тут Мишко увидел ворона. Птица летела невысоко над лиманом прямо на их остров. Камыш закрывал от него катер с камуфляжной компанией, и ворона пока видел только стоявший Мишко. Ему вдруг показалось, что и тот видит его, но летит совершенно безбоязненно прямоком на лодку, потому что ничего опасного в знакомой фигуре

человека не усматривает — за два последних года тот никаких враждебных действий в отношении птицы не выказывал, а вроде даже и наоборот... «Какого ты хрена...» — сквозь зубы, предчувствуя неладное, пробормотал Мишко. Сидевший со стопкой в руке охотник в жилете, заметив его взгляд, поднялся с сиденья и тоже увидел птицу. Охнул, схватил лежавшее рядом ружье, передернул затвор, уселся и спокойно стал ждать, глядя поверх камышовой кромки.

— Шо там? — поковырял в зубах спичкой грузный. — Гуси?

— Баклан, кажись... — сплюнул за борт стрелок. — Шас я его, суку...

— Та не надо... — скривился в улыбку Мишко. На большее его не хватило. Ну не ссориться же с такими хлопцами... И кто такой, в конце концов, цей ворон — так, черная птица...

— Ворон то, — все же добавил он, но было уже поздно.

Птица, плеская в воздухе большими крыльями, вылетела из-за стенки камыша, но, увидя так близко незнакомую белую посудину с сидящими в ней людьми, не шарахнулась в сторону в испуге, как сделала бы обычная серая ворона, а продолжила свой полет, лишь чуть скосив в сторону людей голову с внимательным черным глазом и огромным остроконечным клювом. Мишко почему-то весь сжался и почувствовал себя предателем. Он вмиг представил, как вверху раздастся резкий шлепок дробы по перьям и ворон превратится в черный растрепанный комок перьев, плывущий по волнам лимана, над которым он только что в многотысячный раз летел на ночлег.

Помповик ахнул оглушительно, больно ударив воздухом по ушам, Мишко сглотнул и, играя желваками, смотрел на ворона.

Вверху дробь не хлестнула по перьям. Ворон зловещей тенью пронесся над лодкой, не дрогнув, будто бы выстрел этот его совсем не касался, а стрелок, передернув затвор, послал ему вдогонку второй выстрел, потом, уже явно дурачась, еще и еще... Одна гильза, ярко-голубая с серебряными надписями и длинной золотой головкой, со стуком упала в лодку и запылала по днищу.

— Мазила! — весело закричал кто-то стрелку. — На хрена ты вообще это ружье брал!

— Черный во-орон!.. — вместо ответа во всю глотку запел тот, беззаботно и радостно улыбаясь. — Что ты вье-о-о-шься!..

И остальные неожиданно дружно и громко, с дикой, яростной натугой подхватили:

— На-ад мае-ю га-алаво-о-о-й!..

Мишко уселся на скамейку, покрытую мягким зеленым резиновым ковриком, зачем-то попросил сигарету, хотя был некурящим, долго мял ее пальцами, а потом незаметно бросил в воду.

Рисунки Б. Игнатьева

Незабвенные восторги

Воспоминания охотника

И. В. ОРНАТСКИЙ

*Люблю я вечером стоять в лесу на тяге;
С природой-матерью свободно и легко,
Тут забываются мирские передраги,
И думы смутные отходят далеко...
Забьешься в уголок знакомой луговины.
С ружьем в руках, и знаешь наперед,
Что над вершинами березы и ольшины
Направит вальдшнеп свой полет...
Мечтай и жди...*

Дм. Велинский

Бесконечно долго тянется вечер поздней осени. На улице тьма непроглядная. Частый, без ветра, дождик вот уже несколько часов барабанит монотонно в стекла окон; он, видимо, «зарядил» на всю ночь. Не манит тебя в такую пору на улицу с ее холодом, грязью и прочими прелестями, приличными этому времени года. Нет, несравненно лучшим находишь оставаться у себя дома, в столько лет уже обсиженном гнезде. Как хорошо чувствуешь тут себя. Приветливо пылает огонек в печи, и не страшит тебя осеннее ненастье. Ламп или свечей сумерками, покуда топится печь, я зажигаю не люблю: мне очень нравится таинственный, неровный полумрак комнаты, производимый через открытую дверку печки мерцающим в ней огоньком. Обычный дневной труд окончен, слава Богу, и теперь ты полный властелин этих вечерних часов отдохновения от всех обычных дряг и суеты. Теперь ты волен уединиться. А я, не будучи от природы ни танцором, ни любителем карт, как раз предпочитаю подобное уединение таким развлечением, как танцевальный вечер, вечер «за зеленым полем» и т. п.

Орнатский И. В. Утренние зори. Спб., 1896.

Иван Васильевич Орнатский принадлежал к петербургской плеяде российских интеллигентов, посвятивших свою жизнь служению России. Звание «Народный учитель» он получил на педагогическом поприще, но в охотничьей среде прославился как автор многочисленных рассказов и стихотворений. В начале прошлого века И. В. Орнатский был одним из самых популярных охотничьих писателей, его имя можно встретить почти во всех периодических изданиях для охотников. В течение многих лет он охотился под Петербургом, в Карелии и Финляндии, природе Северо-Запада России посвящены почти все его поэтические и прозаические произведения. Известно о дружбе И. В. Орнатского с художником И. И. Похитоновым и Н. Н. Фокиным, писателем и основателем журнала «Наша охота». Именно Фокин в 1896 году издал книгу рассказов и стихотворений И. В. Орнатского «Утренние зори». В 1927 году в журнале «Уральский охотник» был опубликован его рассказ «На глухариних токах», но сведений о судьбе писателя в советскую эпоху разыскать не удалось. В свое время читатели нашего журнала помогли найти биографические данные о старых писателях Ю. М. Смеляницком и А. П. Деметьеве. Возможно, кто-то откликнется и после этой публикации.

Посвящается И. И. Похитонову

Замечу здесь, что я холост, следовательно, — судьбою не обижен: ни «подруга жизни», ни все милые последствия, знакомые обыкновенно тем счастливым, кто удостоился вступить в «храм Гименея», меня, благодаренье небу, не тревожат. Да и хозяйственная часть по дому мне особого беспокойства не причиняет. У холостяка-охотника известное хозяйство: два-три ружья на стене, с присущими им принадлежностями, традиционная гитара, с полдюжину трубок в углу, специальные журналы охоты и т. п., а из живности — охотничья собака, и все тут. (Я говорю об охотнике ружейном, каков и я.)

Итак, мне никто и ничто не мешает иногда уединиться вечером, — побыть с самим собою, как я это устроил и сегодня. Под однообразный, но приятный шумок самовара я бесконечное число раз вымериваю шагами комнату. Мой верный Джигит, разумнейший из лавраков, по обыкновению пристроился поближе к печке и почти глаз не сводит с пробегающего по угольям огонька. Тишина комнаты время от времени прерывается потрескиванием дров в печи да, иногда, совсем бесцеремонными зевками Джигита. Я уверен, что он, бедный, зевает от скуки. Он, только что вернувшись сюда, в Финляндию, из родных, дальних краев после целого лета неутомимой охоты, печально сознает, что теперь ему предстоит с полгода скучного ничего-неделанья. Он, мне сдается, леж у огня, припоминает и передумывает, как и ты сам, все прелести и эпизоды из наших охотничьих походов минувшего лета.

Я всегда люблю помечтать в уединении, а сегодня явилось какое-то осо-

бое расположение к мечтам и воспоминаниям о моих минувших охотах. Должно быть, обстановка способствует этому: мерцающий огонек, с собакою около него, дождь, полумрак комнаты и кипение воды в самоваре — разве не способны вызвать в душе охотника, в силу известных ассоциаций, самое живое представление об охотничьих ночевках в лесу со всеми их деталями? Из всей массы воспоминаний о моих охотничьих похождениях, пришедших сегодня на память, особенно ясно предстало передо мною воспоминание о моей первой охоте на тяге. Это не забудется мною никогда. Вот об ней-то именно я и собираюсь сейчас рассказать, рассказать так, как сумею, — если не особенно мудро и витиевато, зато правдиво.

Не теперь это было. Теперь что? Теперь я обладаю целым арсеналом охотничьего оружия и всеми необходимыми охотничьими принадлежностями, имею ценную легавую собаку; кучи книг и журналов по части охоты составляют ныне мою неотъемлемую собственность. Словом, ныне я охотник вполне, охотник заправский. А было это тогда, когда, кроме грошового ружьишка, и то взятого напрокат у крестьянина-лесника, ничего вышеупомянутого у меня не существовало. Впрочем, виноват, — еще имелись у меня две настоящие книги, которые для меня были моей святыней: это «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника» Аксакова. Много, много раз перечитывал я их и всегда находил там все новые и новые прелести. Выше, идеальнее Аксакова для меня не существовало ничего... Его описания охоты на

всякую дичь мне очень нравились, но более всего любил я читать статью о вальдшнепах, хотя я в то время страшился и думать об охоте на эту птицу, которая казалась для меня недосыгаемой. Вот разве подкрасться из-за куста к какой-нибудь зазевавшейся утке или подсадить зайчишку на озимях — это было делом моих рук. «А то: подстрелить вальдшнепа, этого царя дичи? Да притом еще Аксаков говорит, что подстрелить вальдшнепа при быстроте его полета дело вовсе не легкое... Нет, эта охота не для меня!» Так с душевным огорчением частенько подумывал я в то время о стрельбе вальдшнепов на тяге, а о стрельбе их из-под стойки и совсем старался не думать, за неимением легавой собаки... Но «не так страшен черт, как его малюют», — говорит одна русская пословица, в мудрости которой и непреложной истине мне, как увидит сейчас читатель, и пришлось вскоре убедиться.

Гордиев узел развязался легко и просто, и я вскоре начал удачно постреливать вальдшнепов на тяге и наслаждаться всеми прелестями этой охоты. Мудреным разве только покажется читателю то, что если я скажу здесь, что первую подобную охоту я вполне обязан тетереву-косачу. Как ни странно покажется подобная вещь на первый взгляд, но тем не менее это истинная правда, что сейчас мы и увидим.

Дело было так. Раз ночью, в последних числах мая, бродил я с ружьем по полям, вдоль лесных опушек и высматривал зайцев по зеленым. Бродил долго, но на этот раз не особенно счастливо; начинало уже рассветать, а у меня в ягдташе имелся всего лишь один белячок. Однако я не сетовал на это: для меня пробыть весеннюю ночь в лесу

или в поле и видеть, и слышать ночную жизнь обновляющейся природы составляет и без того великое наслаждение. Я только немножко устал и собирался было присесть отдохнуть, а вместе с тем и полюбоваться весенним утром, которое на этот раз обещало быть особенно прекрасным. Только что закурил, как слышу, совсем близко от меня, звонко чухфыкнул косач. «Фу ты, пропасть! — думаю я себе. — Неужели тетерева токует до этих пор? Странно». А косач между тем успел чухфыкнуть еще несколько раз и, наконец, разошелся во всю. Я схватил ружье и торопливо пошел к нему. Пришлось спуститься на болотце и пробираться вдоль изгороди, за которой в кустах и петушились краснобровый красавец; хлопанье крыльев и яростное шипение раздавались там без умолку. Я был уже на выстрел от косача, но он не был виден, благодаря кустам раkitника.

Дай, думаю себе, поманю его. Чухфыкнул, — он откликнулся. Я опять, — он тоже, да как припустится через куст и прямо на меня хлоп за куст, шагах в двенадцати. Раскипелось у него, видно, куриное сердчишко не на шутку. «Что, мол, за соперник такой объявился? Дай, — думает, — посмотрю».

Вывернись тетерева в этот момент из-за куста — только бы ему и было веку. Но как раз, совершенно неожиданно, над моим ухом раздалось хлопанье крыльев и клоктанье тетерки; она спустилась прямо ко мне и в ту же минуту с особым, испуганным кудахтаньем взмыла вверх и, надо полагать, расстерявшись, уселась на сосну, рядом со мною.

Ее я и не думал стрелять; пораженный же таким неожиданным оборотом дела, я не успел выстрелить и по тетереву, который, услышав беспокойное клоктанье тетерки, быстро поднялся и скрылся в чаще. Таким образом, он в этот день обязанным стал спасением собственной жизни своей милой подруге, которая вскоре же и полетела вслед за ним; должно быть, она, как особа прекрасного пола, сгорала нетерпением сообщить поскорее лихоровостому рыцарю все подробности своего благородного подвига. Как хотите, читатель, а ведь это тоже роман в своем роде...

Мне оставалось только пожалеть об ускользнувшей из рук столь ценной для охотника добыче, каков бывает косач весною, и пойти домой. Иду я и раздумываю, чем бы объяснить такое позднее токование одинокого тетерева? Положил на том, что у этой тетерки первое гнездо было кем-либо разорено и она принялась за устройство другого.

Я уже подходил к полю нивою, окруженную с трех сторон лесом, как вдруг слышу над самую голову тихое хрюканье и вслед за ним какое-то резкое, тонкое цыканье. Смотрю — два вальдшнепа один за другим довольно быстро пролетели мимо меня и скрылись за

верхушками березового леса.

«Уж не тяга ли это? — подумал я. — И так близко!» (Я находился всего сажень в 150 от своего дома, который отделялся от меня только небольшим полем и был виден как на ладони.) Я простоял минут 20, но вальдшнепы более не показывались. Стало уже совсем светать, и я, наивно решив, что эти два вальдшнепа пролетели тут совсем случайно, отправился домой.

В этот же день, под вечер, отправился я на вышеупомянутое болотце, с целью устроить там шалаш, чтобы в первое же утро добыть из него косача. Солнце уже скрылось, когда шалаш мой был готов, и я собирался уходить, как вдруг вижу — над самым шалашом протянул вальдшнеп, за ним другой, минут через пять — третий. А ружья при мне на этот раз не было. Я прислонился к березовому пню, намереваясь все-таки подождать, что будет дальше. Смотрю и вижу, как три вальдшнепа, только что пролетевшие, протянули стороною назад, а над шалашом одновременно с ними показались два новых.

«Вот в каком месте их настоящий-то лёт!» — подумал я и отправился домой, счастливый уже тем, что, хотя и без ружья, а все-таки «постоял на тяге».

Одевшись потеплее и захватив ружье, я ровно в полночь отправился в свой шалаш и заснул. Тихо было в лесу, и мне жутко даже как-то стало одному от этой тишины...

Но, вот, слышу — «барашек»¹ мелодично заблеял над болотцем, и как-то особенно мила показалась мне эта песня любви среди ночной темноты и тишины: жизнью повеяло от нее. Немного спустя засвистал и дрозд.

«Ну, — думаю себе, — теперь очередь за косачом». Жду, но его не слышать что-то... Закуковали кукушки. Стало светать. С каждой минутой лес оглашался все новыми и новыми голосами своих обитателей, а косача все нет.

Я уже начинал терять терпение, как вдруг услышал, чуть не над самым ухом, плавное хорканье вальдшнепа и даже различил тихий взмах его крыльев.

«Теперь нет никакого сомнения, что я напал на настоящую тягу», — подумал я. Начал наблюдать. И, действительно, вальдшнепы один за другим потянули над шалашом, только не так дружно, как вечером, да притом и тяга эта была менее продолжительна, чем вечерняя.

Я все время крепился — не выходил из шалаша и дожидал тетерева, но сделало уже совсем светло, а его все не было. Так я ни в это утро, ни в последующие токованья больше не слышал.

Не в особенно хорошем расположении духа оставил я место ночевки и, может быть, идя домой, не один бы раз послал косача ко всем чертям, если бы он не стал хотя невольным виновником того, что я отыскал хорошую и большую

¹ Бекас.

тягу, на которой и решил попытать впервые счастья в тот же день...

Роскошный майский вечер спускался на землю, когда я во всеоружии стоял на лесной прогалине, у известного уже читателю шалаша, и ожидал начала тяги. Заходящее солнце еще кое-где лобызало верхушки высоких берез своими прощальными поцелуями. Теплый вечерний воздух был пропитан весеннею негой и благоуханиями от распустившейся и будто лаком покрытой листвы деревьев. Смолистый запах только что развернувшейся почки обильно наполнял воздух. Сочные листы и стебли трав и первых цветов дружно пробивались сквозь пожелтевший, засохший ковер, сплетенный их прошлогодними собратьями; выглянули они на свет Божий и словно улыбаются чудному весеннему вечеру. Запах свежей зелени разбавлен ароматом ландыша и «беломойки»... Несказанно хорош северный лес в такую пору. Точно на встречу великому празднику, приобчистился он и принарядился. Вон, на нежной изумрудной зелени березок темным пятном раскинулась ель. Но и она хороша теперь в своем весеннем наряде: сверху донизу, словно бесчисленные банты, пестреют на ней светлогорожденные молодые побеги... В довершение всей прелести, лес оглашен во всех концах разнообразными вечерними песнями своих крылатых гостей. Дружно и от души поют они хвалебный гимн обновляющейся природе.

Долго, в каком-то приятном упоении и забыты стоял я, опершись на старую иву. Птичий хор начал мало-помалу умолкать, и, наконец, только причудливая песня черного дрозда нарушала тишину вечера, да еще издали доносился однообразный концерт лягушек. Но вот раздалось где-то уже знакомое мне тихое хорканье, сменяемое звонким цыканьем, и я моментально очнулся. Щелкнули курки. Из-за березы пря-

мо на меня вылетает вальдшнеп. Как-то машинально вскидывается мое ружье ему навстречу. Хлоп!.. Вальдшнеп поддал немного вбок и тянет дальше. Мною делается опять же машинальный поворот... Бац... И, Бог мой, какая радость!.. Он описал в воздухе дугу, потом пошел книзу и упал на кочку шагах в десяти от меня! Я, в пылу восторга, бросаю ружье и, произнося какие-то бессвязные слова, вроде: «вальдшнеп!.. Первый выстрел...» — бегу и беру птичку, которую готов был расцеловать и, кажется, чуть ли не прижимал к груди. Забыв про охоту, я начал рассматривать каждое перышко долгоносого красавца, придавая ему всевозможные позы, и, может быть, долго бы так провозился, если б новое хорканье не заставило меня очнуться. Смотрю — другой вальдшнеп тянет прямо на меня. В одну минуту хватаю я ружье... «Щелк... щелк!» — тихо раздается хлопанье курков вместо выстрелов, и я только тут вспоминаю, что ружье следует заряжать. Заряжаю, а самого бьет как в лихорадке: два вальдшнепа показались над головою и, конечно, протянули благополучно дальше. Наконец ружье готово. Курки взведены. Жду. Опять тянет один, и прямо на меня, довольно высоко. Я вскидываю ружье и только хочу нажать спуск, как в этот момент вальдшнеп юркнул книзу и, как бы нырнув в воздухе, промелькнул мимо самого моего уха. Выстрелить не удалось. Опять жду. Летит... Стреляю, и долгоносик валится в кусты с одного выстрела. О, какой восторг! Теперь и я с гордостью могу сказать, что «бью вальдшнепов на тяге!..». Фраза — выше которой фраз для меня, охотника, я мнил, не существует.

Подобрав добычу, я еще долго простоял на заветной поляне, но по потянувшим вальдшнепам мог уже только пуделять; должно быть, от излишних восторгов первой удачи...

Заря потухла, и ночную тишину нарушало только пронзительное и монотонное трещание козодоев, когда я возвращался домой, бесконечно счастливый и довольный тем, что теперь высшая из охот стала для меня доступной. «Ведь и думать-то боялся о тяге, а между тем как все устроилось легко и просто!..» — рассуждал я дорогою. С этого времени я не пропускал уже ни одного случая постоять на тяге, и многим резвым долгоносикам довелось перебивать в моем ягдташе. Спасибо косачу!..

Ничего особенного, как видит читатель, не рассказал я здесь, но для меня дорого это воспоминание о том дне, в который я сделался охотником бесповоротно, мне дорога память о незабвенных охотничьих восторгах молодости, как, думаю, дорога она и каждому истинному охотнику.

И если этот рассказ вызовет в душе моего читателя какое-либо подобное этому воспоминание о его первых охотах, то цель рассказа моего вполне достигнута.

НА ТЯГЕ

Час ночи недалек... Дневной смолкает шум,
И дремлет лес, блестя на зареве заката...
Я очарованный стою, и мне на ум
Приходит множество неясных, тайных дум
О днях минувших без возврата...
Кукушки слышен стон, — там где-то,
далеко!..
Обильный фимиам от ландыша струится;
Я с жадностью его вдыхаю глубоко...
О, что за прелесть тут!.. И сердцу так
легко!
И так мне хочется забыться!..
Но, чу! — желанный свист пронесся
в стороне...
Пятно мелькнуло вдруг в надлесной
вышине...
Раздался гром ружья в вечерней тишине,
И вальдшнеп падает носатый!..

Белозерск, 1894

«СКАЗОЧНЫЕ»

ЧУЧЕЛА

выпускает ЗАО «Потенциал СУ»

(Патент № 45215 «Чучело охотничье
промысловое») 143360, Московская обл.,
г. Апрелевка, ул. Августовская, д. 1

Тел.: (095)746-51-20

т./факс: для Москвы 8(234)158-06

для регионов: 8(09634)158-06

8(902)682-28-75

ЗАПЧАСТИ

К СНЕГОХОДАМ

И МОТОЦИКЛАМ

ВЫСЛАЕМ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

Адрес: 107258, Москва а/я 4

Охотникам, рыболовам,
путешественникам,
профессионалам!

Фирма «АРЕАЛ» в течение 11 лет проектирует и изготавливает
качественную и комфортную экипировку по доступным ценам:

палатки, рюкзаки, спальники, разнообразную одежду с ветровлагозащитными
свойствами, на синтетическом и натуральном (гусиный пух) утеплителях,
также головные уборы, перчатки и прочее.

Мы используем современные материалы со специальными свойствами,
обеспечивающие легкость и свободу движений, надежность и долговечность
эксплуатации. Изделия прошли проверку на практичность и завоевали доверие
потребителей.

Расылка продукции осуществляется почтой и грузобагажом по всей
территории России.

Адрес фирмы: 432072, г. Ульяновск, пр. Тюленева, 24, НПП «АРЕАЛ».
тел.(8422)210405, 412500. E-mail: areal_outdoor@mail.ru

Региональные торговые представительства: г. Москва - тел.(095)
5321103, г. Санкт-Петербург - тел. (812) 9146536, г. Самара - тел. (8462)
424833, г. Новосибирск - тел. (3832) 363154, г. Красноярск - тел. (3912) 495571,
г. Норильск - тел. (3919) 468659

Вклад охоты в американскую экономику

Специалисты США пристально отслеживают все изменения в охотничьей статистике, влияющие на экономическую оценку отрасли. При этом, как было очевидно из предыдущих сообщений на данную тему (Дёжкин и Кузнецов, 1999; 2000; 2001), используются различные методы исследований. В данном случае мы ориентируемся на публикацию руководителя Ассоциации Роба Саусвик (Rob Southwick), которая входит в Интернациональную ассоциацию Службы рыбы и дичи. В дополнение к публикации мистер Саусвик предоставил нам тематический комментарий, за что мы выражаем ему искреннюю признательность.

Автор провел опрос 6564 охотников из всех штатов, причем величина выборки по отдельным штатам колебалась от 30 (Гавайи) до 217 (Пенсильвания) человек. Общее число охотников США определено в 13 034 000 человек. Анализ ведется совокупно, принимаются во внимание охотники-резиденты и нерезиденты.

В 2001 г. экономические показатели охоты США составили: первая цифра — общие показатели, вторая — у охотников на оленей, третья — у охотников на мигрирующую пернатую дичь, четвертая — у охотников на наземную пернатую дичь (везде в долларах США).

Розничная продажа (retail sales): 24 708 970 000; 10 673 990 535; 2 674 856 164; 1 854 750 978. Наибольшее значение общий показатель имел в штате Техас (1 761 285 042), наименьшее в штате Делавэр (14 772 355).

Стоимость продукции (output): 67 566 137 514; 27 885 673 982; 7 391 383 699; 4 890 531 443. Максимальное значение общий показатель имеет в штате Техас (3 636 484 738), минимальное значение в штате Делавэр (23 145 969).

Доходы (earnings): 16 771 153 961; 6 882 025 422; 1 874 091 622; 1 184 861 158. Наиболее высок общий уровень доходов в штате Техас (864 139 228), самый низкий имеет штат Делавэр (4 254 956).

Заработки (jobs): 575 368; 238 972; 68 274; 42 338. Наибольшей величины общий показатель достигает в штате Техас (31 711), наименьшей в штате Делавэр (8 932).

Налог на горючее (fuel taxes): 955 425 65; 410 660 686; 78 286 732; 60 396 638. Максимум общего показателя штат Техас (93 021 192), минимум штат Делавэр (150 252).

Штатный подоходный налог (st. inc. tax): 267 623 550; 117 130 178; 17 358 499; 13 308 182. Наиболее высок уровень об-

щего показателя в штате Огайо (22 485 423), самый низкий в штате Делавэр (639 672); в девяти штатах этот налог не взимается.

Федеральный подоходный налог (fed. inc. tax): 2 986 651 410; 1 217 459 816; 328 152 852; 206 232 649. Максимальный уровень общего показателя в штате Техас (148 055 527; штатный налог не взимается), минимальный в штате Делавэр (639 672).

Наибольшее число охотников насчитывается в следующих десяти штатах (в скобках — число затраченных ими охотодней):

Техас — 1 201 054 (14 081 256), Пенсильвания — 999 749 (13 955 198), Мичиган — 753 507 (8 993 683), Нью-Йорк — 714 140 (13 187 353), Висконсин — 659 664 (9 652 829), Миннесота — 596 602 (8 437 408), Огайо — 490 395 (10 223 091), Миссури — 488 611 (6 605 601), Арканзас — 430 694 (8 411 150), Алабама — 422 782 (7 615 502). Всего в 2001 году охотники США провели на охоте 228 167 000 дней.

Упомянутые 13 с лишним миллионов американских охотников в течение года затратили следующее количество долларов на:

Еду, питье, освежающие напитки — 1 980 395 000.

Жилье (мотели, хижины, полевые лагеря и т. д.) — 469 547 000.

Публичный транспорт, включая аэропланы, поезда, автобусы, аренду автомашин и др. — 185 994 000.

Личный транспорт — 1 603 326 000.

Оплата проводников, упаковки и перевозки багажа — 377 233 000.

Плата за доступ на общественные земли и использование их — 53 499 000.

Плата за доступ на частные земли и использование их (исключая лицензии) — 370 858 000.

Топливо на обогрев и приготовление пищи — 89 232 000.

Затраты на оснащение: лодки, охотничье и лагерное снаряжение и т. д. — 36 395 000.

Горючее для лодок — 42 553 000.

Оплата спуска судов на воду — 6 448 000.

Оплата стоянок, охраны, ухода за моторными лодками — 36 912 000.

Нарезное оружие — 907 470 000.

Охотничьи ружья — 676 619 000.

Пистонные (дулозарядные) и другие примитивные охотничьи ружья — 105 507 000.

Ручные ружья (hundgans) — 277 270 000.

Луки, стрелы, снаряжение лучников — 462 097 000.

Телескопические устройства — 307 000.

Приманки, манки — 139 919 000.

Охотничья амуниция — 651 896 000.

Приспособления для ручной загрузки (снаряжения), компоненты — 139 686 000.

Охотничьи собаки и ассоциированная плата — 604 616 000.

Прочее охотничье снаряжение (ножи, чехлы и др.) — 289 595 000.

Оборудование для лагерей — 182 237 000.

Бинокли, подзорные трубы, телескопы и др. — 172 956 000.

Специальные охотничьи ткани, накидки от непогоды, ботинки, телогрейки и др. — 543 582 000.

Таксидермическое оборудование — 391 793 000.

Книги и журналы об охоте — 124 313 000.

Взносы или пожертвования — 282 846 000.

Поддерживающее снаряжение — снегоходы, лыжи, оборудование для ремонта и т. д. — 97 553 000.

Лубяные (bass) лодки — 5 448 000.

Другие моторные лодки — 98 542 000.

Каноз или другие не моторные лодки — 24 670 000.

Лодочные моторы, трейлеры, тягачи и др. — 60 650 000.

Домкраты, вагончики, палатки, трейлеры, тенты для трейлеров, укрытия для моторов — 4 246 589 000.

Кабины — 754 034 000.

Вседорожный транспорт: велосипеды для путешествий, автотранспорт 4x4, снежный автомобиль и др. — 3 218 532 000.

Другое специальное снаряжение (лежачки, аэропланы и др.) — 23 095 000.

Лицензии, метки, разрешения и другие аналогичные затраты — 693 038 000.

Плата частным землевладельцам за охоту в 2001 году — 3 351 389 000.

Плата частным арендаторам за охоту в 2001 году — 624 503 000.

Суммарные затраты за 2001 год — 24 708 970 000 долларов.

Следует заметить, что приведенная информация не только дает представление о разнообразии американской охоты и больших экономических возможностях охотников этой страны. Они — свидетельство своеобразной охотничьей культуры США, которая требует специального анализа и изучения.

В. ДЁЖКИН, Е. КУЗНЕЦОВ

Уважаемая редакция! Мне 34 года, из них 20 лет я охотюсь. На охоту отец брал меня с 8-ми, а дал в руки ружье в 11 лет. Это была одностволка ИЖ-18 20-го калибра. Когда исполнилось 14 лет, я вступил в юношескую секцию охотников и рыболовов. Охота стала для меня любимым занятием на всю жизнь.

Я очень люблю собак, убежден, что охота без собаки — не такая яркая и полная. Держу курцхаара и ягдтерьеров. Все члены нашей семьи тесно связаны с охотой. Моя жена Марина всегда помогает мне, и за 14 лет я не слышал от нее ни одного плохого слова об охоте. Старшая дочь Галина очень любит собак. Когда появляются очередные щенки, она первая помощница и кормилица для них. Сыну Павлику исполнилось 10, он — мой помощник и на охоте, и дома. С 7 лет принимал участие в биотехнических работах по подкормке животных, сажал наравне со взрослыми топиамбур и просо. Без его участия не обходится ни одна выставка и выводка собак. Он постоянно присутствует на испытаниях, видит воочию, как из несмышленого щенка формируется настоящая охотничья собака.

Каждый год я принимаю участие в соревнованиях по стендовой стрельбе, и тут сын всегда рядом, носит патроны, а соревнования эти ждет с нетерпением. Он сам заряжает патроны, чистит и собирает любимое МЦ-21-12, конечно, под моим присмотром. В прошлом году он уже как стрелок участвовал в районных соревнованиях среди юношей. И пусть нет пока разбитых тарелочек, главное — желание, искорка,

из которой разгорается охотничий огонек в сердце. А нам, взрослым, нужно вовремя поддержать, не дать погаснуть этой искорке.

Не надо бояться брать своих детей на охоту в любую погоду, в любое время дня и ночи, ибо (я в этом убежден) характер мужчины, защитника и кормильца, формируется именно в мужской охотничьей среде. Охота плохому не научит. И пусть его покусали комары, натер мозоль на ноге, куртка стала белой от пота, зато он не будет болтаться по улицам или в подворотне, подбирать окурки, баловаться пивом, а будет с отцом, хорошими друзьями, верными собаками бродить по лесам и полям.

Если можно, напечатайте фотографию сына в нашем любимом журнале, для нашей семьи это будет большая радость.

С. ПАНОВ
Краснодарский кр.

Есть на Черноморском побережье Кавказа небольшой уголок — Бетта. Расположен он в стороне от большой автострады, поэтому его, как говорят, судьба милует — не стал еще «проезжим двором».

В Бетте — дом отдыха Северо-Кавказского военного округа, и название его такое же — «Бетта». Те, кто страстен к рыбалке, приезжают сюда к началу массового хода ставридки. В бархатный сезон здесь сущий рай...

Именно в такую пору произошел необычный случай. Мимо лодки, в которой находилось два рыбака, торпедами пронеслись дельфины, но один, крупный, закружил вокруг лодки. Рыбак, что постарше, Анатолий Дмитриевич, возьми да и скажи:

— Подходи, угощу ставридкой.

Увидев в протянутой руке человека крупную рыбу, дельфин направился к лодке. Рыбак не рискнул передать угощение «из рук в руки», бросил приманку, а дельфин ее ловко поймал.

Вначале Анатолий Дмитриевич осторожно потчевал морского гостя, потом доверился, стал с ним разговаривать, привстал, высоко поднял руку с рыбой. Морской

пришелец свечой взметнулся ввысь, взяв лакомство. А когда опустился в воду, фонтан брызг накрыл рыбаков. Иной раз дельфин выполнял совсем не то, что от него требовали, но усердствовал «от души». Когда морской зверь съел весь улов, рыбаков развел руками:

— Прости, приятель, благодарить тебя больше нечем. Понял ли его дельфин или время пришло, спохватился и стал поспешно удаляться, видно, торопился догнать сородичей.

Многое я слышал о дельфинах — и как помогали они утопающим, и как спасали рыбаков от акул, но чтобы в открытом море по своей инициативе представление устраивали — такого слышать не приходилось.

Однажды сам стал свидетелем необычной картины. Крупный дельфин подошел к самому берегу и оказался среди купающихся, многие поспешили на берег. Может, это тот самый дельфин, ищущий общения с человеком? Отдыхающие высказывали предположение, что он из дельфинария, а по «высуге лет» отпущен на свободу...

Н. МАТБЕЕВ
Краснодар

Уважаемая редакция! На охотах мне не раз приходилось сталкиваться с плодами трудовой деятельности бобров — этих неуклюжих на суше зверей. Самих бобров я видел несколько раз в воде, в их родной стихии. Там они

чувствуют себя прекрасно.

Первый раз я был потрясен их великим трудолюбием на озерах в Белоруссии. На небольшом полуострове в лесу, совсем около воды, я увидел семь огромных деревьев, диаметром не менее полуметра, сваленных бобрами. Что-то они не рассчитали, и деревья падали не в воду, а на берег, что не позволяло этим труженикам заготовить ветки для кормежки зимой. Но они духом не падали и пытались снова и снова... Я позвал сына и показал ему эти огромные деревья, он изумился не меньше меня. Мы прикинули, сколько бы нам понадобилось времени, чтобы свалить эти громадины с помощью топора. Скажу честно, у нас получилось несколько дней, а ведь бобры пользуются только зубами. Сколько у них ушло времени, назвать не могу, но мы с сыном оценили их работу как огромный трудовой подвиг.

И вот теперь мы с братом разглядываем еще одно чудо — плотину, сооруженную семейством бобров. Да, именно плотину, добротную, длинную — настоящее гидротехническое сооружение. Залезли на нее, прошли — все прочно, надежно. Такую плотину я видел в первый раз, длиной она была метров 50—60. Ее основу составляли сучья, земля, камни и еще бог знает что. Это надо было видеть! Мы с братом и собакой спокойно перешли по ней на другую сторону и увидели рядом бобровую хатку.

Ю. ШЕВЯКОВ
Москва

Бобровая хатка

Фото Т. Баженова

Несколько недель я переживал свою первую и неудачную встречу с кабаном, когда «в штык» бил в него в десятке шагов и не пробил его лобовой брони. Меня еще несколько раз приглашали на секача, но я чувствовал неуверенность и под разными предлогами отказывался, предпочитая ходить на зайцев. Ходил до изнеможения, в день выхаживая до нескольких десятков километров. Ехал после этого домой и думал, все, шабаш, больше не поеду! Но проходила неделя, все забывалось, да и товарищей грех бросать...

Перед Новым годом захотелось какой-нибудь свежатинки добыть. Подобралась хорошая компания, и я не удержался, решил поехать, «чем черт не шутит, когда бог спит!» На инструктаже сообщили, что бить можно две косули, кабана и лося. На все есть лицензии. Мне лично ничего не хотелось, кроме кабана, с которым были старые счёты.

Итак, мы получили добро, с нами вызвался пойти егерь этого урочища с собакой, хоть и маленькой, но, как оказалось, очень вязкой, звонкой и злющей. Я пошел на номер, левее и ближе к загонщикам. Вдалеке стал прослушиваться звонкий собачий лай, без перерыва и напористо. Заложил патроны с пулями Полева, приготовился.

Я слишком хорошо помнил свою прошлую встречу с кабаном, нулевой результат, и решил никоим образом не допустить повторения ошибки. И вот он... идет не спеша, пройдет десять шагов, остановится, повернется, послушает и потрухивает дальше, но ко мне все ближе. Я стою впереди трех дубов, как прикованный Прометей, жду... Подпустить надо ближе и бить только в бочок, и левый. Как его развернуть? Но он это сделал сам. Опускаю курок. Промазать я не мог, расстояние десятков метров. Подхожу, ружье наготове. В начинающихся сумерках замечаю огромную массу на земле, кабан лежит на боку, пытается задними ногами от чего-нибудь оттолкнуться, я ударил в затылок. Он сразу

затих. И все стало просто и буднично. Секач добыт, никаких свидетелей, никаких оценок! Подходит егерь, впереди собачка, она смело бросается на кабана, треплет его, меня не подпускает, считая, что это ее законная добыча.

Охотники наверняка знают, что такое шурпа в зимнем лесу после удачной охоты! Вокруг котла-казанка усаживается команда здоровых мужиков человек двадцать, в котле мяса доверху, приправа совсем не обязательна, мясо такое пахучее и жирное. Для порядка можно добавить немного картошки и малость прочего... Шурпу готовят особо доверенные специалисты, легкие на руку и с чистой душой, годами проверенные, и в каждой бригаде они есть. Духвездерный казан съедается в один присест, тосты следуют один за другим, а затем песни в основном доперестрочного периода.

Я пробовал привозить домой лесную охотничью шурпу, но понимания должного не было. Может, все хорошо с пылу, с жару? Кто не ел нашей охотничьей шурпы, попробуйте, она получится и из утки, и из иной дичи, из рыбы, наконец, и не важно, что название будет другое, главное — на природе, в хорошей компании!

А. БРАГИН
г. Белгород

Здравствуй, уважаемая редакция и читатели журнала! Все мы хорошо знаем, как утомительно и порой тяжело добираться до места охоты, проходя многие километры по весенней распутице и неся на себе оружие и снаряжение. Нам же удалось практически устранить все эти неприятные моменты благодаря нашему чудо-автомобилю. Теперь мы без труда добиремся до недоступных ранее мест и легко возвращаемся на ночлег. Правда, случаются иногда и курьезы.

Как-то, преодолевая участок затопленного леса, где глубина порой достигала двух-трех метров, лавируя между поваленными и стоящими деревьями, мы наско-чили на подводную корягу, и

на нашей амфибии сорвало гермолюк. Наше «чудо» стало стремительно набирать воду. Посылать SOS было некому. Спасаться пришлось собственными силами.

Быстро спустив на воду закрепленную на корме пластиковую лодку и побросав в нее основной груз, мы едва успели довести наш тонущий «баркас» до взгорка, что был, на счастье, неподалеку. Затем закрепили на своем месте сорванный гермолюк, предварительно слив набравшуюся воду, и продолжили путь.

Прибыв на место, мы поставили палатку, надули лодку (и такая у нас была), приступили к обустройству засидок. Поохотившись вечернюю и утреннюю зорьку, поехали обследовать другие места. По пути встретили охотников, по уши увязших на своем «джипе», нам удалось их вызвать с помощью лебедки. Оглядываясь на их изумленные лица, ныряя в очередные затопленные канавы, переползая перепавшие, превращенные в

жижу поля, мы добрались до лесной поляны, где и решили остановиться. За небольшим перелеском открывалась водная гладь разлившейся реки, где в изобилии плавали утки.

И в заключение о нашем чудо-автомобиле. Это, если сказать по-военному, — ТПК (транспорт переднего края), предназначенный для эвакуации раненых и доставки боеприпасов, полноприводной плавающий автомобиль оборудован лебедкой с электроприводом, установленным спереди, незаменимой для автомобиля этого класса принудительной блокировкой заднего моста. Водомета как такового нет, его заменяют вращающиеся колеса. Передние служат и для поворота автомобиля. С подвесным мотором идет хорошо, более 10 л.с. не пробова-ли. По надежности в различных суперэкстремальных ситуациях эта машина может поспорить со знаменитыми европейскими фирмами.

Ю. НИКИШИН

Цицтевшее счастье

В словарях трактуется, что байка — это выдумка, небылица. Со словарями не поспоришь, но охотник, рассказывающий байки, почти уверен, что уж он-то говорит правду и только правду, просто издавна повелось, что все охотничьи истории называют байками. Обидно, конечно, когда тебя считают вралем, и что после этого делать охотникам — помалкивать в тряпочку? А картину «Охотники на привале» — отменить? Скучно все это как-то, братцы. Ну уж нет, лучше мы по-прежнему будем травить байки, не люблю — не слушаю... В старом мултике у повара-пса получались из теста только сардельки, а у охотников, как ни крути, разговор всегда закругляется в охотничью байку, хотя бы и самую незатейливую, например, такую.

Охотники картинно расположились не на привале, а у избушки. Чем занимаются? Да все тем же: празднуют приезд в лес, знакомятся с родными северными местами, застольничают. Посиделки с охотничьими рассказами впереди, сейчас за столом с наскоро разложенной еще домашней снедью звучат тосты за весну и грядущую удачу. На столе, вкопанном в землю, снег давно растаял, осталась самая малость под ногами — примета для начала охоты добрая. В апрельский вечер на дворе бодрящая холодрыга, но греют тосты и друзья, еще теплее становится от пролетающих где-то за лесом оживленно-сварливых гусей. А тут и первый вальдшнеп протянул, и не где-нибудь, а прямо над головами, так низко и тихо, что хоть за длинный клюв его лови. Следом за ним второй и — так не бывает! — третий и четвертый.

Все ружья лежали в рюкзаках, патроны заклеены липкой лентой. Каюсь, именно я убеждал приятелей, что следующий вальдшнеп, по всем вероятностям, пролетит над столом через год, а может быть, и через пять, — просто-ра для веселого весеннего гулянья вальдшнепу в лесу предостаточно, с какой стати летать над людьми, да еще не простыми, а охотниками. Кто же мог в тот вечер подумать, что еще несколько птиц, вопреки здравому смыслу, опять протянут над нашим праздничным столом, и кто мог знать, что за охотничью неделю на четыре ружья всего-то и достанется пяток вальдшнепов, а близости от избы их вообще никто не увидит. И ведь не дебютанты охотничьи собрались, а прошляпили удачу, летевшую в руки. Но ошибется тот, кто решит, что охотники с годами становятся всезнайками, набираются драгоценного опыта и не допускают промахов, если не в стрельбе, то в охотничьей науке уж точно.

Вот еще одна картинка: та же весна, те же охотники, но уже сидящие на мешках в ожидании поезда на таежном разъезде. Тепловозик с двумя вагонами или дрезина с путевцами-ремонтниками ходят здесь от случая к случаю, и рюкзаки можно бросать с натруженных плеч прямо на рельсы, именно бросать, потому что в сапогах от тяжелой ходьбы по оттаявшему болоту булькал горячий пот и нестерпимо жег пятки. Ближайший полустанок с людьми в двадцати верстах, а на разъезде живая душа в диковинку, разве что вылезут из лесу замшелые лесовики и снова скроются в чаще, оставив у шпал разбросанные головешки из костра, похожие на обгорелые кости.

Два глухаря едут с нами в Москву, правда, не по своей воле, а с завернутыми под крыло головами. Гусям, селезням и косякам с путешествием в столицу не пофартило, остались в холодном краю, зато живые. Гореваля мы об этом мало, а вот вальдшнепы над обеденным столом из памяти не улетели — такое бывает раз в жизни. Железная дорога в одну колею расскла тайгу с востока на запад, и по дну глубоких откосов, по голубому льду на дне потихоньку спешили талые ручьи. Но тепло лавиной наплывало на северную землю, мерзлый панцирь тут и там

давал трещины, крошился и, сжевываясь, стократно увеличивал потоки воды. А много ли ее нужно для чая? Я спустился с котелком в кювет зачерпнуть воды. «Тюли-брюли, чули-крюли» — журчит ручей. Это внизу, а сверху вдруг: «Цвирк-цвирк... хор-р — хор-р...» — что за напасть? Вальдшнеп тянет!

На насыпи кто-то из приятелей закричал: «Глядите, еще парочка летит!» Я посмотрел на небо и увидел одного вальдшнепа. А где же второй? «Да этот уже четвертый, а два слева летят», — оживленно обсуждали друзья увиденное. Ну что ж, неплохой завершающий аккорд для весенней охоты. А потому мы с азартом ринулись крушить сушняк для костра. «Еще, еще один летит!» — услышал я сквозь треск ломаемых сучьев.

Когда пугиры кипящей пены вылезли из-под коры сырых ольховых дров, над лесом снова раздался дразнящий голос вальдшнепа: «Цвирк-цвирк, хор-р — хор-р». Откуда их столько повылазило? Памятуя о своем грехе в первый день охоты, я горячил всех, мол, немедля расчехляйте ружья, ведь взяли вальдшнепа на тяге до следующей весны не удастся, а в Подмосквовье охота давно закрыта. Но на этот раз уже друзья смеялись надо мной: «Угмонись, вертлявенький ты наш, ты что же думаешь, что к костру слетятся вальдшнепы со всей Вологодской губернии?» Только один, сидевший в сторонке старый холостяк, сочувственно вздохнул: «Пусть порезвится, а то вон в молодости вокруг меня столько девок кружилось, а сейчас все красавицы куда-то улетели». Я не слушал советы, а под хорканье очередной пары птиц зубами грыз узлы на рюкзаках тесемках.

Опыт подсказывал, что вальдшнепы не летают по струнке, и я побегал по насыпи в сторону, подальше от всех, а следующий вальдшнеп взял да и пролетел опять над костром. Прибежал обратно, накинусь на лентяев: «Дубины стоеросовые, другой такой тяги никогда не будет, хватайте ружья!» Но они не поверили в охотничье чудо, и я в одиночку, спотыкаясь о шпалы, носился бегом вдоль железной дороги, даже пару раз позорно пудельнул. Только после моих промахов в друзьях разыграло ретивое, и они стали распахивать рюкзаки, но было уже поздно: вдали замаячил прожектор поезда, зазвенели рельсы, дрогнула под ногами насыпь.

С того майского вечера утекло много воды. Кто-то насчитал двадцать два, кто-то двадцать четыре, а я девятнадцать вальдшнепов, пролетевших над костром. Еще и у избушки в день приезда их протянуло не меньше десятка. Но суть не в их количестве и даже не в том, что мы ни одного не сбили. Главное, что ничего похожего ни я, ни мои друзья больше никогда не видели.

М. БОРОВОЙ

Хищник на глухарином току

В первой декаде мая 1954 г. заведующий Северным отделением ВНИО (ныне ВНИИОЗ) Б. Т. Семенов взял меня на свой заветный глухариный ток в окрестностях Большого Слободского озера в Холмогорском районе Архангельской области. Из крошечного поселка на одиноком мысу огромного лесного озера мы пошли по давно заброшенной размокшей весенней дороге, потом по еле видимым редким затескам на деревьях вдоль заросшей смешанным елово-березовым лесом довольно сухой для этих болотистых мест невысокой гряды. Наконец затески привели нас к замшелой, залитой водой низине. Мы осторожно перебрались через нее, утопая по колено в хлюпающем мхе, и вышли сначала в более сухой ельник, а потом на край мохового болота, небольшой полосой забивавшегося по неровной дуге к северо-западу. Вдоль его восточной границы стояла гряда соснового бора, по кром-

ке которого росли молодые елочки и редкие березки. Зеленые мхи, багульник и другие болотные растения севером покрывали все пространство, топорщились бурными кустиками по кочкам. Шел седьмой час вечера. Солнце опускалось за лес.

«Пойдемте, я покажу вам старую заброшенную берлогу», — сказал Борис Тимофеевич. — В прошлом году, когда я приходил на ток, медведь пугал меня в сумерках, трещал валежником в стороне, рывкал, пока не утомился». Мы пошли еловой кромкой, вышли на площадку, и глазам предстала странная картина. На взрытом мху повсюду валялись глухаринные перья, около кочки из-под выданной кучи мха торчали длинные перья хвоста и концы крыльев. Под одним клочком мха оказалась голова петуха, чуть поодаль открыто лежала другая. Обе головы были обьежены снизу от клюва до мозговой части черепа. Кроме голов, лежали пара крыльев и слегка поврежденный, но составляющий одно целое хвост. Ни костей скелета, никаких других фрагментов тушек не сохранилось. Едва мы прошли дальше с полсотни метров, как наткнулись на останки еще двух глухарей: голова, верхняя часть скелета с торчащими перьями на обрывках мягких тканей и кожа, которая еще связывала оба погрызенных места крыла; чуть поодаль — укрытая клочками мха почти целая тушка глухаря без головы с сильным запахом. Отдельно лежала прикрытая мхом не успевшая протухнуть голова с частью шеи. Через 25—30 метров нашли еще одного разодранного и съеденного петуха. Возле изрядно обглоданной головы лежали два экскремента лесной куницы.

Сумерки сгущались. Надо было кончать поиски и успеть найти берлогу. Под выворотнем старой ели зияла небольшая пещерка. Глубиной до одного метра и примерно такой же ширины; темная и сырая ниша была подтоплена снизу. Никакой подстилки на дне не было. «Медведь здесь не зимовал, — задумчиво протянул Борис Тимофеевич, — видно, в прошлом году он углублял пещеру, но, очевидно, из-за грунтовых вод бросил логово».

На подслухе мы вскоре услышали прилет и близкую посадку глухаря и долго вслушивались в вечерние звуки, ожидая другие прилеты. Наконец где-то далеко на севере от нас что-то еле слышно прошелестело, и все смолкло. Сумерки сгустились. На дальнем болоте стихли брачные крики самцов белых куропаток.

Майские ночи под Архангельском быстротечны. Еще в темноте азартно запел ближний глухарь. Борис Тимофеевич пошел к нему. Я сидел и вслушивался в ночь. Глухарь непрерывно сыпал трели и страстно «точил». Кроме него не токовал никто. Я тихо пошел кромкой болота в сторону вчерашней отдаленной «посадки». Тихо, скоро токующий глухарь стал еле слышен, а потом и вовсе сошел со слуха. Грохнул выстрел. Я остановился, огляделся и вдруг увидел на толстом боковом сучке большой сосны чуть выше полдеревя силуэт глухаря. Молчун сидел, как изваяние, на фоне заалевшей зари.

Через месяц я снова пришел на ток, чтобы проверить останки глухарей и поискать более тщательно новые жертвы. Хотелось приподнять завесу над лесной драмой. Останки птиц были растащены и частично поедены. Почти целая тушка оказалась съедена вся. Головы были сильно изгрызены, но мозговые коробки черепов все-таки уцелели. В стороне от прежних удалось найти место помки еще одного петуха. Кроме перьев, уцелели оба крыла и хвост.

Уже возвращаясь обратно, перед сфагновой низиной я в недоумении остановился около елочек, окруживших сплошной стеной громадную сосну с густой кроной. Кто и зачем содрал мох с большой площади перед елочками? Почему его нигде нет? Прорвался сквозь еловый часток к сосне и все понял. В корнях сосны находилась воронкообразная яма, устланная мхом: глубина около по-

луметра, диаметр поверхности 2 м, на половине глубины 60 см. Под одной из елочек побольше — косою подкоп глубиной 40 см, диаметром 25—30 см. Мох в большой яме был аккуратно примят и явно облежан. В этой верховой берлоге медведь провел прошедшую зиму под навесом из ветвей могучей сосны. Сухой песчаный грунт бугра был куда как надежнее для берлоги, чем сырой торфяник под корнями березы.

Винить медведя в разорении тока не было оснований. Вероятно, он ушел отсюда до того, как какой-то другой хищник ловил и прятал глухарей: медведь бы съел все пригодные в пищу части птиц и не стал бы расчленять их и прятать в мох. Борис Тимофеевич считал, что злоумышленником была енотовидная собака. Ему рассказал егерь хозяйства В. Я. Паровщиков, как одну из прошлых весен, пока он подходил к другому певцу, енотка украла у него положенного около кострища глухаря. Но этот хищник вряд ли оставил бы несъеденными головы, да и другие части тела тоже. Аналогично бы вели себя лисица, рысь, россомаха. Скорее всего, разбойничала на току лесная куница, оставившая к тому же свои визитные карточки около останков, да и манера растаскивать и прятать куски добычи больше всего подходит этому хищнику.

На следующий год я снова приходил на место тока в конце мая. Тока затухали, но утром на моем току пели три петуха. Больше побывать здесь не довелось.

Н. ГРАКОВ

Фотоальбом

Забыли

О. Чугунихин, г. Москва

УЛИТИН А. Пути развития	1
ТЕМЕРОВ В. Консультации юриста	4
СОЛОВЬЕВ П. Сейф должен стоять в спальне!!!	5
ОВИННИКОВ Н. Господин министр, помогите охотникам!	5
ЛАПСИН Г. Записки промыслового охотника. Со- болевска на Тухтиреке	6
ЕЛАГИН О. Гусиное эльдорадо	9
ПВЛОВ М. Две охоты на медведя	12
ШТИЛЬМАРК Ф. В. Н. Скалон об охотоведах Сиби- ри	16
БАЖЕНОВ Т. «Охотник» хозяйство нового времени Курьезы охотничьей жизни	20
КАЛАШНИКОВ Р. Лайка и дратхаар на Урале	24
БИШУЛА Д. Эти «милые» собачки	26
НОРЕЙКА Р. Любимое ружье — предмет одушев- ленный	28
БЛЮМ М. Самозарядный карабин «Вепрь-Хантер»	31
БУЛГАКОВ М. Однокорытники	32
АЛЁХИН И. Черный ворон	37
ОРНАТСКИЙ И. Незабвенные восторги	40
ДЁЖКИН В., КУЗНЕЦОВ Е. Вклад охоты в американ- скую экономику	43
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	42
ШИШКИН В. Аистообразные	48

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер нового паспорта; когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

На первой странице обложки:

После долгого пребывания в норе лисята радуются свободе, теплу и солнцу и, как все дети земли, играют и не могут наиграться

Фото А. Севастьянова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 25.12.2002 г. Подписано к печати 03.04.2003 г.

Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 34 890 экз. Заказ 534. Цена 22 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18.

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени

ГУП Чеховский полиграфический комбинат

Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

Ярким символом грациозности и чистоты выглядит остро-
жно выступающая по мелководью **большая белая цапля**. Эта
крупная птица весом до 2 кг, с размахом крыльев свыше 1,5 м,
едва не была погублена человеком, польстившимся на ее
длинные ажурные перья спины — эгретки. К счастью, мода
на женские шляпки с эгретками прошла, и большая белая
цапля в ряде мест своего обширного ареала, от Америки до
Австралии, начала восстанавливать прежнюю численность.
На российской территории гнездовые поселения этого вида
в сумме вряд ли превышают 10 тысяч пар, из них около 5 ты-
сяч пар — в дельте Волги. Общий цвет оперения белый. Эг-
ретки, отрастающие в брачный сезон, заметно выступают за
край хвоста. В возбужденном состоянии птица может подни-
мать их и разворачивать веером. Радужина желтая. Клюв
черный, у основания желтый. Вне сезона размножения и у
молодых птиц — желтый. Окраска уздечки от желтой до го-
лубой. Ноги черные, голени в брачный сезон желтовато-ро-
зовые. Гнездятся большие белые цапли как колониями, так
и одиночными парами. Гнезда устраивают на заламах трос-
тника, на кустах и деревьях. Нередко образуют смешанные
колонии с другими видами цапель. В кладке обычно 3—5 го-
лубоватых крупных яиц. Насиживание продолжается 25—
26 дней. Птенцы покрыты негустым белым пухом. Они до-
вольно долго остаются в гнезде. Слетки появляются через
6—9 недель. Охотятся большие белые цапли в одиночку, «на-
бродом», при достаточных запасах корма — стаей. В пита-
нии преобладает рыба длиной 10—12 см, иногда крупнее.
В рацион входят также лягушки, различные беспозвоночные,
мелкие грызуны, слетки птиц. У нас большие белые цапли,
как правило, перелетны, на юге ареала — оседлы. Отмечена
тенденция к расселению этого вида севернее известных об-
ластей гнездования в степной и лесостепной зонах. Гнездо-
вые колонии большой белой цапли охраняются в ряде заказ-
ников, в заповедниках, например Астраханском, Ханкайском.
От других видов белых цапель отличается крупными разме-
рами, отсутствием украшающих перьев на груди. Уздечка
проходит под глазом, продолжаясь за его край. В полете глу-
боко втягивает шею, ноги значительно выдаются за край хво-
ста. Клюв длиннее среднего пальца.

На Дальнем Востоке вместе с большой белой цаплей мо-
жет встречаться, а в ряде мест и совместно гнездиться (оз.
Ханка, например) **средняя белая цапля**. Она почти вдвое мень-
ше большой белой цапли. Окраска оперения чисто белая, но
в отличие от предыдущего вида на груди имеются удлинен-
ные украшающие перья. Радужина и уздечка желтые. Ноги
черные. Окраска клюва изменчива: от черного до желтова-
того с черным кончиком. Гнездится обычно колониями в око-
ловодных биотопах на деревьях совместно с другими вида-
ми цапель. В кладке 3—4 яйца, похожих на яйца большой бе-
лой цапли, но заметно мельче. Насиживание до 4 недель.
Птенцы покрыты белым пухом. Слетками становятся через
5 недель. В питании доминирует рыба менее 10 см длиной,
земноводные, насекомые и др. На нашем Дальнем Востоке
средняя белая цапля обитает почти на северном пределе сво-
его гнездового ареала. Область ее основного распростра-
нения Африка, Юго-Восточная Азия и Австралия. Залеты
средней белой цапли неоднократно регистрировались на
Сахалине, Южных Курилах, в различных районах Приморья.
Обнаружение новых гнездовых колоний этого вида предстает
исключительный интерес. Средняя белая цапля занесе-
на в Красную книгу России. От сходных по размеру мелких
белых цапель: малой белой и желтоклювой отличается чер-
ным цветом пальцев (а не желтым), желтым цветом уздечки
и черно-желтым клювом. Подробнее о малой белой цапле и
о желтоклювой цапле, также внесенной в Красную книгу Рос-
сии, мы расскажем в следующем номере.

В. ШИШКИН

Пара
больших
белых
цапель
у гнезда

Средняя белая
цапля

Большая белая
цапля

Средняя
белая
цапля

Дорогие друзья!

Скоро заканчивается подписка на журнал **«Охота и охотничье хозяйство»** на второе полугодие 2003 года. Не забудьте, пожалуйста, что в розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, необходимо оформить подписку.

Волею судьбы, нашему журналу дарована почетная доля - быть рекордсменом-должителем среди всех когда-либо издававшихся в нашей стране охотничьих периодических изданий.

«Охота и охотничье хозяйство»

- старейшее в России периодическое издание о природе и охоте. В октябре 2003 года ему исполнится 48 лет!

Наш журнал служит интересам массового читателя-охотника, он нужен любителю и промысловнику, оружейведу и кинологу, работнику управлений охотничьего хозяйства и охотничьих обществ, людям вдумчивым и серьезным, ищущим не столько отдыха и развлечений, сколько знаний и просвещения, решения проблем экологии и охотничьего хозяйства.

Собранный за все годы издания, журнал воистину бесценен и незаменим. Он один стоит целой охотничьей библиотеки.

Наш подписной индекс на полгода 70673 по каталогу Роспечати